

От автора бестселлеров
USA Today

Эмма
Робинсон

ДОЧЬ МОЕГО МУЖА

Annotation

Представьте, что вы живете спокойной, размеренной жизнью, где все подчинено строгому расписанию и, самое главное, нет бегающих и прыгающих вокруг детей.

Представили? Так вот, до недавнего времени эта история была про нас. Пока в один прекрасный пятничный день все не пошло насадку, когда на пороге нашего дома возникла бывшая моего мужа, Кара, вместе с маленькой девочкой – точной его копией.

Мой муж часто говорит мне, что мне необходимо расслабиться. Согласитесь, ситуация не способствует расслаблению. Особенно, когда ты понимаешь, что теперь в твоём доме будет жить ребенок. Ребенок моего мужа.

Не подумайте, я люблю детей, просто не у себя дома. Я почти уверена, что даже самому милому ребенку на свете не удастся растопить мое сердце. Но что, если это не так?..

- [Эмма Робинсон](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Эмма Робинсон

Дочь моего мужа

Emma Robinson
My Husband's Daughter

© Emma Robinson, 2020

© Ткаченко В., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Свернувшись калачиком на диване, как котенок, с губками бантиком, тихим дыханием и волнами волос, рассыпавшихся по подушке. Самый красивый ребенок из тех, кто когда-либо родился.

Я касаюсь твоего плеча, чтобы разбудить, уже слишком взрослую, чтобы я могла просто взять тебя на руки. Но ты, наоборот, прижимаешься ко мне, пока я веду тебя в постель, бормоча, что не устала и не хочешь спать. Но как только я натягиваю одеяло тебе на плечи, всего в считанные мгновения твои веки закрываются, а ресницы снова предательски опускаются.

Потом я немного жду у твоей постели, прижав руку к груди.

Как ты можешь быть моей? Ты была незапланированным, непредвиденным, неожиданным подарком. Каким-то образом ты пробралась в мою жизнь и окопалась в том уголке, которого в ней раньше не было. И теперь я не понимаю, где заканчиваешься ты и начинаюсь я. Ты – моё сердце. Мой мир. Моя дочь.

И я сделаю что угодно, чтобы дать тебе лучшую жизнь, какую только смогу.

Что угодно.

Глава 1

РЕБЕККА

Хорошая еда, интересная компания: пятничный ужин с партнерами и директорами рекламного агентства Джека и их супругами был на удивление приятным, пока Джек не упомянул об их прошлогодней свадьбе, что – и это уже не казалось чем-то удивительным – неизбежно привело к теме детей.

Это был подарок небес для Линды МакКрэй, жены финансового директора, сидевшей за столом напротив Ребекки в большой столовой. Судя по ее отсутствующему взгляду в то время, как ее муж обсуждал размер прибыли с мужчиной слева от него, она вежливо скучала большую часть ужина, но ее уши наострились при упоминании брака и детей.

– Вы женаты уже год? Ну, тогда скоро в вашем доме затопают маленькие ножки.

Ребекка заставила себя улыбнуться. Этот ужин был важен для Джека. Его впервые пригласили в этот дом, и он вопреки обыкновению нервничал. Начав работу в творческой части бизнеса, а затем перейдя в управленцы, он мог получить новое повышение, только если бы «спелся» с советом директоров. Ребекка подшучивала над ним, но и она чувствовала себя не в своей тарелке. Обычно она работала на таких людей, а не сидела за одним столом и вела светскую беседу. Как добропорядочная женушка.

– Нет, у нас не будет детей.

Глаза Линды расширились, а лицо чуть порозовело.

– Мне так жаль, я не знала.

Ребекке следовало просто забыть об этом, позволить ей думать, что у них не было детей, потому что у них были с этим проблемы. Это стало бы поводом для смущения, ведь ей не стоило строить никаких предположений. Но что-то – возможно третий бокал Мальбека – заставило Ребекку вести себя агрессивно.

– Дело не в том, что мы *не можем*. Мы просто не хотим детей.

Лицо Линды сразу изменилось, и она понизила голос, наклонившись ближе.

– Это Джек? Потому что мужчины могут передумать. Мой муж...

– Нет, – Ребекка покачала головой. – Мы оба. Я не хочу детей. Никогда не хотела.

Ответом была улыбка. Эта *я-всё-знаю-лучше-вас* улыбка.

– Может, ты просто еще не готова. С ними много хлопот, но это лучшее, что ты только можешь сделать, поверь мне.

Лучшим, что она могла сделать, по мнению Ребекки, было отправиться в кругосветное путешествие первым классом. А не вытаскивать из себя маленького человека. Но они были на ужине в доме босса Джека; и это было не лучшее время для полномасштабных дебатов о праве женщины распоряжаться своим собственным телом. Она натянуто улыбнулась.

– Может быть. Я сообщу, если передумаю.

Но Линда не собиралась отступать. На другом конце стола трое мужчин обсуждали новое меню в гольф-клубе, и голова Джека болталась вверх и вниз, когда он пытался добавить что-то к их анализу. Его густые светлые волосы делали его похожим на маленького ребенка, пытавшегося произвести хорошее впечатление на седовласых взрослых. Ребекка была предоставлена самой себе. По крайней мере, Линда говорила тихо.

– У женщин не так много времени, чтобы родить ребенка, понимаешь? Если ты так и будешь откладывать, может быть уже слишком поздно. Что если потом ты пожалеешь?

Ребекка покрутила серебряный браслет на запястье, мечтая оказаться на другом конце стола и обсуждать гольф-клуб. Это могло бы стать отличным пунктом в ее портфолио. Кроме того, избавило бы ее от раздражающего разговора. По опыту, такие женщины, как Линда, казалось, считали ее отсутствие интереса к рождению детей личным оскорблением. Она старалась, чтобы ее голос звучал непринужденно.

– А что будет, если я *рожу* ребенка и пожалею об этом? По крайней мере если лет в пятьдесят на бездетную меня внезапно снизойдет озарение, я подведу только себя, не так ли?

Она подняла бокал с вином, чтобы показать, что тема закрыта, но прежде чем она смогла сменить ее на что-то более безобидное, Линда перевела разговор на новый уровень.

– А как же Джек? Что, если он хочет детей? Разве ты не должна сделать это для него?

Она это серьезно? Они попали в роман Джейн Остин? Разве она не должна была пройтись с Ребеккой по гостиной, прежде чем поделиться своим мудрым советом? Ребекка уже была готова высказать ей всё, что об этом думала, когда, к счастью – для Линды – Джек уловил конец их разговора. Он коснулся руки Ребекки под столом и сжал ее.

– Не беспокойся обо мне, Линда, я с этим полностью согласен. Я люблю детей, но заводить не хочу. – Он подмигнул Ребекке.

– Кстати, Джордж сказал мне, что вы получили разрешение на строительство своего дома. Когда всё начнется?

Ребекка сжала руку Джека в ответ. Он хорошо умел отводить неприятности. Обычно она не теряла самообладание, но она очень устала от таких людей, как Линда, проповедующих о чудесах материнства. Это было похоже на культ. Она ничего не имела против детей. Однажды она и сама была ребенком. Она обожала своих племянников. Не была против детей друзей. Но у нее не было желания иметь своего собственных. Никогда.

* * *

Уже дома, погасив ярость с десертом, кофе и сырной тарелкой, Ребекка, наконец-то, высказывала всё Джеку.

– Представь, если бы я перевела тему разговора на нее? Сказала бы ей, что она не должна рожать детей из-за перенаселения мира? Меня бы линчевали.

Джек поцеловал ее в макушку.

– Нет смысла приводить доводы кому-то подобному. Они думают, что только они единственно правы. Не стоит поддаваться на провокации.

Ему легко было говорить. Почему-то никто не осуждает мужчину, который не стремился иметь детей. Но когда это говорит женщина, она либо бессердечная ведьма, либо обреченная на жизнь, полную страданий и одиночества.

– Я просто хочу, чтобы люди держали свое мнение при себе.

– Да, я тоже. Но ты не изменишь всех, подобных Линде МакКрэй. Кроме того, ты видела их сына? Потный, прыщавый, угрюмый подросток. Она, наверное, завидует твоей свободе. И это еще до того, как ты скажешь, что тебе не нужно нанимать няню, чтобы отправиться на выходные в Брюгге, которые запланировал твой любящий муж.

Потребовалась целая минута, чтобы осознать, что он сказал.

– То есть, ты?.. Правда? – Ребекка потянулась и поцеловала его. Это был прекрасный пример того, что она пыталась объяснить Линде. Зачем рисковать тем, что уже было у неё с Джеком, примешивая туда еще и ребенка? Она откинулась назад и посмотрела на мужа.

– Ты проверил расписание?

– Конечно, – рассмеялся Джек. – Я даже в туалет редко хожу, не проверив календарь. Знаешь, я очень ценю то, как мы живем. Вот почему я говорю тебе это сейчас, а не вываливаю все внезапно. Я усвоил это от Триумфальной арки.

Она засмеялась и снова поцеловала его. Они были вместе уже шесть месяцев, когда он неожиданно забронировал поездку в Париж на те же выходные, когда у нее были два больших мероприятия в двух разных городах. Его оправдывало то, что он не знал: она всегда посещала мероприятия, которые организовывала. Он мог подшучивать над ней за ее любовь к распорядку и расписанию, но жизнь была бы намного менее напряженной, если бы все знали, где они должны быть и что они должны делать. Всё просто. Никаких сюрпризов.

Джек взял со стола бокал с вином.

– Знаешь, было бы здорово, если бы ты иногда позволяла удивлять тебя. Ты можешь упустить массу удовольствия, желая распланировать всё до энной степени.

Упускать что? Плохо организованных вечеринок или выходных в отеле, который выбирала не она?

– Нет. Я вполне довольна нашей договоренностью. Не подначивай, мне сегодня и Линды хватило. Надеюсь, ты хотя бы не предложишь мне завести ребенка.

Джек скорчил гримасу. – Ни за что. Здесь я полностью с согласен. Это точно *не* стало бы хорошим сюрпризом.

Ребекка почти ничего не ела за ужином. Напряжение от необходимости произвести хорошее впечатление на босса Джека, вместе с подавленным гневом на замечания Линды, так сдавили ей

горло, что ей больше приходилось возить еду по тарелке, а не есть ее. Но теперь она была голодна.

– Я схожу за сыром и крекерами. Ты чего-нибудь хочешь?

– Нет, мне хватит и вина, спасибо. Но ты перекуси.

Гладкие белые шкафы, бытовая техника «Miele» и гранитные столешницы: кухня всё еще выглядела достаточно новой, отчего Ребекка испытывала трепет каждый раз, когда входила сюда. Работая из дома, она стала неофициальным руководителем всего проекта, и это было большой проблемой в течение двух месяцев ремонта. Когда она попыталась поговорить с Линдой о том, как тяжело всё это было, – и как она была так счастлива сейчас, – Линда попробовала провести неуклюжую аналогию с болью при родах, как будто бы других аналогий она не знала.

В шкафчике крекеров не оказалось.

– Джек, ты куда-то переложил крекеры? Те, пресные? – крикнула она в сторону гостиной.

В соседней комнате было тихо. Она ни за что не положила бы их в другое место, но проверила еще и шкафчик с крупами. Там их не было.

– Джек? Ты меня слышишь? Ты видел крекеры? Я точно их заказывала. – И снова ни звука. В шкафчике для консервов их не было. И в шкафчике с травами и специями тоже. Сбитая с толку, она открыла посудный шкаф, чтобы достать чайную тарелку, и... крекеры были там. Джек стоял, прислонившись к дверному проему, и смеялся. Она покачала головой, глядя на него. – Негодник. Ты спрятал их там?

– Приходится добавлять сюрпризы в твою жизнь.

Она вытащила пластиковую упаковку с крекерами и бросила в него пустую коробку. Он нырнул за дверь, тихо посмеиваясь.

Когда она вернулась в гостиную, Джек снова расположился на диване. Он похлопал по сидению рядом с собой. – У тебя есть планы на утро?

Одним из недостатков работы организатором мероприятий было то, что эти самые мероприятия часто проходили в субботу.

– Только не днем. Завтра вечером у меня ужин у Андерсонов, но там всё должно пройти как по маслу. Если только моя помощница не разорвется на части. А ты опять рано уезжаешь играть в гольф?

– К сожалению, да, – Джек отпил вина и кивнул. – Я бы с куда большей радостью предпочел провести субботнее утро в постели со

своей прекрасной женой, но это было предложение управляющего директора, и я не мог отказать. Мне нужно быть на месте к восьми утра, чтобы встретить всех, когда они приедут. Скрестим пальцы, что всё пройдет хорошо, и они передадут нам свой бизнес к тому времени, когда мы доберемся до последней лунки. Если да, то мы пригласим их на обед, а потом нам с Робом нужно будет вернуться в офис, разобраться и переслать документы. Возможно, я не вернусь домой до позднего вечера.

Не часто им удавалось провести оба выходных вместе: или у неё, или у Джека была работа.

– Хорошо. Если ты увидишься с Робом, можешь забрать последнюю коробку с его вещами, которая осталась в комнате для гостей?

Роб был младшим коллегой Джека, жившим две недели в их комнате для гостей после того, как девушка выгнала его за то, что он гуляющий идиот. Ей нравился заботливый характер Джека, но его готовность принимать беспризорных привнесла хаос, который ей не очень нравился. В прошлом году его брат прожил у них месяц в промежутке между продажей одного дома и покупкой другого, и – каким бы приятным он ни был – она почти переехала в отель, чтобы сбежать от его привычки забывать полупустые кофейные кружки и туалетные принадлежности.

Джек потянулся, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, затем наклонился вперед и стащил крекер с ее тарелки. – Идёт. Если у тебя будет свободное время, может, ты могла бы погуглить пару ресторанов и баров в Брюгге? Пиво там должно быть изумительным. Мне кажется, у них его сотни видов. И под каждое свой бокал.

Ребекка отодвинула тарелку так, чтобы он не мог стащить еще один крекер.

– Звучит отлично. И, как ты говоришь, есть только мы и никаких детей, которым надо что-то придумывать. Мы можем поехать куда захотим и когда захотим. Свободны как ветер и...

Ее прервал звук дверного звонка, за которым последовал стук во входную дверь.

Глава 2

КАРА

Давай. Открой дверь. Промежуток времени между звонком в дверь и ожиданием того, как ее откроют, был мучительным. Потребовалось какое-то время, чтобы разобраться, где находится дверной звонок; это было одно из тех старомодных приспособлений с настоящим колокольчиком. Ну конечно. Джек всегда любил показывать, что он лучше, чем кто-либо другой.

Позвонить еще раз? Может, они не услышали? Они определенно были дома, она видела как их машина подъехала полчаса назад. Полчаса. Вот как долго она ждала в машине, пытаясь собраться с духом, чтобы войти, а также разбудить Софи, уснувшую на заднем сидении. Впрочем, поздний час мог сыграть ей на руку.

Лето уже совсем закончилось, и холодный осенний воздух этого вечера выдул из Софи остатки сна. Теперь она перепрыгивала с ноги на ногу, радостно щебеча от того, что ей разрешили не ложиться так поздно.

– Мне нравится дверь, мамочка. Она синяя. Мой любимый цвет.

Кара улыбнулась синей шапочке с помпонами, надвинутой так низко на уши Софи, что между ней и натянутым до подбородка шарфом едва можно было разглядеть нос малышки.

– Красивая, да? Надеюсь, она скоро откроется.

Будто бы ее слова оказались каким-то заклинанием – щелкнул замок и дверь открылась, показалась привлекательная женщина лет тридцати, держащая бокал красного вина. Хотя её волосы были короче – остриженные до подбородка, с густой челкой – Кара узнала её по фотографии, которую нашла на странице старого друга в Facebook^[1]: Ребекка. Она тоже жила здесь?

– Да? Ребекка наклонила голову, ее блестящие волосы качнулись назад и вперед.

Ее ярко-синее платье с запахом, маникюр и неброский профессиональный макияж заставили Кару почувствовать себя

потрепанной и неряшливой. Должно быть, приятно иметь деньги, чтобы выглядеть вот так. – Привет, я ищу Джека Фолкнера. Он здесь живет?

Ребекка посмотрела на Софи, а затем снова на нее. – Да. Я его жена, Ребекка. Он вас ждет?

Жена? Что же, значит, он всё же оказался семьянином. – Можете просто сказать ему, что Кара хочет с ним повидаться? Кара Миллер.

Это было смешно: она говорила, как десятилетняя девочка, зовущая подружку поиграть. Джек всегда был мягким человеком, но ему ведь не нужно, чтобы жена была его телохранителем, верно? Она вообще собиралась их впускать? Но девочка рядом выглядела замерзшей, это возымело желаемый эффект: Ребекка придержала дверь открытой. – Зайдёте? Она отступила от входа и отклонилась назад, чтобы крикнуть: – Джек! Здесь кое-кто хочет тебя видеть.

После морозного октябрьского вечера домашнее тепло обжигало щеки, как пощечина. Хотя они вытерли ноги о коврик, их ботинки оставили влажные следы на черно-белой плитке пола. Кара окинула взглядом высокие потолки, абажур от «Тиффани», эскизы Джека в черных рамках, украшавшие левую стену. Она стянула шапку с головы Софи и ее светлые кудри растрепались и поднялись от статического электричества. Жара была не единственной причиной снять её: было важно, чтобы Софи выглядела наилучшим образом.

Когда Джек появился в дверях того, что, вероятно, было их гостиной, в его руке тоже был бокал красного вина. Сидя в машине, она задавалась вопросом, сразу ли он её узнает, но выражение его лица ответило на этот вопрос. – Кара? Что ты здесь делаешь?

Ребекка перевела взгляд с одного на другого. Знала ли она, кто такая Кара? Упоминал ли Джек о ней хоть когда-нибудь?

– Я... Эм... Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

Она не могла винить Джека за то, что он был шокирован. Это было давно. И Ребекка выглядела так, словно готова защищаться.

– Не хотите пройти в гостиную? – Ребекка указала на дверь. – Мы только что допили бутылку вина, но я могу приготовить вам чай и... – она посмотрела на Софи, – молоко?

Хотя Кара подозревала наличие девушки, она не учла, что у него может быть жена. Было бы гораздо лучше поговорить с Джеком наедине.

- Спасибо, черный кофе был бы великолепен.
- Мамочка, мне нужно в туалет, – Софи потянула мать за руку.
- Можете воспользоваться этим туалетом, – Ребекка указала на дверь под лестницей. – Просто идите туда в любое время, когда понадобится.

Глава 3

РЕБЕККА

Как только Ребекка услышала, что дверь в ванную закрылась, она повернулась к Джеку. – Кто она?

Джек покраснел и стал вертеть бокал в руках.

– Бывшая девушка. Её зовут Кара. Уверен, я упоминал её раньше. Понятия не имею, почему она пришла.

Ну конечно. Не зря имя было знакомым.

– *Та самая* Кара? С которой ты встречался незадолго до меня? Я понятия не имела, что вы продолжали общаться. Как она узнала, что мы переехали сюда?

Джек развел руки. Открыл рот, как будто хотел что-то сказать, но с трудом издал лишь какой-то звук. Он опустился на диван и провел руками по волосам.

– Я не... Мы не... Я в таком же замешательстве, как и ты, Бекка. Честно.

Ребекка потерла брови пальцами. Она не была ревнивицей. Конечно, у Джека были девушки и до неё. Но зачем Кара пришла сюда? *Люди из прошлого не решают ни с того ни с сего заглянуть к вам пятничным вечером.*

Замок на двери ванной щелкнул, и в дверях появились Кара и ее дочь. Ребекка улыбнулась им и указала на большое кресло, места в котором хватило бы обеим.

– Почему бы вам не присесть.

Кара устроилась на краешке кресла и притянула Софи к себе.

– У вас милый дом.

– Спасибо. – Джек выглядел раздраженным. – Слушай, не хочу показаться грубым, но зачем ты пришла? Мы годами не разговаривали, а теперь ты вот так просто приходишь в одиннадцать вечера.

Кара выпятила подбородок. – Здесь есть место, где Софи может немного поиграть? Не думаю, что она и правда хочет сидеть и слушать взрослые разговоры, да, детка? Как насчет того, чтобы пойти и

немного порисовать, пока мамочка болтает с Джеком. – Она открыла свою сумку и порылась в ней, затем посмотрела на Ребекку. – Я оставила ее блокнот и ручки в машине. У вас есть что-нибудь, чем она могла бы порисовать?

Несомненно, она хотела избавиться от Ребекки. Но они хотя бы узнают, что происходит. – У меня в кабинете есть бумага. Хочешь, я покажу тебе, где это, Софи?

Кара подтолкнула Софи, и та послушно побежала за Ребеккой. Она пристально посмотрела на Джека, но тот впился в Кару таким взглядом, словно у той было две головы.

Домашний офис Ребекки представлял собой небольшую комнату на противоположной от гостиной стороне коридора, со столом, креслом и очень маленьким белым шкафчиком для документов. Ребекка достала бумагу из принтера под столом и разложила ее, чтобы Софи могла рисовать. Над аккуратно заполненным настенным планировщиком позади стола располагались две полки с брошюрами о площадках, ресторанах и отелях. Рядом с ними – коробка с канцелярскими принадлежностями, в которой была и новая упаковка фломастеров пастельных цветов. Она вытащила их из упаковки и разложила на бумаге.

– Бери любой, какой захочешь.

Маленькое личико Софи просияло. – Спасибо.

Она выглядела такой крошечной, сидя в этом офисном кресле, как маленькая птичка, одетая в джинсовый комбинезон и футболку в синий горох. Ребекка разрывалась между необходимостью остаться, чтобы убедиться, что с ней всё будет хорошо, и желанием как можно скорее вернуться в гостиную. Её мысли вертелись вокруг внезапного появления Кары. Должна быть причина, по которой бывшая девушка вот так, ни с того ни с сего, приходит к тебе через пять лет. Она наблюдала за тем, как Софи взяла маркер и провела им по бумаге, в то время как пальцы левой руки накручивали кончики ее вьющихся светлых волос.

Именно волосы и подсказали ответ.

Может быть, её разум уже нашел его, прежде чем она вернулась коридор. До того, как она подслушала разговор Кары и Джека. Прежде чем она увидела, как он проводит руками по волосам, как делал

каждый раз, когда был смущен. По густым светлым волосам, которые он коротко подстригал, чтобы они не вились.

Джек сидел, подавшись вперед, когда она подошла к двери, и качал головой, глядя на Кару, как будто не мог привести свои мысли в правильный порядок.

– Итак, тебя выкинули из дома, тебе больше не к кому обратиться, и ты пришла сюда? Это при том, что мы не разговаривали, сколько уже, пять лет?

Почему их выкинули из дома? Сердце Ребекки сильно билось в груди. Она так сильно хотела ошибиться. Она села рядом с Джеком, положила руку ему на руку, чтобы он перестал ей размахивать. – Деньги? Ты пришла, чтобы занять у Джека деньги?

– Не совсем, – Кара была единственной в комнате, кто был спокоен. Она сделала паузу. – Я надеялась, что ты разрешишь нам пожить здесь несколько дней. Мне и Софи.

– Что? Джек встал и начал ходить по комнате. Именно так он всегда обдумывал что-то сложное.

Внутри Ребекки всё перевернулось. Она знала, что будет дальше, но всё равно надеялась, что ошибается.

Джек остановился и повернулся к Каре. – Мне очень жаль, но я не понимаю. Как ты себе это представляешь? Мы недолго встречались несколько лет назад, а потом ты являешься сюда и спрашиваешь, можешь ли ты со своей дочерью остаться в моем доме вместе со мной и моей женой? Это безумие, Кара. Даже для тебя.

Кара вздрогнула от его слов, но Джек не заметил; он снова расхаживал по комнате.

– Чем больше я думаю об этом, тем хуже всё становится, Кара. Я не могу поверить, что ты просто заявила сюда, притащив с собой свою бедную дочь и... и... Что? – Последний вопрос был адресован Ребекке, которая качала головой, пытаясь остановить его. На это было слишком больно смотреть, и ей нужно было знать правду. Прямо сейчас. Она посмотрела на Кару.

– Она не только *твоя* дочь, верно?

Кара сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Нет, – сказала она. – Она не только моя дочь. – Она повернулась к Джеку. – Софи и *твоя* дочь.

Глава 4

РЕБЕККА

Сердце Ребекки ушло в пятки. Джек пошатнулся, как будто в него выстрелили. Его лицо побледнело, и он закрыл глаза. Когда он открыл их, выражение его лица было более сложным, чем шок, хотя Ребекка не могла его толком разобрать.

Когда он заговорил, его голос упал до шепота.

– Ты уверена?

– На сто процентов, – Кара кивнула. – Я знаю, это неожиданная новость. Если бы обстоятельства были иными...

Первоначальный шок Ребекки сменился замешательством. – Что ты имеешь в виду? Если бы тебе не нужно было где-то жить, ты бы никогда не сказала ему? Ты бы просто позволила ему жить дальше, не зная, что у него есть ребенок?

Джек предостерегающе накрыл руку Ребекки своей.

– Подожди. Давай-ка повременим немного.

Ребекка скрестила руки на груди и поджала губы. Из них двоих Джек был единственным, кто всегда избегал конфликтов, всегда понимал своего оппонента в споре. Но, казалось, даже он сейчас злится?

Кара вскинула подбородок. Она выглядела твёрже, жестче, чем в прихожей. Затем ее взгляд смягчился, когда она посмотрела на Джека.

– Я не знала, что беременна, пока ты... пока мы не расстались. Я даже не была уверена, что оставлю ребенка, а потом вроде бы как решила оставить и...

Джек закрыл лицо ладонями, а затем медленно потянул их вниз, растягивая кожу. Он посмотрел... виноватым?

– Но пять лет, Кара? Пять лет, и ты ни разу не сказала ни слова?

Кара опустила взгляд на свои колени, на ободренный с ногтей лак. Ее руки были красными, а ногти неровными. Ребекка делала маникюр каждые две недели. Ничего броского. Простой, нейтральный, аккуратный: часть ее профессионального внешнего вида. Хотя ей и

пришлось с неохотой признать, что Кара была симпатичной: её короткие взлохмаченные темные волосы, угловатое лицо и узкие джинсы делали ее непохожей на Ребекку. Совершенно не в стиле Джека. Как они вообще встретились?

– Я собиралась. – Кара подняла глаза, но продолжала ковырять ногти. – До её рождения, а потом еще раз, когда ей исполнился год. Я даже нашла тебя в интернете, но... Я так и не набралась смелости, чтобы сделать это.

Джек вздохнул и снова опустился в кресло. Разве он не видел, что эта женщина манипулировала им своими большими голубыми глазами и дрожащими губами? Джек не мог устоять перед плачущими людьми, и Кара, очевидно, давно это знала. Ребекка изо всех сил пыталась промолчать, но Джек просто сидел и качал головой. Если он не собирался ничего говорить, то Ребекка – определенно да.

– А что насчет Софи? Что она знает? Разве она не спрашивала о своем отце? Ты сказала ей, что Джек – её отец?

Тон Кары был невыносимо снисходительным. – Там, где мы живем, полно маленьких девочек, у которых есть только мама. Пока что у нее не возникало вопросов, – она смотрела на Ребекку с чем-то похожим на презрение во взгляде, как будто та была наивной маленькой девочкой, не знающей реального мира. Этого было достаточно, чтобы вышибить последние остатки терпения из груди Ребекки.

– А сейчас? Почему, по её мнению, вы здесь? Кем она нас считает?

Кара прищурилась. *Тебя она никем не считает.* Она повернулась к Джеку. – Но я сказала ей, что ты мой старый друг. И что ты, возможно, сумеешь нам помочь. Возможно, – она сделала паузу и глубоко вдохнула. – Возможно, нам позволят где-нибудь пожить, пока мы не решим, что делать дальше.

Ребекка чуть не поперхнулась. Пожить? Этот совершенно незнакомый человек действительно ожидал, что они откроют дверь и позволят им *пожить* здесь? Она посмотрела на Джека и увидела, что и он выглядел не менее удивлённым.

Дверь в гостиную скрипнула, и на пороге появилась Софи.

– Мамочка?

Кара встала, сделала три шага и присела на корточки рядом с дочерью. Она была такой стройной и миниатюрной, что, если не смотреть на лицо, можно было бы принять её за ребенка. Как раз тот тип женщин, которые способны пробудить в Джеке врожденное желание защищать. – Что такое, милая? Маме просто нужно поговорить со своим другом еще несколько минут.

Ребекка обратила внимание, что слово «друг» она произнесла в единственном числе. Эта женщина, что, ждала, что она предложит отвести ее дочь обратно в свой кабинет и позволит им продолжить разговор без нее?

– Я нарисовала тебя, – Софи протянула лист с неровно нарисованным треугольником с четырьмя выходящими из него линиями и плавающий круг.

– Фантастика, – Кара посмотрела на рисунок. – Нарисуешь еще что-нибудь для мамочки?

Софи покачала головой. – Бумага закончилась.

Как она могла израсходовать всю эту кучу бумаги? Но, по крайней мере, это был способ на несколько минут избавиться от Кары, чтобы она могла поговорить с Джеком наедине. – В принтере под столом есть еще бумага, не хочешь достать для нее парочку листов?

Кара заставила себя снова подняться. Даже не взглянув на Ребекку, она протянула руку дочери.

– Идём, Софи. Покажи мне, где ты рисовала, и я найду тебе еще бумаги. Может быть, ты нарисуешь мне свой портрет, чтобы я могла носить его с собой?

Как только они вышли из комнаты, Ребекка встала и резко закрыла дверь. Теперь была ее очередь расхаживать по комнате. – Что, черт побери, мы будем делать?

– Понятия не имею. Вообще никакого. – Джек выглядел измученным.

Ребекке пришлось расхаживать и дальше. Как он мог просто сидеть? *Думай. Думай!*

– Она рассчитывает остаться здесь. Что мы ответим? Ты знаешь ее достаточно хорошо, чтобы позволить ей остаться в нашем доме? – Было что-то настораживающее во внешности Кары. Ее худоба, ее прищуренные глаза, плотно сжатые губы. – Ей можно доверять?

Джек несколько раз моргнул.

– Думаю, да. То есть, я давно ее не видел. Тогда она была довольно безбашенной, но, полагаю, она, должно быть, остепенилась, раз у нее есть ребенок.

Ребекке захотелось встряхнуть его; всё было как в замедленной съемке. Кара могла вернуться с минуты на минуту, и одно было ясно наверняка: им придется выступить единым фронтом. Как бы ей ни хотелось указать Каре на дверь и отправить ее в серую коробку прошлого Джека, нужно было подумать о маленькой девочке. Она всё еще не знала, почему их выкинули из дома. Но если бы она и Джек не позволили им остаться здесь, куда бы эти двое пошли?

Словно в подтверждение ее мыслей, снаружи застонал ветер, и начавшийся дождь забарабанил по выходящему на улицу окну. – Итак, ты собираешься предложить им остаться в комнате для гостей?

Лицо Джека выглядело почти умоляющим. Он никогда не мог отказать тем, кто был в нужде. – А ты что думаешь?

Дверь медленно открылась, и Кара просунула голову, заглянув в комнату.

– Можно войти?

Ребекка села рядом с Джеком. Он выпрямился и жестом указал Каре, чтобы она вернулась на свое место. – Конечно. Мы просто разговаривали. Мне нужно многое уложить в голову.

Ему нужно? А как он думал, чувствовала себя Ребекка? Она подождала, пока Кара снова сядет, а затем спросила:

– У тебя больше нет никого, у кого ты могла бы остаться? Семья? Твои родители?

– Нет, – Кара вздрогнула, и тень легла на её лицо. – Мой родительский дом – это последнее место на свете, куда я отвезла бы свою дочь.

Что-то в выражении ее лица заставило Ребекку похолодеть. Она не собиралась давить на нее дальше в этом вопросе. Она толкнула Джека локтем. С его стороны было несправедливо позволять ей быть – плохим парнем.

Джек провел рукой по волосам. – Эм, а что насчет друзей? У тебя нет других друзей, у которых ты могла бы остаться?

Теперь настала очередь Джека получить от неё снисходительный взгляд. – В квартире моих единственных друзей нет места для еще

двух человек, даже если домовладелец и закроет на это глаза. Ты что, понятия не имеешь, как живут в реальном мире?

Ребекка почувствовала себя неловко. Она хорошо знала, что они вели привилегированную жизнь со своим комфортабельным домом и хорошо оплачиваемой работой. Хотя все это она заработала сама. Никто не вручил ей это на блюдечке. – Ты работаешь?

– Да. В больнице.

По какой-то причине это ее удивило.

– Разве они не предоставляют жильё, чтобы вы могли...

– Может, это было ошибкой, – Кара встала. – Я не знала, что вы... что вы женаты. Я даже не подозревала, что у тебя серьезные отношения.

– Стой, – Джек поднял руку. – Слушай. Куда вы пойдёте?

– Понятия не имею, – Кара пожала плечами, как упрямый подросток.

Ребекка сделала глубокий вдох. Столько всего нужно было обсудить. Они ни за что не могли позволить этой женщине выйти на улицу в холод и дождь, зная, что ей некуда идти. Особенно с маленьким ребенком. Маленьким ребенком, который был дочерью Джека.

Ее голова гудела от всего хаоса. Она не могла думать об этом прямо сейчас. Это было чересчур. Для начала разберись с бытовыми моментами.

– Ты можешь остаться здесь. Но только на эту ночь. Я подготовлю комнату для гостей.

– Спасибо, – Кара вздохнула с облегчением.

– Я помогу тебе, – Джек поднялся.

Только сейчас Ребекка поняла, что было таким странным в выражении лица Джека. Он не выглядел таким потрясенным, как она ожидала.

Глава 5

КАРА

Выскользнув из постели на следующее утро, Кара взяла одно из полотенец, которые Ребекка оставила для них накануне вечером, вместе с совершенно новым набором туалетных принадлежностей «Молтон Браун». Кто хранит пробники туалетных принадлежностей, которыми можно воспользоваться в любой момент?

Ребекка. Кара увидела их с Джеком фотографию на странице старого друга в «Facebook», когда она, наконец, разыскала его. У него не было профиля в соцсетях, но эта фотография была сделана на барбекю или каком-то открытом мероприятии. То, как он обнимал ее, явно показывало, что она была его девушкой. Но женой?.. Этого она не ожидала.

Бессонница имела свои преимущества. Как и в любое другое утро, Кара схватила огромную косметичку, чтобы привести себя в порядок до того, как Софи проснется. К счастью, здесь была ванная, о которой Ребекка сказала, что они могут смело ею пользоваться, так что она могла придать себе более презентабельный вид, прежде чем встретиться с Джеком и Ребеккой во втором раунде.

* * *

Было девять часов, когда они спустились вниз. Дверь в гостиную была открыта, но этим утром никто не сидел на смехотворно огромном диване. Кара, положив руки на плечи Софи, мягко направила ее по коридору к другой двери, где, на большой современной кухне, они встретили Ребекку: она пила кофе из огромной чашки с цветочным узором, просматривая стопку глянцевого журналов, похожая на живую рекламу кухонной компании.

Поднявшись со стула, Ребекка улыбнулась Софи; выражение лица же, с которым она повернулась к Каре, было гораздо более

сдержанным.

– Доброе утро. Будете завтракать? – Она потянулась к вместительному шкафу над их головами и достала четыре яркие мини-коробки с хлопьями, которые поставила перед Софи.

– Они остались у меня с тех пор, как у нас останавливалась подруга со своим сыном. Хочешь?

Глаза Софи расширились. – Да, пожалуйста, – кивнула она.

Кара не хотела, чтобы Ребекка суетилась вокруг Софи. Где, черт побери, был Джек?

– Тебе не обязательно обслуживать нас. Я могу приготовить все для неё, если ты скажешь, где всё находится.

– Без проблем. – Улыбка Ребекки была натянутой. Она потянулась к другому огромному шкафу, в котором обнаружилось огромное количество идеально подобранной и разложенной посуды. – Джек уже ушел. Я предложила ему остаться дома этим утром, но у него *очень* важный раунд игры в гольф с потенциальным клиентом.

И тон ее голоса, и то, как она захлопнула дверцу шкафа, наводили на мысль, что она была не очень рада такому решению. Может быть, не все было идеально в их отношениях?

У Кары в кармане зазвонил мобильный. Она вытащила его и посмотрела на экран. Это был Ли. Их домовладелец.

Кара. Дорогая, ты реально просрочила аренду. Я не хочу всё усложнять.

В чем дело?

Она сунула его обратно в карман. С ним она разберётся позднее.

Ребекка выдвинула ящик для столовых приборов и достала ложку. Пока она скрылась из вида за дверцей огромного двухстворчатого холодильника, Софи притянула Кару к себе и прошептала: – Мамочка, мы можем остаться здесь на весь день?

– Посмотрим, – прошептала Кара в ответ. Если бы всё пошло по плану, они остались бы здесь намного дольше.

Глава 6

РЕБЕККА

Все отношения – рабочие или личные – работают лучше всего, когда люди знают свои роли. Ребекка была тем, кто организовал их семейную жизнь, и Джек был счастлив принимать в этом участие. На работе он был мечтателем и мыслителем: он выдвигал идеи, а эффективная команда, которую он собрал вокруг себя, разрабатывала логистику и все процессы. Их семейная жизнь часто протекала по похожему сценарию. Она не раз обвиняла его в том, что он ведет себя как страус, когда речь заходила об обустройстве новой кухни или места отдыха или социального мероприятия, которое он придумал. Это, конечно, хорошо, что он сказал ей, что ей нужно перестать настолько детально планировать жизнь. Но именно ее скрупулезное внимание к мелочам позволило их жизни сложиться.

И всё же, когда прошлой ночью он сообщил, что всё же собирается утром на поле для гольфа, она всерьез усомнилась в его здравомыслии.

– Ты это серьезно?

Он лежал на боку, глядя на нее умоляющими взглядом.

– Я уже целую вечность пытаюсь заполучить этого клиента, Ребекка. И ты это знаешь. Мы гонялись за их огромным рекламным бюджетом с прошлого лета, и они, наконец-то, согласились встретиться со мной. И мы встречаемся в восемь утра. Сейчас я никак не могу отменить эту встречу.

– И что прикажешь мне делать с Карой? – она практически выплонула в него это имя. Она пыталась не судить ее, пока не узнала человека как следует, но то, что она видела до сих пор, ей не нравилось.

– Просто накорми ее завтраком и скажи, что я позвоню ей завтра попозже. Очевидно, нам нужно время, чтобы нормально сесть и обсудить всё это.

– Это? – Ребекка уставилась на него. – Это что? Маленькую девочку? Софи? Твою дочь?

– Слушай. – Джек заерзал рядом с ней. – Давай не будем забегать вперед. Мы даже не знаем наверняка, что она моя.

Ребекка глухо рассмеялась. – Серьезно? Ты этого не видишь? Она выглядит точь-в-точь как ты. То есть, конечно, мы сделаем тест ДНК, но я думаю, мы оба знаем, что он покажет.

Джек закрыл лицо руками. На очень короткое мгновение ей показалось, что он плачет, но затем он провел ладонями по щекам и глубоко вздохнул. – Хорошо, хорошо. Тебе не нужно повторять это снова.

И опять у нее возникло ощущение, что он не выглядел таким потрясенным, как он должен был быть. – Ты... знал?

И вот сейчас он выглядел пораженным. – Что? Нет. Конечно, нет. Ты думала, я бы всё это время прятал свою дочь?

Она была удивлена силой его реакции, яростью его шепота. Почему он говорил с ней таким тоном? Это были не они. Они никогда так не ссорились. Может, этот разговор лучше было бы вести в другое время, когда они не были бы так измучены, так готовы разорвать друг друга на части. В любом случае, не было смысла затягивать беседу на всю ночь. Тем более, что она хотела встать пораньше, до того, как Кара проснётся. Как бы ей ни было жаль Софи, которую таскали по городу в пятницу вечером, ей было не слишком комфортно от того, что в их доме спали двое совершенно незнакомых людей. Хотя, ей пришлось напомнить себе, Кара не была незнакомкой для Джека.

* * *

Этим утром, как только она услышала хруст гравия, когда его машина отъехала, она встала с кровати и пошла в душ. Даже в выходные для нее было важно принять душ и одеться перед завтраком, чтобы подготовиться к началу нового дня.

Джек был честолюбив. Тем, кого её отец назвал бы «добытчиком». Это была одна из вещей, которые ей больше всего понравились в нем, когда они впервые встретились. На рождественской вечеринке, которую она организовала для его рекламного агентства, было более

двухсот человек, но он выделялся среди всех, с кем она разговаривала. Его одежда, его речь, то, как он общался со всем персоналом на вечеринке показывало, какой он целеустремленный, сосредоточенный – совсем как она. За последние два года его трижды повышали в должности, и каждый раз его новый начальник отмечал его преданность и дальновидность. Его игра в гольф с крупным клиентом была важна, конечно же, была. Но, несомненно, в этих обстоятельствах её можно было бы передвинуть? По-видимому, нет.

Прежде чем выключить душ, она позволила воде смыть пену с бутылочек с гелем для душа и шампунем. Она уже сделала заметку на своем телефоне пополнить гостевые бутылки, которые она дала Каре прошлой ночью. Она хотела задать Джеку так много вопросов о Каре. Чем дольше они говорили с ней прошлым вечером, тем меньше она могла понять, как эти двое стали парой. Джек вырос в большом доме в Финчеме; Кара же, совершенно точно, в другом месте. Всё, что Ребекка смогла вытянуть из него, так это то, что они познакомились в клубе, что это было во время «бурного периода» его жизни, которым он не особенно гордился. Его глаза говорили, что он не хочет об этом рассказывать, а когда Джек не хотел о чем-то говорить, он просто замолкал и отвечал односложно. Она научилась с ним справляться. Если она хотела узнать больше о нём и Каре, нужно было поймать его в подходящий момент. Теоретически, она не имела права злиться на него. Они не были вместе, когда он встречался с Карой, так что это не было похоже на измену. Но ребёнок? Это не было частью их плана. Никогда.

Сварив Каре черный кофе, они оставили Софи на кухне есть хлопья и смотреть мультики. Сидя напротив Кары в гостиной, Ребекка откинула волосы с лица и сделала глубокий вдох. *С чего начать?*

– Итак...

Отличное начало, Ребекка. Несмотря на все ее способности находить подход к владельцам отелей и поместий и вынуждать их уступать перед зачастую необоснованными требованиями своих клиентов, она не слишком хорошо справлялась с подобным в личных вопросах.

Кара ей тоже не помогала. Она просто смотрела на нее в ответ. – Итак?

Ребекка откашлялась. – Какие у тебя планы?

– На сегодня? – нахмурилась Кара. Она и правда не помогала.

– Вообще. По поводу того, где вы собираетесь жить.

– Ты нас выгоняешь? – Кара подалась вперед, склонила голову набок.

Ребекка чуть не поперхнулась. Кара рисовала из неё монстра.

– Нет, я вас не выгоняю. Я просто предположила, что вы захотите остановиться в каком-нибудь более... постоянном месте.

– Я просто шучу. – Кара рассмеялась и откинулась на спинку стула. – Да, сегодня я начну обзванивать пару мест. Вчера для этого было уже слишком поздно, к тому же это был вечер пятницы, так что...

– Да, да, конечно.

Она заставляла Ребекку чувствовать себя ужасно. В утреннем свете Кара выглядела измученной. Возможно, она солгала о том, что хорошо спала: Ребекка никогда не спала в первую ночь в новой постели. Хуже всего было с номерами в отелях: ее разум никак не мог игнорировать тот факта, что прошлой ночью в ее постели были другие люди. Джек смеялся над ней, когда она начала брать в путешествия свою подушку. Она почувствовала, как её голос смягчился.

– Слушай. Вам не нужно спешить. Я имею в виду, мы не будем пользоваться той комнатой несколько дней и...

– Правда? – радостно спросила Кара. – Здорово. Спасибо.

Черт побери. Зачем она это сказала? Конечно, Кара могла заметить, что она просто старалась быть вежливой. Любой понял бы это. Но как теперь ей было взять свои слова обратно и сказать, что хочет, чтобы они уехали сегодня?

Кара откинулась на спинку стула и отпила кофе, казалось бы, совершенно не замечая беспокойство Ребекки.

– Вы с Джеком давно вместе?

Как ей удалось так легко сменить тему? Ребекка кивнула.

– Четыре с половиной года.

Кара слегка побледнела при этих словах. Вероятно, она занималась теми же подсчетами, что и Ребекка прошлой ночью. Если Софи было четыре, то Кара всё еще была беременна, когда Джек и Ребекка встретились. У Ребекки снова скрутило живот.

– Слушай, я не хочу показаться грубой, но... ты точно уверена?
Что Джек – отец Софи?

– На сто процентов, – Кара посмотрела ей в глаза.

У Ребекки зазвонил телефон. Иззи.

– Извини, мне нужно ответить. Это мой деловой партнер.

Кара махнула рукой и встала.

– Пойду проверю, как Софи.

– Привет, Иззи. Чем могу помочь?

– О, Ребекка, отлично. Я надеялась, что ты ответишь. Просто напоминаю о себе, потому что помню, что в твоём ежедневнике на сегодня записан ужин с Андерсонами.

Щелк, события прошлого вечера стерли это из ее головы. Ужин из трех блюд для всей компании и их супругов в качестве благодарности за рекордный год. Может, она бы меньше придиралась к игре Джека в гольф, если бы помнила, что ей придётся уйти этим вечером.

– Всё собрано и готово к работе. Я приеду за час до начала, чтобы убедиться, что канапе и напитки перед мероприятием подготовлены к подаче.

Она почти слышала, как Иззи улыбается на другом конце провода.

– Конечно, всё готово. Я знаю, что меньшего и ожидать не стоит. Зато я не настолько готова. Вот почему и звоню тебе в панике. Я в поместье Гринфилд с Хантер-Вуллардами и забыла те брошюры, которые ты собирала для меня. У тебя не завалялась их электронная копия, которую вы могла бы отправить по электронной почте? Я не хочу выглядеть как ходячая катастрофа.

Ребекка закусил губу. Она любила свою коллегу, но неорганизованность Иззи иногда сводила ее с ума. *Почему, с мимолетной яростью подумала она, мне постоянно приходится решать чужие проблемы?* Проблемы, которых можно было бы избежать с помощью предусмотрительности и планирования. Тем не менее, Иззи была ее подругой, и Ребекка помнила, какой она была, когда они вместе основали компанию.

– Конечно, можешь дать мне полчаса?

На другом конце провода повисла пауза. Ребекка знала, что будет дальше.

– Прости, что доставляю тебе столько хлопот, но они и правда нужны мне. Пожалуйста, пожа-а-алуйста, ты можешь отправить их

прямо сейчас? Или ты чем-то занята?

Ребекка вздохнула. Едва ли она могла сказать Иззи, что у неё шел разговор с матерью тайной дочери своего мужа. Для этого нужно встретиться лицом к лицу.

– Ты настоящая заноза, но я всё сделаю. В конце концов, мы друзья.

Джек предупреждал ее, что основывать компанию с другом не всегда хорошая идея. «Ты могла бы управлять компанией по организации мероприятий с закрытыми глазами», – сказал он ей. Проблема была в том, что успешное планирование мероприятий зависело не только от организационных навыков. У Иззи был жизненно важный элемент, которого не было у Ребекки – связи. Она родилась в мире Хантер-Вуллардов и Джеймисонов, и всех остальных богатых семей, для которых они устраивали мероприятия. Если бы Ребекка занималась этим одна, как бы она привлекала клиентов, в которых нуждалась? Джек этого не понимал, потому что он и сам тоже был из того мира.

В любом случае, она и Иззи хорошо сработались как команда, используя сильные стороны каждой из них. Ребекка организовывала корпоративные мероприятия, а Иззи занималась личными делами, которые были более деликатными и часто включали в себя поддержку нервных мужей или непостоянных невест.

В любом случае, чтобы найти PDF-версии брошюр и отправить их по электронной почте, нужно всего несколько минут. Преимущество эффективной цифровой системы файлов. А потом она сможет закончить свой разговор с Карой.

– Я быстро схожу наверх, – крикнула она в сторону кухни.

Но когда она поднялась на верхнюю площадку, Кара напугала ее, выйдя из ванной. Когда она поднялась сюда? Кара остановилась как вкопанная, как только увидела ее.

– Эм, привет. Прости, я не слышала, как ты поднялась. Я была... – она махнула в сторону ванной. Ее глаза слезились, и она вытирала нос тыльной стороной запястья. Почему она выглядела такой виноватой? Что такого она там делала, раз это так смутило ее?

Глава 7

КАРА

Суббота пролетела, и последние два часа Кара сидела на стуле на кухне, наблюдая, как Софи рисует дом, и мечтая о том, чтобы Джек вернулся.

Она проверила время на своем сотовом. Ещё три пропущенных звонка от Ли. Она хотела сказать ему, чтобы он отдал её жильё кому-нибудь другому, но нужно было подождать еще немного. Как только она нормально поговорит с Джеком, она поймет, стоит ли рисковать потерей квартиры. Если повезёт, она сможет поговорить с ним наедине. Без Ребекки.

Вся эта ситуация была бы намного проще, если бы Джек был один. Она не была настолько наивной, чтобы думать, что он ни с кем не встречается, но женат? Что он сказал ей, когда они расстались? *Я не из тех, кто обзаводится семьей.* Это было так неожиданно, настоящий удар под дых. Вот почему, когда она узнала, что беременна, она прекрасно понимала, что он скажет ей сделать.

– Это сад, – Софи показала свой рисунок. Перед домом была ярко-зеленая лужайка, на которой росли красные и оранжевые кусты, которые, как предположила Кара, были цветами.

– Очень милый. Как насчет пруда с рыбками?

– Пруд? – Софи скривила свое красивое личико. – В саду перед домом? Так никто не делает.

Было почти шесть часов. Желудок Кары скрутило, и вовсе не от запеканки, которую Ребекка поставила в духовку. Бизнесвумен, хозяйка, шеф-повар: эта женщина была какой-то богиней? Было весьма сомнительно, что Софи станет есть запеканку, но она не стала говорить об этом. Пока им нужно было быть самыми непривередливыми гостями в мире. Может, она сумеет подкупить Софи предложением купить завтра сладости, если та съест немного запеканки сегодня.

Ребекка заговорила с ней за обедом. Спрашивала Кару, как они с Джеком познакомились. В том, как она спросила об этом, было что-то

такое, что заставило Кару почувствовать, будто ее проверяют. Когда она сказала, что они встретились в клубе, Ребекка казалась удовлетворенной.

Та ночь, когда она встретила Джека, была одной из лучших в её жизни. Кроме рождения Софи, конечно же. Она жила у подруги; у кого-то из школы. Кара пригласила ее выпить, чтобы поблагодарить за приют. Не то чтобы она действительно могла позволить себе заплатить за поход в клуб, но с такой фигурой, как у неё, обычно находился кто-то, кто покупал ей выпивку.

В любом случае, Джек гулял с друзьями. Они выглядели так, как будто только что сошли со страниц шикарного каталога, и Кара с подругой разговорились с ними. Они изрядно выпили, и все хорошо проводили время – они были хорошими парнями. Хотя Джек чем-то выделялся. Дело было не только в том, что он отлично выглядел и у него был приятный голос. Он был добрым и вежливым; не было похоже, что он просто вышел покутить, как большинство мужчин, которых она встречала с тех пор, как покинула дом. Он взял ее номер и пригласил ее на настоящее свидание. На следующее утро подруга просто вывела её из себя. Не переставала звать её – леди Кара. Если честно, она не думала, что он позвонит. Такие парни, как он, обычно не встречались с такими девушками, как она. Но не он.

Ребекка весь день была занята в своём кабинете. Кара слышала, что она много говорила по телефону. Смеялась и шутила с тем, с кем разговаривала. Поскольку дверь в кабинет была закрыта, Каре смогла незаметно для Ребекки занести в дом чемодан. Она не хотела, чтобы та подумала, будто она перевозит все свои вещи. По крайней мере, не сейчас. Ее подруга и соседка Даниэль одолжила ей машину на все выходные, так что спешить было некуда.

Ребекка сказала, что Джек будет дома около четырех. Должно быть, она тоже с нетерпением ждала его прихода, потому что Кара услышала, как она вышла из своего кабинета через долю секунды после того, как, скрипнув, открылась входная дверь. Как Кара ни старалась, она не смогла расслышать детали их приглушенного разговора. Мгновение спустя послышались тяжелые шаги, как будто кто-то поднимался по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

В дверях появилась Ребекка. – Мне сейчас нужно уехать на свое мероприятие. Джек только что поднялся наверх, чтобы принять душ.

Это надолго.

Наконец-то. Хоть какое-то время в одиночестве.

– Хорошо. Спасибо.

Ребекка замерла на несколько секунд, а затем, видимо, передумала говорить то, что бы она ни собиралась. Как только она ушла, Кара включила камеру на телефоне, чтобы проверить как она выглядит. В чемодане, который она принесла, было больше одежды, и час назад она переделалась в новое платье-рубашку. Важно было сделать всё, что в её силах.

Глава 8

РЕБЕККА

Безупречно белые скатерти, столовые приборы в идеальном порядке, сверкающее пространство, чистое и пустое – это была лучшая часть вечера. Ребекка проверила свой планшет. Напитки, запланированы на половину восьмого вечера, перед ужином из трех блюд на двести персон, который будет подан в восемь часов. Заказанная машина заберёт главного докладчика из его отеля в четверть восьмого, и он заверил ее, что его доклад продлится двадцать минут. Конечно, он мог думать, что его слова об успехе компании были бы жизненно необходимыми и вдохновляющими, но они ожидали двести гостей, которые просто хотели попасть в бесплатный бар и на танцпол. Её работа заключалась в том, чтобы все были счастливы.

– Во сколько нам подать канапе?

Эрик, старший официант, стоял слева от нее, и она взглянула на него перед тем, как свериться с планшетом.

– Давайте ориентироваться на семь сорок пять, но, если большинство гостей придет рано, я могу попросить вас подать их раньше. Нам нужно, чтобы у них что-нибудь было в руках, и чтобы они не выпили слишком много шампанского перед ужином. Да, Ребекка могла быть гибкой, когда это было нужно.

Уитмор-Хаус был одним из ее любимых мест, и она вложила много сил в эту работу. Они были профессиональны и организованы, и всё всегда проходило гладко.

– Очень хорошо, – коротко кивнул Эрик.

Еще одна сверка с планшетом, хотя она могла бы процитировать порядок событий наизусть. Ей было трудно сосредоточиться на работе. Что Джек и Кара делали дома? Вспоминали старые времена? Софи, вероятно, скоро ляжет спать; они будут одни. Как двое родителей, непринужденно коротающих вечер. От этой мысли у нее закололо в груди.

Хотя она всегда была уверена, что не хочет детей, Ребекке было сложно понять, на каком этапе отношений рассказать об этом новому парню. Если сделать это слишком рано, она рисковала напугать его тем, что считала их отношения серьезными. Слишком поздно, и она увязнет по уши, рискуя обжечься самой или причинить боль партнеру. Лучшим способом было позволить этому произойти естественным образом. Просто упомянуть это в разговоре, когда поднималась тема детей.

С Джеком это случилось почти через три месяца отношений. За неделю до этого он дал ей запасной ключ от своей квартиры, поэтому она знала, что события развиваются быстро, и ей скоро придется ему всё рассказать. Но это было тяжело. Она влюблялась в него. Если бы он представлял себе обычный сценарий – жить вместе, затем жениться, а потом завести детей – всё это должно было рухнуть.

Они были на ужине, и пара по соседству пришла с ребёнком. Малыш был милый. Но очень шумный. Бедная мать пыталась успокоить ребенка и виновато смотрела на других посетителей. Ребекка улыбнулась ей – она не была виновата в том, что ребенок плакал, – но всё равно она хотела, чтобы их там не было.

В конце концов, муж женщины забрал ребенка и шум переместился на улицу.

– Бедняга, – Джек наклонился вперед, говоря тихо. – Он чуть ли не проглотил этот стейк. Почему люди водят детей в такие рестораны?

– Может, у них не вышло нанять няню, – Ребекка пожала плечами. – Но они хотят вкусно поесть. У них могло не быть выбора. – Она прекрасно понимала, как сильно дети будут контролировать твою жизнь. Она видела это собственными глазами на примере своих друзей. *Сейчас самое подходящее время.*

– Одна из причин, по которой я не хочу детей.

– Правда? Ты в этом уверена? – Джек выглядел удивленным.

Она не могла понять по его тону, к чему это приведёт. Но если он хотел детей, то не было смысла продолжать – чем дольше они будут вместе, тем тяжелее это будет.

– Да. Дело не в том, что я не люблю детей. Я просто не хочу быть матерью.

– Правда? – Джек поднял бровь. – Парни на работе продолжают убеждать меня, что следующим шагом после совместного проживания

будет брак и дети. Пару дней назад один из маркетологов пожаловался, что его жена начала сыпать десятитонными намеками с тех пор, как ее сестра объявила о беременности. Он просто твердит одно и то же любому, кто готов слушать. Мол, я знаю, как это работает – если у их сестры или лучшей подруги появился ребенок, то ты облажался, – он рассмеялся.

Было ясно, ее заявление его не волновало. Понял ли он, что она говорит серьезно?

– Да, я знаю, что это кажется нормой. Но я правда их не хочу. Наверное, я эгоистка. Не хочу брать на себя ответственность за другую жизнь.

– Это не эгоизм, – Джек покачал головой. – Хорошо, что ты знаешь, чего хочешь. Честно говоря, я вообще об этом не задумывался. Не думаю, что был бы отличным отцом, если бы это значило, что мне пришлось бы стоять на холоде на улице, а не сидеть здесь с тобой и этим бокалом вина.

Они оба посмотрели в окно, где отец расхаживал взад-вперед, потирая спину ребёнка.

Подошел официант, чтобы забрать их тарелки.

– Хотите взглянуть на десертное меню?

Джек посмотрел на Ребекку, и она покачала головой. Он положил салфетку на стол. – Думаю, мы всё, спасибо. Не могли бы вы принести счет? Когда официант ушел, он наклонился ближе и понизил голос:

– Как насчет того, чтобы вернуться ко мне и повеселиться, *не делая* детей?

Эта тема всплывала несколько раз до того, как они поженились – обычно после посещения крестин или поездки на каникулы с другими семьями, – но Джек никогда не показывал никаких признаков того, что он передумал, и она определенно тоже нет.

Дверь в большой банкетный зал со скрипом открылась, и Анджела Мэттьюс просунула голову в комнату. Анджела была личным помощником управляющего директора и наняла Ребекку и Иззи для организации сегодняшнего ужина. На мгновение Ребекка не узнала ее с полным макияжем и в блестящем платье с глубоким вырезом; она рассматривала комнату, пока шла к Ребекке, а ее улыбка становилась всё шире.

– Вау. Вы были правы по поводу этого места. Выглядит фантастически.

Анджела была в Уитмор-Хаусе только днем. Но это место становилось чем-то другим по вечерам, когда электрические свечи в центре столов придавали комнате романтическую атмосферу.

– Рада, что вам нравится. К вечеру всё готово, и я буду неподалёку, если вам что-нибудь понадобится. Основав свою компанию, они с Иззи договорились, что личное сопровождение каждого мероприятия будет их отличительной чертой. Исходя из опыта, это «что-нибудь» могло включать в себя целый ряд катастроф начиная со старшего члена правления, который жаловался на вино, чтобы покрасоваться собственными знаниями, и заканчивая одним из младших сотрудников, смешавшим опасный коктейль из нервов и вина, и блюющим в туалете в половину десятого вечера.

Анджела взволнованно провела рукой по волосам. – На самом деле, есть кое-что. Вы слышали, что этим вечером ожидается звездопад? Не могли бы мы позвать всех на улицу посмотреть на него? Возможно, это будет запоминающимся дополнением вечера?

Она даже не закончила, когда Ребекка начала качать головой. – Нет. Не думаю, что это хорошая идея. Такие вещи всегда очень непредсказуемы. Вы можете вывести всех на улицу, а потом понять, что ничего не видно. Это разочарование может испортить впечатление от вечера.

Теперь Анджела начала накручивать на палец кончики волос. Не будь она осторожна, то испортила бы то, что походило на салонную укладку. – Но управляющий директор интересуется такими вещами. Уверена, он бы оценил внимание к деталям.

Итак, она пыталась впечатлить своего босса. Это было понятно, но он не был бы и вполнину так впечатлен, если бы сначала потребовалось двадцать минут, чтобы вывести всех на улицу: женщин в их платьях с бретелями и на острых каблуках, дрожащих от холода и утопающих в грязи, и мужчин, притворяющихся, что они этого не чувствуют, в то время как холод испортил их веселье. А затем, если облака были слишком плотными или время было выбрано неправильно, и никто всё равно ничего не увидел, – это испортило бы вечер настолько, что исправить уже ничего было бы нельзя. Тем не менее, именно эта женщина наняла их, и они с Иззи надеялись на

повторный заказ; поэтому важно было проявить тактичность. Или солгать. – Я ранее читала, что этот дождь будет сложно увидеть из-за погодных условий. Возможно, нам следует умолчать об этом, чтобы избежать разочарования. Анджела не выглядела убежденной, но Ребекку спасли первые прибывшие. – Извините, мне нужно проверить подготовили ли напитки для ваших гостей.

С тех пор, как они начали работать с более крупными клиентами, подобные ситуации всё чаще повторялись. Чем больше было траты, тем больше они хотели принимать во всём участие. Это раздражало. Особенно когда она потратила столько времени на то, чтобы всё было спланировано до мельчайших деталей.

Иzzi была другой: она придерживалась более гибкого графика. Старалась соглашаться на все пожелания клиента, несмотря на то, что они звучали в самый последний момент. «За это нам и платят, – всё время повторяла она. – Тебе нужно быть более *реактивной*».

В глубине души Ребекка думала, что это на самом деле просто эвфемизм для апатичного подхода Иззи к процессу планирования. Она больше заботилась о внешнем виде и ощущениях, чем о точных деталях. Именно это и сделало их такой хорошей командой. Но это также сводило Ребекку с ума. Что плохого было в том, чтобы составить план и придерживаться его?

Занятая тем, чтобы вовремя рассадить всех по местам и убедиться, что вегетарианские и веганские блюда не достались не тем людям, которые «забыли», что они предзаказали из меню, она не пересекалась с Анджелой Мэттьюз, пока не столкнулась с ней, выходящей из туалета между закусками и подачей основного блюда. – О, как хорошо. Я надеялась перехватить тебя. Я только что разговаривала со Стюартом – управляющим директором, о котором я упоминал, – и он считает, что выйти на улицу ради метеоритного дождя это отличная идея.

Из-за всего, что происходило дома, Ребекка не отличалась терпением. – Как я уже говорила, ничего не получится. – Судя по выражению лица Анджелы, её тон, видимо, был менее вежливым чем она хотела.

– Но у нас достаточно времени, чтобы...

Ребекка помахала своим планшетом.

– Нам нужно подать ещё два блюда и кофе до основного доклада. Честно, просто оставьте всё это мне. Вы должны получать удовольствие. – Она ушла до того, как Анджела успела ответить. Почему люди не могли просто придерживаться плана?

Как она и ожидала – и планировала – вечер прошел без сучка и задоринки. Несколько человек вышли на улицу, чтобы посмотреть за метеоритный дождь, который, судя по пьяному энтузиазму по их возвращении, был раздражающе зрелищным.

Она заметила как Анджела поджала губы, когда та уходила. Ее благодарность была краткой. Весь вечер прошел без сучка и задоринки, и она хотела съязвить из-за того, что пропустила несколько полосок в небе? Некоторым людям было не угодить.

Когда она шла к своей машине, зазвонил ее телефон. Иззи. – Привет. Проверяешь меня?

– Нет, просто читаю пропущенные письма, дети уже легли и я подумала, что стоит узнать, как прошел сегодняшний вечер.

– Да. Всё хорошо. Как раз собираюсь домой.

– Ясно, я тут просто получила письмо от Анджелы Мэттьюс. Там тонна опечаток, так что, полагаю, она выпила немного вина. Что-то про метеоритный дождь?

Ребекка вздохнула. – Сегодня вечером был метеоритный дождь, и она хотела, чтобы я вывела всех на лужайку, посмотреть на него. Я просто объяснила ей, что это была плохая идея.

Иззи сделала глубокий вдох. – Тебе нужно быть более гибкой, Ребекка. Плыви по течению. То, что чего-то нет в вашем плане, еще не значит, что это не может быть.

Ребекка была не в настроении слушать лекцию о том, как проводить мероприятие. Иззи выбрала ее своим деловым партнером из-за ее сильных сторон: организации, планирования, скрупулезного внимания к деталям. – Мы можем поговорить об этом завтра? Мне нужно домой, и я правда устала.

– Конечно, прости. Уверен, Джек ждет тебя с бокалом вина. Наслаждайся своим завтрашним выходным. Думай о том, что я в шесть утра смотрю детские каналы, пока ты читаешь утренние газеты в постели. Мы можем поговорить об этом, когда увидимся в понедельник.

Когда она увидятся в понедельник, Ребекке будет о чем с ней поговорить. Прямо сейчас она хотела попасть домой и узнать, как прошел разговор Джека с Карой.

Глава 9

КАРА

Потребовалось время, чтобы уложить Софи в постель. С недавних пор ей снились кошмары, и она хотела, чтобы Кара лежала с ней, пока она не уснет. Так что когда Кара спустилась вниз, было почти десять вечера. Джек сидел за своим ноутбуком и что-то печатал.

Когда они были вместе, он был в начале своей карьеры. Тогда он тоже подолгу работал, но не был против того, чтобы веселиться до поздней ночи и пойти на работу, поспав всего пару часов. Сейчас он был явно более ответственным. Какой была бы её жизнь, если бы он женился на ней?

Он поднял на неё взгляд, когда она вошла в гостиную. – Нам нужно поговорить.

Думаешь? Кара подавила желание съязвить. – Да, нужно.

– Очевидно, нам нужно решить, что делать с Софи. И тебе нужно найти, где вы будете жить.

Джек едва взглянул на неё, а его вежливый тон превратил их в незнакомцев. Неужели он так удачно забыл, что когда-то они были настолько одержимы друг другом, что могли счастливо провести целый день в постели? – Ребекка сказала, что мы можем остаться.

– И это так. Так и есть. На *данный момент*. Он сделал ударение на словах «данный момент» т. Сколько времени он ей давал?

– Я пыталась найти нам жильё, но мне не очень повезло. – К счастью, за последние несколько лет ей не раз приходилось врать при поиске работы и жилья. У Джека дрогнули ресницы; она не была так уверена, что Ребекка не раскусит её. – Уверен, ты не хочешь, чтобы я отвезла Софи в какую-нибудь крошечную квартиру. Или сырую. Или в плохом районе.

Джек выглядел испуганным: его мир действительно был слишком далёк от её. – Конечно, нет. Я хорошо понимаю свои... обязанности. Сейчас я знаю о Софи и мы можем поговорить о том, что ей нужно. Что нужно тебе, чтобы заботиться за ней»

Что ей было нужно, так это больше времени. *Двух недель должно хватить.* К тому времени он не захочет, чтобы Софи исчезла из его жизни. – Я говорила с агентом по недвижимости по поводу квартиры, которую скоро можно будет снять. Она чистая и в хорошем районе. А еще там хорошее отопление. Нынешние жильцы съезжают через пару недель. Я знаю, что прошу о многом, но можем ли мы остаться здесь до этого времени?

Джек выглядел так, как будто она попросила остаться у них на два года. Но он был хорошим парнем, она это знала. На самом деле, она рассчитывала на это. – Что ж, мне придется поговорить с Ребеккой, но, само собой, мы не вышвырнем вас на улицу. Он сделал паузу, покачал головой. – Я всё ещё не могу поверить во всё это, Кара. Какого черта ты не сказала мне, что беременна? Когда мы еще были вместе?

– Когда мы ещё были вместе, я об этом не знала.

– Это не имеет значения. Она моя дочь. Ты не имела права скрывать это от меня. Это несправедливо по отношению ко мне. И это точно несправедливо по отношению к ней.

Справедливо? Он хотел поговорить о справедливости, сидя на своей роскошной мебели в своем огромном доме?

– Ты довольно ясно дал понять, что не заинтересован в том, чтобы снова меня видеть. А потом я узнала, что ты встречаешься с кем-то новым. Постель, наверное, ещё не остыла.

Он вздрогнул. – Как ты узнала?

Кара пожала плечами. – То, что я не видела тебя после нашей последней ночи, ещё не значит, что я не слышала, что происходило в твоей жизни. Никто не хочет, чтобы ему нашли замену так быстро и легко.

Джек вздохнул и наклонился вперед, положив руки на колени. – Мне жаль, если я причинил тебе боль, Кара, правда жаль. Но это какая-то месть, то что ты держала Софи в секрете всё это время и не рассказывала о ней. А потом просто приехала без предупреждения.

Он ожидал, что она пожалеет его?

– Ты серьезно говоришь, что не слышал о моей беременности?

– Возможно, ходила пара слухов. Кто-то что-то слышал. Но, знаешь, к тому времени мы уже расстались...

Знакомый гнев начал бурлить у нее животе. Кого он пытался обмануть? Кара, может, и не училась в университете, в отличие от

него, но она уж точно не была глупой.

– Ты же знаешь, что ребёнок рождается через девять месяцев, верно? Она родилась через девять месяцев после того, как мы расстались. Это не так сложно посчитать, Джек.

– До меня всего-лишь дошли слухи, – Джек покраснел. – Я не собирался садиться и что-то считать. Считай меня наивным, но я считал, что ты сказала бы мне, если бы у меня была дочь.

Какая-то часть её хотела выплеснуть ярость, которую она носила внутри последние пять лет. Но она должна была держать себя в руках. Сосредоточиться на плане. Когда она заговорила снова, ее голос звучал намеренно мягче и обвинений в нём не было. Посмотрев вниз на свои руки, а затем вверх сквозь ресницы, она прикусила губу.

– Наверное, я глупо надеялась, что ты сам об этом узнаешь. А потом найдёшь нас.

Джек подошел и сел рядом с ней на диван. Он никогда не мог вынести её слёз.

– Эй, брось. Не расстраивайся, – он положил руку ей на плечо.

Она вытерла глаза тыльной стороной запястья. Способность расплакаться в нужный момент была крайне полезной.

– Я в порядке. Я просто хочу покончить с этим. Хочу, чтобы ты принял Софи. Познакомился с ней поближе, – она посмотрела ему в глаза. – Она твоя дочь.

На этот раз Джек не отвел взгляд.

– Если честно, я и раньше задавался вопросом, сохранила ли ты беременность. Парни дразнили меня по этому поводу, когда до нас дошел этот слух, но потом об этом просто забыли. Я должен был позвонить тебе и всё проверить. – Он сделал паузу, казалось бы, подбирая правильные слова. – В тот момент, когда я увидел тебя, я понял, что она моя. Закончив фразу, он замер и посмотрел поверх ее головы.

Она проследила за его взглядом до двери в гостиную, где, глядя на них, стояла Ребекка, всё ещё в пальто.

– Привет, любимая, – он встал и подошел, чтобы помочь ей снять пальто. – Я не ожидал, что ты вернёшься так рано.

– Я вижу, – Ребекка отшатнулась от него. – А я не ожидала выяснить, что ты солгал мне, когда сказал, будто не знал, что у тебя есть дочь.

Глава 10

РЕБЕККА

Тишина в комнате почти пульсировала от напряжения. Смутно понимая, где Кара – та, опустив голову, поспешно ретировалась вверх – Ребекка не сводила взгляда с Джека.

– Ты знал, что у тебя есть ребенок, Джек? Ты *знал*? – всё её тело дрожало от взрывоопасной смеси страха и злости.

Джек медленно подошел к ней, как будто она была неразорвавшейся бомбой.

– Я этого не говорил, Бекка. Ты пришла в конце разговора. Если бы я знал, я бы, очевидно, поступил правильно.

– Очевидно? – выпалила она. – Во всём этом нет ничего *очевидного*.

Он попытался взять её за руку, но она отступила на шаг.

– Я знаю, знаю, мне так жаль, что... – он поднял руки в знак покорности.

– Тебе жаль? *Жаль*? – Она была уставшей и потрясенной, и от всего происходящего у нее звенело в ушах. – Сейчас я даже не знаю, кто ты такой. Ты тот человек, который не позволяет мне убивать пауков. Человек, который уговорил меня позволить сыну брата его друга пожить в нашей комнате для гостей две недели, потому что он потратил остатки своего студенческого кредита. Который сказал мне... – её голос начал дрожать, горло сжалось, но она всё равно отмахнулась от него, когда он потянулся к ней.

– Который сказал мне, что я намного лучше, чем я себя считала, что я могу доверять тебе, что ты... – Рыдание вырвалось из ее горла. Было отвратительно невыносимо плакать, когда она была так зла, когда она хотела рассказать ему, в каком безумном бешенстве она была прямо сейчас.

Джек всё ещё стоял перед ней.

– Я не знаю, что ещё я могу сказать, кроме того, что мне невероятно жаль, Бекка.

Она видела слезы и на лице Джека, и это только усилило ее гнев.

– Тебе должно быть не просто чертовски жаль! Так нечестно, Джек. Я не хочу детей. Я никогда не хотела детей. *Годами* люди говорили мне, что я передумаю. Покровительственно кивали мне. Думали, что со мной что-то не так. Но дело не в этом. Я просто не хочу детей. И ты сказал, что тоже не хочешь детей, – она подняла руку, не давая ему перебить себя. – А потом, прошлой ночью, я узнаю, что у тебя есть ребенок. У тебя есть ребенок, о котором ты ничего не знал. Устраиваю ли я скандал? Нет. Я этого не делаю. Я стараюсь быть хорошим человеком. Я стараюсь быть спокойной. Это не его вина, говорю я себе. Он в таком же шоке, как и я.

– Я и *был* в шоке. Я не... – Джек сложил руки перед собой, как будто молился.

Она снова подняла руку. – А сегодня вечером я узнаю, что, нет, ты не был так шокирован, как я, потому что, хэй, на самом деле, ты мог что-то *подозревать*, но решил не вдаваться в подробности. Для тебя не было важно, что где-то может быть женщина, воспитывающая твоего ребенка.

Он открыл было рот, но блеск её глаз заставил его тут же закрыть его.

– Честно говоря, я даже не могу сейчас вдаваться в подробности, потому что всё это просто не умещается у меня в голове. Прямо сейчас я должна принять во внимание тот факт, что в твоей жизни есть ребенок, и – если я хочу остаться с тобой – я должна признать, что в моей жизни тоже есть ребенок. Я буду честна с тобой: если бы у тебя был ребенок, когда мы только встретились, я бы держалась подальше, потому что – лично для меня – ребенок это сложно. Это хлопотно. Это не то, чего я хочу.

Все ее тело дрожало. Это походило на отложенный шок. Лицо Джека было пепельно-серым, когда он снова потянулся к ней, но она оттолкнула его, ее горло сжалось так сильно, что она едва могла говорить. Они никогда раньше так не ругались. Она ненавидела конфликты и ненавидела терять контроль. В ее голове, в ее сердце было слишком много всего, она не могла понять, к чему это её приведёт. Что, черт побери, она собиралась делать?

– Я не могу... Я просто не могу сейчас об этом говорить. Я иду спать. Поскольку комната для гостей занята, ты можешь спать здесь,

внизу.

На следующее утро Ребекка задержалась в постели нехарактерно допоздна, даже для воскресенья, пытаясь осмыслить всё, что произошло с вечера пятницы. Прежде чем поговорить с Джеком, она хотела составить план, список вопросов, повестку дня. Он принес ей кофе в постель и пробормотал, что Кара рано утром поехала в свою старую квартиру, чтобы собрать вещи. После прошлой ночи она, вероятно, хотела съездить туда и вернуться до того, как они передумают разрешать ей остаться. Когда он предложил пообедать жареным мясом в местном пабе, Ребекка вместо этого выбрала суши-ресторан на другом конце города. Джек ненавидел суши.

Преимущество суши-ресторана было в том, что там приходилось сидеть бок о бок – легче было не смотреть на него. Его полное страдания лицо только раззадорило бы ее еще больше. В течение пяти минут они оба сидели и смотрели, как мимо проплывают разноцветные миски. Ребекка сосредоточилась на том, чтобы сорвать бумагу со своего набора палочек для еды.

– Напомни мне еще раз, как вы с Карой познакомились.

Джек кашлянул и заерзал на стуле. Это была еще одна вещь, которую он ненавидел в этом ресторане – неудобные сидения.

– Ну, как я уже говорил, мы познакомились в ночном клубе. Я был с парнями, она с подружкой. Мы разговорились. Ты знаешь, как это бывает.

Она почувствовала, как он вздрогнул, когда она разделила палочки для еды.

– Ты должен мне больше, чем это, Джек. Если Кара станет частью нашей жизни, мне нужно знать, какие у вас были отношения. Насколько это было серьезно. Они раньше говорили о своих прошлых отношениях, но редко обсуждали своих бывших. Когда она призналась, что разорвала длительные отношения со своим прошлым парнем после того, как обнаружила, что он изменял ей – и не единожды, – Джек был в ужасе. Обнимая ее, он пообещал, что никогда не причинит ей боли, никогда не будет лгать или рисковать их отношениями. А теперь? Повторялась ли история?

Несколько мгновений он не отвечал. Ребекка проигнорировала тот факт, что он смотрел на нее, и протянула руку, чтобы взять желтую

миску с маки из авокадо. У нее перехватило горло, но она зажала одну между палочками и отправила её в рот.

Джек последовал ее примеру, возможно, чтобы выиграть немного времени, и взял миску с жареным рисом, который он гонял по миске пластиковой вилкой. В конце концов, он заговорил.

– Ну, она привлекла мое внимание, потому что она была, ну, очевидно, очень привлекательной, – он взглянул на Ребекку, чтобы оценить ее реакцию. – Ты уверена, что хочешь знать все подробности?

Неужели он думал, что она будет ревновать? Это было очевидно: Кара была очень привлекательной. Возможно, слишком худой, но определенно привлекательной. Она проглотила ролл почти целиком.

– Продолжай.

Джек устался на цветок в ее жасминовом чае, наблюдая, как тот раскрывается.

– Думаю, это было еще и потому, что она была... Не знаю, в ней было что-то особенное. Она была другой. Женщины, с которыми я встречался до того времени, все были определенного типа. Частная школа. Очень уверенные в себе. Кара тоже была уверена в себе, но в ее уверенности было что-то еще. Она была какой-то... хрупкой, наверное.

Это было больше похоже на Джека, которого она знала. Оберегающий и заботливый. Тем летом, во время отпуска в Греции, ей пришлось отговаривать его от того, чтобы приютить трехногую собаку, которая следовала за ними домой с пляжа. У него было большое сердце. И он мог стать легкой добычей.

Их разговор прервал один из поваров, размахивавший ножом для рыбы.

– Приготовить вам что-нибудь на заказ? – Он кивнул на их пустой стол.

– Нет, нам хватит и того, что есть, спасибо. – Ребекка взяла миску с куриной гедзой и подняла ее, чтобы доказать свои слова. Как только он ушел, Ребекка подтолкнула Джека.

– Значит, она была другой?

Джек вздохнул. Надеялся ли он, что она позволит ему что-нибудь пропустить? – Да. Она была забавной и независимой, и ее было плевать, что она говорит о чем-либо или о ком-либо. Честно говоря, с ней было очень весело.

– Ты переспал с ней в ту первую ночь? – Не было никаких причин, по которым это должно было иметь хоть какое-то отношение к делу, но вопрос сорвался с ее губ прежде, чем она смогла его остановить.

– Да, – Джек отпил большой глоток пива. – Мы вернулись туда, где она остановилась. Я остался на ночь.

– А где она остановилась? Ее собственное жильё? У подруги? У родителей?

– Ребекка, посмотри на меня, – Джек подался вперед, чтобы видеть ее лицо. – Почему ты хочешь всё это знать?

– Я просто хочу знать, что она за человек. Она живёт в моем доме, Джек. Ты, кажется, полностью уверен в том, что мы можем просто уйти из дома, оставив ее там одну, и, вернувшись, не выяснить, что нас ограбили, или что она пригласила еще кучу бездомных мамаш переночевать у нас, пожить неделю или месяц! – Сила ее гнева, хотя она и шипела себе под нос, чтобы молодая пара рядом с ними ничего не услышала, удивила даже ее, поэтому вполне естественно, что Джек выглядел так, словно ему дали пощечину.

– Ладно. Ладно, – он поднял руки вверх, как будто бы сдаваясь. – Она ночевала на диване у подруги. Я не знаю, поняли ли ты это уже по её рассказам, но у нее действительно не очень хорошие отношения со своими родителями. Она никогда не вдавалась в подробности, но я всегда предполагал, что ее отец был не очень хорошим человеком. Думаю, он плохо с ними обращался. А ее мать, ну, всё, что она когда-либо говорила о своей матери, это то, что та не могла позаботиться даже о себе, не говоря уже о ком-то еще.

Хотя Ребекка и не хотела этого, она почувствовала укол сочувствия.

– Ясно.

– Вот почему она в конечном итоге переехала ко мне, – Джек опустил взгляд, снова стал крутить бутылку пива.

Ребекка чуть не подавилась кусочком жареной свинины. Она развернулась на высоком табурете так быстро, что тот заскрипел.

– Что?

– Что я мог сделать? – он умоляюще посмотрел на нее. – Она ночевала то у одной подруги, то у другой. И я думаю, что в какой-то

момент она даже могла ночевать где-то не вполне законно. А я жил в большой квартире, которую оплачивали мои родители.

Чувство вины, которое испытывает человек, который с детства жил хорошо. Было ли это причиной, по которой Кара показалась Джеку привлекательной? Благотворительное дело, которым он мог заниматься и извлечь выгоду из щедрости богача? Она знала, что была несправедлива. Джек не мог выбирать семью, в которой родился, равно как и она. И он никогда не хвастался богатством своих родителей.

Но она не могла избавиться от ощущения недовольства из-за того, что он так быстро перевез Кару к себе. Они с Джеком встречались почти год, прежде чем решили перевести свои отношения на новый уровень.

– Так как скоро она переехала?

Джек закашлялся, кажется, внезапно осознал, что его бутылка пуста, и дал знак одному из официантов, что он хотел бы еще.

– На следующую ночь.

Они сидели в тишине целую минуту, пока не принесли второе пиво. Ребекка начала понимать поведение Кары, и это не улучшало ее отношение к нежеланной гостье.

– Ясно.

Джек, должно быть, понял, как это прозвучало.

– Это было не совсем официально. Она осталась на ночь, а потом ей некуда было пойти, и в итоге она осталась еще на несколько дней, а потом было проще дать ей ключ и...

– Как долго? – прервала его Ребекка. – Как долго вы жили вместе?

Джек схватил оранжевую миску, которая почти проплыла мимо них и поставил её перед Ребеккой. – Твое любимое блюдо, да?

Она уставилась на миску с лапшой, перемешанной с курицей и овощами.

– Как долго, Джек?

– Наверное, прошло семь или восемь месяцев. Когда мы встретились я всё еще работал на Кингс-Кросс, а когда мы расстались – переехал на Ливерпуль-стрит.

– Тогда ты познакомился со мной, – Ребекку затошнило, и дело было не в суши.

Джек покачал головой. – Нет. Мы расстались с ней до этого. Ты это знаешь. Ты была в моей квартире в ту первую ночь. Ты знаешь, я ни с кем не жил.

Ребекка покраснела при этом воспоминании. Не было абсолютно ничего плохого в том, чтобы переспать с кем-то на первом свидании. Но она никогда не делала этого раньше – и они даже не были на свидании.

– Хорошо, так почему вы расстались?

Джек пожал плечами. – Я не знаю. Думаю, мы были слишком разными. Всё, что мне в ней нравилось – непредсказуемость, беззаботность – перестали быть привлекательными. Я понял, что больше не люблю её. И наши жизни – то, чего мы хотели от наших жизней – были слишком разными.

Несмотря на всю ее приятную смуглую внешность и великолепную фигуру, Ребекка не могла представить, чтобы Джек пригласил Кару на воскресный обед в дом своего управляющего директора.

– Итак, как ты порвал с ней? И что с ней случилось?

– Я был настолько добр, насколько только мог. Мы сели и поговорили об этом. Я сказал, что просто больше не чувствую того, что чувствовал раньше. Я даже предложил ей денег, чтобы помочь ей пережить пару дней.

Ответ на ее следующий вопрос внезапно показался ей первостепенно важным.

– И она приняла их?

– Нет, – Джек покачал головой. – Она была очень расстроена. Это не... Всё прошло не очень хорошо.

Ребекка могла себе это представить. Она потеряла не только своего парня, но и свой дом тоже.

– Значит, это всё? Она ушла той же ночью?

– Почти, – Джек провел пальцем по внутренней стороне воротника; он выглядел смущенным. – Примерно через неделю мы столкнулись в пабе. Мы оба много выпили, она была расстроена, я утешил ее и...

Как чертовски предсказуемо.

– И в итоге всё закончилось тем, что она вернулась домой и провела ночь в твоей постели.

Джек поморщился. Она видела, как больно ему было это признавать, но прямо сейчас ей было всё равно.

– Я не горжусь собой, – он отодвинул свой рис. – Невозможно по щелчку выключить все чувства. Я скучал по ней.

Следующий ответ был очевиден, но она должна была спросить. – И эта ночь, которую вы провели вместе. Эта случайная ночь, когда вы не удержались и оказались в одной кровати. Вы предохранялись?

Лицо Джека сказало всё, что ей нужно было знать, но она ждала, пока он ответит.

– Нет. Нет, мы этого не делали.

– Ясно.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Это тоже приходило мне в голову, но Кара не забеременела бы нарочно. Она просто не такая. Если бы ты знала ее лучше, ты бы это тоже поняла.

Если Джек хотел, чтобы она оставалась спокойной, чтобы она снова не вышла из себя, то защищать Кару было определенно не лучшим решением. – И ты знал, что она забеременела, и ничего не сделал?

– Нет. Я не *знал*. Я говорил правду об этом. Это было просто случайное замечание в пабе, что кто-то видел ее, и она выглядела беременной. И я прекрасно понимаю, что должен был связаться с ней и всё узнать. Почти всю прошлую ночь я задавался вопросом, почему я этого не сделал.

Ребекка собиралась провести намного дольше, чем одну ночь, задавая себе и Джеку этот вопрос. На данный момент она узнала всё, что хотела. О Джеке. – Нам пора домой. Я не знаю, сколько времени ей потребуется, чтобы освободить старую квартиру, но у Кары нет ключа, чтобы вернуться в наш дом.

На его лице появилась робкая улыбка. – Означает ли это, что ты не против, что они останутся всего на пару недель?

Она убрала руки со стола, чтобы он не мог их взять. Это было слишком рано для поцелуя и примирений. Но она потратила какое-то время на то, чтобы обдумать это, лежа в постели этим утром. – Это значит, что они могут остаться. Насколько я не против это – другой вопрос. Завтра тебе нужно поговорить с Карой, пока я буду работать у Иззи, и мне всё равно, если у тебя на это время запланирована встреча

с самим Богом. Ты останешься дома и составишь план того, что со всем этим делать.

Судя по облегчению на лице Джека, она могла бы попросить его провести следующий день, катаясь по битому стеклу, и он бы согласился на это. По крайней мере, присутствие Кары в доме дало бы Ребекке возможность разобраться во всём этом хаосе. Джек мог быть уверен, что Кара не забеременела специально, но у Ребекки такой уверенности не было.

Глава 11

КАРА

По утрам в воскресенье в жилом комплексе Брэмли всегда было тихо, и шаги Кары эхом отдавались на бетонной лестнице, пока Софи считала их. Она определенно не скучала по затхлому запаху общего коридора: тошнотворной смеси бытовых отходов и мочи. Наверху лестницы они повернули налево. Внизу облупившейся красной входной двери квартиры 3Б были потертости в том месте, где Кара довела до совершенства способ ее открытия, ударив её ногой одновременно с поворотом ключа.

Они пробыли в квартире всего десять минут, когда в дверь постучали. Ли был примерно ее возраста, может, даже на пару лет младше. Эта квартира, как и несколько других в этом доме, принадлежали его отцу. Редж был строителем, который хорошо заработал и теперь жил на Майорке. Ли отвечал за аренду жилья, его старший брат занимался строительством.

Ли всегда выглядел так, как будто только что вышел из душа, и пахло от него так, словно он намазался дорогим лосьоном после бритья. Его одежда была тщательно выглажена и пестрела логотипами. Аренда жилья давала хороший доход.

– Кара, детка. Ты меня убиваешь. Где ты была?

Не так много домовладельцев вышли бы встретить тебя в воскресенье, но Ли питал к ней слабость. *Иногда приходится работать с тем, что дал тебе Бог.*

– Мне так жаль, Ли. Просто эта неделя была очень тяжелой. Я заплачу за квартиру, правда заплачу. Можешь дать мне еще пару дней?

Дрожащая нижняя губа – и жест в сторону Софи – возымели желаемый эффект. Ли был явно огорчен тем, что заставил ее плакать. – Эй, эй. Не расстраивайся так. Все в порядке. Слушай, в прошлом ты всегда вовремя платила за аренду. Я дам тебе время. Сколько тебе нужно? Неделю? Две недели?

Это было так просто, что она почти сочувствовала ему. – Это было бы замечательно. К тому времени у меня точно будут деньги. Огромное тебе спасибо.

Ли даже покраснел, когда попятился из квартиры. – Все в порядке. Я вернусь через пару недель. Ты береги себя и малышку. Увидимся позднее.

Как только он ушел, она вытерла притворные слезы тыльной стороной ладони и начала собирать остатки вещей в одну из коробок, которую принесла с собой. Новый стук в дверь заставил ее подпрыгнуть. Неужели Ли передумал?

К ее облегчению, это была соседка Даниэль; ее обесцвеченные волосы были собраны на макушке в беспорядочный пучок, пальто накинуто поверх пижамы, пакеты с покупками служили балластом с обеих сторон. – Привет, незнакомка. Глянула через окно и подумала, что это ты. Ты вернулась?

– Нет, – Кара покачала головой. – Просто собираю оставшиеся вещи. Я верну твою машину, как только отвезу их. Спасибо, что одолжила её мне.

– Без проблем. На этих выходных она мне не нужна. – Взгляд Даниэль остановился на коробках. – Так ты и правда это делаешь?

– Ага, – Кара бросила раскрашенный камешек в одну из коробок. – Ты уже скучаешь по мне?

– Жду не дождусь, когда ты уедешь, – Даниэль пожала плечами.

Кара рассмеялась. – Кто знает? Может, я вернусь сюда через неделю. И даже если нет, ты всё равно будешь меня видеть.

Даниэль скорчила гримасу. – Девочки идут в школу в следующем сентябре. Кто решится вместе со мной отводить их на учебу и забирать домой? Я не могу в одиночку слоняться по детской площадке.

Было невозможно смотреть ей в глаза.

– Я не буду подавать документы в Хоптонскую начальную школу.

– Почему нет? – Даниэль нахмурилась. – Она сразу в конце улицы. Все дети из жилого комплекса ходят туда. А куда ты будешь подавать документы?

Можно было просто покончить с этим.

– В начальную школу Святой Екатерины.

Даниэль рассмеялась. – Святой Екатерины? Ты с ума сошла? Ты никогда туда не попадешь. У них очень маленький район

обслуживания, и они не принимают... – тут ее глаза засияли. – Дом отца Софи находится в том районе, не так ли? Ты поэтому это делаешь?

Кара приложила палец к губам и осторожно кивнула в сторону спальни, где Софи лежала на кровати со своей книжкой-раскраской.

Даниэль повернулась так, чтобы встать спиной к двери спальни, и понизила голос.

– Итак, как все прошло? У него большой дом?

– Да. Реально большой дом. И жена.

– Жена? – Даниэль округлила глаза. – Ты ни разу не упоминала, что он женат.

– Я не знала этого, пока не приехала туда в пятницу вечером. – Кара бросила последнюю пару вещей в коробку. Больше она ничего не хотела забирать.

Даниэль пристально смотрела на нее, склонив голову набок.

– Слушай, я скажу это еще раз: ты уверена? Я знаю, мы всегда жалуемся на Ли и на то, какой он ленивый болван, но я останавливался в гораздо худших местах. Если вы уйдешь из этой квартиры и потом тебе понадобится жилье, тебя поселят в однокомнатной квартире в каком-нибудь ужасном многоэтажном доме.

Кара думала об этом.

– Нам не нужно будет переезжать.

– Как ты можешь быть уверена? – Даниэль скрестила руки на груди. – Особенно, если отец Софи женат. Я не могу представить, чтобы его жена стала долго терпеть вас обоих в их доме.

Даниэль собирала сплетни, но Кара ни за что не собиралась рассказывать ей, почему она так уверена. О том, что она знала Джека лучше, чем он думал. И что у нее был план.

Глава 12

РЕБЕККА

Хотя они обе работали из дома, утро понедельника оставалось свободным для того, чтобы Ребекка и Иззи могли встретиться, синхронизировать ежедневники и обсудить планы на неделю. С Рождества эти встречи всегда проходили в доме Иззи, потому что ее муж, биржевой маклер по имени Тим, устроил ей офис в саду: деревянную конструкцию с большими стеклянными окнами, столом для работы и круглым столом для нее и Ребекки, чтобы «совещаться», как он покровительственно выразился.

Теперь они сидели за столом с кофе из ультрасовременной машины и тарелкой песочного печенья. Ребекка готовилась к откровенному разговору: но сначала они могли провести совещание.

Начинать свой бизнес три года назад было рискованно, но у Иззи была целая записная книжка с отличными связями, и у них был большой опыт работы в компании «Городские мероприятия Лондона». На самом деле, она уже работала с Иззи в ту ночь, когда познакомилась с Джеком. Они всегда были хорошей командой, и умели использовать сильные стороны друг друга.

Встречи у Иззи всегда проходили в повседневной одежде. И всё же, у Иззи была такая приятная внешность, что она выглядела красивой даже с волосами, собранными в хвост, и без макияжа.

– Только не ругайся, но мне нужно, чтобы ты взяла на себя организацию свадьбы Росс-Гамильтон.

– Что? – Ребекка чуть не выплюнула свой кофе. – Я не занимаюсь свадьбами. Я не занимаюсь никакими сентиментальными мероприятиями. Мы об этом договаривались. Я занимаюсь корпоративами.

Она действительно ясно дала понять это Иззи с самого первого дня. Не то чтобы ей не нравились свадьбы, вечеринки по случаю выхода на пенсию или крестины. Дело в том, что люди, организующие вечеринку по семейному поводу, были непредсказуемы, эмоциональны

и навязчивы. Она предпочитала работать с профессионалами. Какими бы требовательными они ни были, они, по крайней мере, они были ясны и беспристрастны. Она могла спланировать мероприятие, представить его им, исправить всё, что требовало изменений, а затем двигаться дальше. Безо всяких историй по поводу того, что цветы на торте были не того фиолетового оттенка.

– Я знаю, знаю, – Иззи придвинула тарелку с печеньем поближе к Ребекке. – И я бы не просила тебя, но ты знаешь, как долго мы ждали назначения для бедного Джонти, чтобы удалить его чёртовы железы. Я не переживу еще одну зиму, когда он по несколько недель не будет ходить в школу. Я просто не смогу. И Тим уехал по работе на этой неделе, так что кому-то придётся быть здесь. Саманта «будущая Гамильтон» Росс выйдет из себя, если меня не будет там и всё не пройдет как по маслу. Было бы намного лучше, если бы ты сейчас взяла это на себя, и потом сходила бы туда.

Шикарное печенье ни на каплю не могло успокоить Ребекку. Почему люди с детьми всегда разыгрывают семейную карту? Конечно, она понимала, что Иззи хотела бы побыть со своим малышом, но у нее сейчас были и свои серьезные дела.

К тому же, свадьба Росс-Гамильтон? Весь последний год Иззи жаловалась, как сводит ее с ума будущая невеста. Всё было не вполне так, как надо, а даже если всё было правильно, её мнение об этом могло измениться всего за пару дней. И теперь она хотела, чтобы этим занялась Ребекка. – Разве ты не можешь пока заниматься ей и дальше, а я подхватываю дела за неделю до свадьбы, если понадобится? Я имею в виду, ты же должна быть в курсе всего, что там происходит, верно?

– О да, так и есть, – Иззи кивнула. – Насколько мне известно, всё сделано. Но ты же знаешь, как оно бывает. Всякое случается в последнюю минуту. Лепщики из воздушных шаров страдают от пищевого отравления, поставщики провизии роняют пирожные, во всем мире случается нехватка авокадо.

Ребекка застонала. Она действительно знала. И именно поэтому она не занималась свадьбами. Но что она могла сказать? – Ладно. Давай сюда папку.

Иззи захлопала в ладоши и передала папку. Ее радость от того, что она передала эту свадьбу другому, наполнила Ребекку ужасом. –

Спасибо, спасибо тебе! Я у тебя в долгу. Пробегись по ней глазами, а потом мы позвоним Саманте Росс и договоримся о встрече.

Папка была в два раза толще тех, что Ребекка хранила на своих мероприятиях. Беглый взгляд на страницу со сводкой событий объяснил, почему: фокусники, надувные замки, голуби, фейерверки. Это была не свадьба, это был фестиваль. Она посмотрела на Иззи. – Ты серьезно?

Иззи никак не отреагировала. – Просмотри все заметки, которые я оставила на полях. С ними всё понятно? – Она взяла печенье с тарелки и разломил его пополам.

Ребекка перевернула страницу и, прищурившись, внимательно взгляделась в текст. Да, думаю, я смогу разобрать твои каракули.

Иззи показала ей язык. – Ладно, идеальный планировщик. Не у всех есть система сортировки полотенец с цветовой маркировкой. Некоторые из нас, простых смертных, обходятся стикерами и внутренним чутьём. Я знаю, что на твоей свадьбе всё отработало как слаженный механизм.

Ребекка положила папку на стол, глубоко вдохнула. – У Джека есть дочь.

Должно быть, Иззи от шока подавилась печеньем. На то, чтобы откашляться, у неё ушла целая минута. – Что?

– Ага, – Ребекка кивнула. – В пятницу вечером к нам на порог пришла бывшая девушка Джека с его четырехлетней дочерью.

– Боже мой, Ребекка. Как у тебя могло уйти, – она сосчитала на пальцах, – *три* дня, чтобы рассказать мне это? Это же просто бомба. Ты уверена, что это его ребенок?

Было облегчением поговорить с кем-то обо всём этом. – О, сейчас станет еще лучше. Джек знал о девочке. Её зовут Софи.

Глаза Иззи чуть не вылезли из орбит. – Что? Как долго?

Она знала, что была несправедлива к Джеку, но сейчас ей нужен был кто-то, кто занял бы её сторону. – Очевидно, в то время у него были какие-то подозрения. Он слышал, что она была беременна после того, как они расстались, но это не побудило его найти ее и выяснить всё наверняка.

– Вау. – Иззи смотрела на нее с открытым ртом. – И как ты себя чувствуешь?

Это был хороший вопрос. – Злой. Расстроенной. Ошарашенной.

Иzzi кивнула. Она взяла свою кружку и отхлебнула кофе. – Такое для любого было бы огромным шоком.

Как Ребекка могла объяснить, что это потрясение было двойным? Узнать, что у Джека есть дочь, уже было достаточно плохо, но выяснить, что он, возможно, знал о ней и ничего не сделал? Это было еще хуже.

– Я просто хочу уточнить, – Иззи нахмурилась. – Софи точно дочь Джека? У вас будут доказательства?

Ребекка кивнула. – Да, тест ДНК. Но тебе нужно просто взглянуть на нее, чтобы всё понять. Даже он признал, что видит это.

– А как Джек относится к тому, что у него есть дочь?

Они всегда были на одной волне по поводу детей. Они бы обрадовались, если бы нашли такого же единомышленника. Но теперь он был отцом. Изменит ли это его?

– Вообще, у нас не было возможности поговорить об этом. Очевидно, он хочет узнать её получше. Стать частью ее жизни.

Было ли это правдой? Насколько она знала. он даже не разговаривал с Софи. Было ли это потому, что он опасался расстроить Ребекку? Но этого бы не случилось, потому что она не собиралась мешать ему.

Иzzi склонила голову. – Ну, это хорошо, верно? Что он принимает ответственность?

Конечно же, это было хорошо. Но что оставалось ей? – Дело в том, что мы оба не хотели детей. Но я не могу не думать о том, что теперь, когда у него есть ребенок, изменит ли это его мнение? Пожалеет ли он о нашем решении?

Пока она не произнесла эти слова вслух, она не понимала, как давно они крутились у нее в голове.

Иzzi понимающе кивнула. – Ты спрашивал его?

Спрашивала его? Даже мысль о том, чтобы задать ему этот вопрос, была слишком пугающей. Что, если он скажет «да»? Ей было невыносимо думать об этом. Это разрушило бы их отношения. Если бы только он не переспал с Карой снова в тот единственный раз после их расставания. Какой жестокая насмешка судьбы, что это случилось тогда, когда их отношения уже закончились. Конечно, если причина и правда *была* в судьбе, а не в чем-то ином.

– Я имею в виду, насколько просто забеременеть *случайно*?

Иzzi улыбнулась. – Очевидно, я не лучший человек для подобных вопросов. В нашем случае потребовалось много планирования и куча денег.

– Конечно. Прости. Я имею в виду, как ты понимаешь, что хочешь ребенка? – Они были достаточно хорошими друзьями, чтобы Ребекка могла спросить Иззи о чем угодно, но она не спрашивала ее об этом раньше. Ей было стыдно осознавать, что ей не было интересно.

– Я правда не могу это объяснить, – Иззи улыбнулась. – Не то чтобы я всегда хотела ребенка или что-то в этом роде. Но когда я встретила Тима, не знаю, что-то щелкнуло в моей голове. И мы говорили об этом, и он чувствовал то же самое. На самом деле, теперь у нас их двое, и он продолжает говорить, что хочет еще детей, пока у нас не будет целое племя. Всё потому, что это не ему приходится каждый раз вырастать до размеров слона и рожать.

Ребекка рассмеялась вслед за Иззи. Но она не могла не думать о Каре. У нее не было любящего партнера, с которым можно было посмеяться над курсами по подготовке к родам, посмотреть на снимки УЗИ и предложить ей массаж ног, а Ребекка знала, что Тим делал такое для Иззи. Была ли Кара в родильной палате одна? Или с ней был кто-то, кто держал ее за руку? И где этот человек сейчас?

Иzzi откинулась на спинку стула. – Я все еще не могу поверить, что это происходит с тобой. И сейчас они у тебя дома? Как долго они собираются жить у вас?

И снова мысль о том, что Джек и Кара остались наедине заставила ее желудок сжаться. – Еще на пару недель. Она сказала Джеку, что у нее есть квартира, в которую они потом переедут.

Иzzi нахмурилась. – И ты ей не веришь?

– Не совсем. – Дело было не в том, что Ребекка не хотела рассказывать Иззи о своих подозрениях; дело было в том, что она сама их толком не понимала. До сих пор Кара была образцовой гостьей дома: аккуратной и вежливой. Но было что-то... что-то, чего она не могла понять. Она просто не доверяла ей.

Иzzi накрутила свой конский хвост на указательный палец, кивая самой себе, обдумывая что-то. – Подожди. Как далеко они жили раньше? Разве этой девочке не нужно ходить в школу?

На этот вопрос Ребекка действительно знала ответ. – Нет. Ей исполнилось четыре в этом сентябре. Кара сказала, что она пойдет в

школу в следующем году. Забавно, что она случайно упомянула, что собирается подать заявление в школу Святой Катерины, которая расположена всего в паре минут ходьбы от нас.

Иззи вскинула бровь. – Действительно, довольно забавно. Вы знаете, сколько желающих попасть в эту школу? У меня есть подруга, которая даже купила второй дом рядом с вами, чтобы отправить туда своего сына. У вас не было бы ни единого шанса, если бы вы не жили в этом небольшом районе.

Ребекке не потребовалось много времени, чтобы понять, что означала поднятая бровь. – Конечно, она не планирует использовать наш адрес для подачи заявления?

Иззи пожала плечами. – Понятия не имею. Но я знаю, что мать сделает что угодно, чтобы дать своему ребенку самое лучшее.

Ребекка застонала. – Что, черт побери, мне делать?

Иззи придвинулась ближе и сжала ее руку. – Что ты можешь сделать? Если Софи дочь Джека, ему нужно сделать шаг ей навстречу. Это означает, что и тебе тоже придется сделать шаг навстречу.

Хотя Иззи была абсолютно права, легче от этого не становилось. – Ты, кажется, забываешь, что я ничего не знаю о том, как это – быть родителем.

– К счастью для тебя, у меня был кое-какой опыт. Доставай свой блокнот. Давай составим план.

По дороге домой Ребекка прокручивала в голове остаток их разговора. Софи была дочерью Джека. Это не могло измениться. Ребекка любила Джека, поэтому ей придется научиться любить и Софи. Девочке не нужна была мать – она у нее уже была. Вместе они выработают систему. Она могла это сделать. Она сделает это.

Она надеялась, Джек выполнил свою часть сделки и составил вместе с Карой план того, как они будут заботиться о Софи. Бессмысленно было накручивать себя из-за того, что Кара забеременела нарочно, или что пять лет назад Джек должен был действовать иначе. Теперь это была их реальность, и она собиралась справиться с ней.

Тем не менее, по причине, которую Ребекка не могла – или не хотела – объяснить себе, когда она приехала домой, она очень тихо открыла входную дверь и медленно прошла в гостиную.

Когда она заглянула внутрь, то увидела Джека, сидящего на полу вместе с Софи, которая обводила его руки карандашом на листе ее бумаги. Кара сидела на любимом стуле Ребекки с кружкой в руке, снисходительно улыбаясь им двоим.

Они выглядели как счастливая семья из трех человек.

Глава 13

КАРА

Во вторник утром Ребекка разрушила планы Кары, предложив отвезти ее в город.

Вчера, когда Ребекка вернулась со своей деловой встречи, атмосфера была очень странной. Днём Джек пару раз пытался поговорить о приготовлениях для Софи, но Каре удавалось перевести разговор на поиски квартиры или успехи малышки в детском саду. У Ребекки были другие планы. Прошлой ночью из их спальни доносилось больше громких голосов. Ребекка говорила Джеку, что завтра ему снова придется остаться дома и – разобраться с этим.

Она была рада, что у нее появился повод уйти из дома, но Ребекка наострила уши, когда она сказала им, что ей нужно выскочить ненадолго.

– Почему бы тебе не оставить Софи здесь с Джеком? Я могу подвезти тебя в город, у меня всё равно есть там кое-какие дела.

Как она могла отказаться? Это означало бы изменение ее договоренности с Дэйвом, хотя. *Черт побери.* – Отлично. Спасибо.

Когда они отъехали от дома, она отправила сообщение, чтобы отменить встречу. Она надеялась, Дэйв не слишком расстроится от того, что так вышло. Как только она бросила телефон на колени, Ребекка заговорила. – Джек говорил с тобой вчера до того, как как я вернулся домой, о том, что нужно составить план?

Вероятно, лучше всего было притворится невинной, пока она не поймет, как обстоят дела на самом деле. – План?

– Для Софи. В какие дни ты хочешь, чтобы мы присматривали за ней и так далее. Каждые вторые выходные? По вечеру в неделю? Можем ли мы во время праздников взять ее к себе на неделю? – Ребекка перебирала эти варианты, как будто договаривалась о встрече со своим парикмахером.

– Нет. Нет, он не говорил.

Ребекка драматично вздохнула. Они подъехали к кольцевой развязке, и она нажала на индикатор безымянным пальцем. Даже это она сделала точно. Всё в ней было выверено, спланировано, тщательно продумано. После выезда с кольцевой развязки она продолжила.

– Возможно, об этом лучше поговорить нам с тобой. Обычно дома я занимаюсь планированием наших встреч, поэтому, уверена, Джек будет доволен тем, что подходит нам двоим.

– И Софи, – добавила Кара, чувствуя раздражение.

Ребекка взглянула на нее. – Конечно, Софи. Но дети очень легко приспособляются. По крайней мере, я так слышала.

Откуда она это взяла? От подружки? Из интернета?

– Все дети разные. По моему опыту.

Ребекка поджала губы. Тон Кары не ускользнул от нее. Она не произнесла ни слова в течение следующих пяти минут, пока они не добрались до автостоянки. Кара выскочила, вопреки всему надеясь, что Ребекка не собиралась предложить им прогуляться вместе.

К счастью, нет. Ребекка нажала на брелок, чтобы запереть машину. – Мне нужно сходить в аптеку и еще в пару мест. Почему бы нам не встретиться в «Costa» на главной улице через полчаса? Сможем поболтать, прежде чем вернемся домой.

Кара хотела отказаться – было очевидно, о чем пойдет этот разговор. Ребекка сама вытащила Кару, чтобы обсудить то, что было интересно ей. – Через полчаса. Отлично.

Теперь, раз уж она была здесь, она могла купить Софи новые леггинсы для детского сада. Она уже столько их повидала, как никто другой. Пятна краски, разорванные швы, дыры на коленях. Впрочем, у нее были только самые дешевые вещи с рынка, а они не были рассчитаны на длительную носку. Теперь у нее были деньги на M&S и Debenhams, которые были намного лучше.

Она столкнулась с Дейвом перед M&S. – Всё в порядке, Кара? Ты идешь не в ту сторону. Я думал, мы встречаемся в кафе?

Она чуть не подпрыгнула. Было странно видеть его здесь, в непривычной обстановке. Он тоже выглядел потрепанным – мешки под глазами, желтоватая кожа, совсем паршиво. Она огляделась по сторонам. *Пожалуйста, пусть Ребекка не увидит, что я разговариваю с ним.*

– О, привет. Ты не получил мое сообщение? Я не могу...

– Я не понимаю, – он нахмурился. – У меня есть то, что ты хотела.

На одно ужасное мгновение ей показалось, что он кладет руку в свою карман, чтобы вытащить это, но он как раз доставал сотовый, чтобы просмотреть ее сообщение.

Ее сердце бешено колотилось. – Да, прости, но...

– А, да. Получил твое сообщение. Дэйв с улыбкой показал ей телефон. – Ты просто передумала или...

Рядом с Карой появилась Ребекка. – Привет. Я закончила с аптекой, так что решила присоединиться к вам. Надеюсь, не помешала?

Она следила за ней? Выясняете, куда она пошла?

Дэйв улыбнулся и протянул руку. – Ни капельки. Я Дейв.

Кара сжала кулаки. Заметила ли Ребекка его ногти? И следы на руках?

К ее чести, если она и испытывала отвращение, то не показывала этого. Она пожала его руку. – Ребекка. Вы друг Кары?

Он сухо рассмеялся и взглянул на Кару.

– Не совсем, мы...

Теперь ей пришлось вмешаться. – Мне очень жаль, Дэйв, но наш парковочный талон скоро закончится, и мне правда нужно купить здесь кое-что для Софи. Еще увидимся, ладно?

От замешательства в глазах Дэйва у нее скрутило живот, но сейчас она ничего не могла с этим поделать. Она свернула в M&S, молясь, чтобы Ребекка последовала за ней. Если Ребекка закончила все свои притворные дела, Кара могла бы схватить несколько пар леггинсов и вернуться домой, прежде чем они столкнутся с кем-нибудь еще.

Кредитная карта была у Кары только последние полгода. До этого она строго следила за своими деньгами, каждую неделю снимала наличные и не тратила слишком много. Может, она уже немного сошла с ума от этого, но она не ожидала, что оплата будет отклонена. Продавщица вынул карту из устройства. – Отклонено. Хотите, чтобы я попробовала еще раз?

Может, она ввела не тот пин-код? Ей стало жарко. Ребекка была прямо у нее за спиной, и не было смысла пытаться воспользоваться ее дебетовой картой. Что еще она могла сделать? – Да, пожалуйста.

Но произошло то же самое. Отклонено. Продавщица была добра. – Может, вы держали ее в кармане рядом с вашим сотовым? У моего парня было такое. Он стирает данные или что-то в том роде.

Или, может, парень продавщицы превысил свой лимит, как это сделала она. Что, черт побери, она собиралась теперь делать?

Ребекка вышла вперед, держа карточку, которая выглядела так, словно была покрыта серебром. – Давай, сейчас я заплачу, и мы сможем разобраться с этим позже, когда ты поговоришь со своим банком?

Кара хотелось провалиться сквозь землю. Сначала Дэйв, теперь это. Ребекке было о чем рассказать Джеку сегодня вечером. Она взяла пакет у продавщицы. – Спасибо за помощь. Я не уверена, почему оплата не прошла.

Ребекка улыбнулась. – Все в порядке. Разберемся с этим позднее. Может, пойдем выпьем кофе и поговорим о том, что нужно будет сделать для Софи, когда вы съедете?

Если бы Кара могла лечь на пол и закрыть глаза, она бы это сделала. Всего этого было слишком много. Ей нужно было... что-то. Перед ее глазами промелькнул Дейв. Была ли она похожа на него сейчас? – На самом деле, можем мы вернуться к вам и поговорить там? Я хочу проведать Софи. Это первый раз, когда Джек присматривает за ней, и я хочу убедиться, что всё в порядке.

Ребекка пожала плечами. – Ладно. Но я думаю, у него всё хорошо. Он отлично ладит с моими племянниками. И, знаешь, в конце концов, тебе нужно будет разрешать Софи оставаться у нас.

Она действительно знала. – Я верну тебе деньги за одежду. Возьму несколько дополнительных смен.

Они почти вернулись на парковку, и Ребекка полезла в сумочку за талоном, чтобы заплатить его. Она вставила его в автомат. – Не переживай об этом. Это всего лишь несколько пар леггинсов. Джеку всё равно придется покупать для Софи такие вещи, верно?

Это было хорошее замечание. Ему придется платить за некоторую одежду для Софи. И за многое другое тоже.

Глава 14

РЕБЕККА

– Говорю тебе, происходит что-то подозрительное.

Ребекке не терпелось поговорить с Джеком с тех пор, как она вернулась из похода по магазинам с Карой, но ей пришлось дожидаться, пока Кара отнесет Софи в постель. Оглядываясь назад, можно было сказать, что она звучала слегка расстроенной, когда делилась своими подозрениями с Джеком на кухне.

На заднем плане заурчал чайник, когда Джек открыл шкафчик за тремя кружками. Как быстро это вошло у него в привычку. Он, должно быть, знал, что всё еще находится на тонкой грани, поскольку ему потребовалось некоторое время, чтобы тщательно подобрать слова. – Согласен, вся эта ситуация странная. Я знаю, что Кара может показаться немного колючей. Но наркотики? В это я не верю.

Мог ли он не видеть этого, потому что смотрел на всех сквозь очки оптимизма, или он не *хотел* видеть этого из-за своих прошлых чувств к Каре? – Просто задумайся об этом на минутку, Джек. Ее выставили из квартиры, а оплата по кредитке была отклонена. Очевидно, у нее финансовые трудности. – Было слишком больно *говорить* о том, что Кара связалась с Джеком только потому, что у нее были проблемы, но все доказательства были налицо.

Джек потер щеку. – Итак, у нее проблемы с деньгами. Едва ли это делает ее преступницей. Она порядочный человек, Бек. Я знаю, что тебе приходится верить мне на слово, но это действительно так.

Ребекка напряглась. Порядочные люди годами не скрывают от отца существование его ребенка. Почему он вдруг встал на сторону Кары? – Ты не видел ее сегодняшнего *друга*: он очень подозрительный и дерганый. Готова спорить на деньги, что он наркоман. И она *определенно* была не рада, что я застукала их вместе.

Чайник выключился, и Джек, стоя к ней спиной, наполнил две кружки. – Застукала их двоих? Ты говоришь так, будто пыталась заманить ее в ловушку.

Этот разговор шел не так, как она ожидала. С самого начала в Каре было что-то, что не казалось правдоподобным. Почему Джек был так слеп? – Я просто думаю, что нам нужно внимательно следить за ней. Ради Софи.

Джек поднял бровь. – Ради Софи? – он прошел от кухонного островка к тому месту, где она сидела на одном из табуретов. Стоя позади нее, он обхватил ее руками и положил подбородок ей на макушку.

– Я знаю, это было тяжело, Бекка. Наша привычная жизнь оказалась в подвешенном состоянии, и мы понятия не имеем, чем всё закончится. Ты обижена и сбита с толку. Я тоже. Это нормально, что ты пока не доверяешь Каре.

Она сморгнула злые слезы. Неужели он и правда так думал?

– Дело не во мне, Джек. Тебе нужно перестать думать о Каре как о хрупком маленьком существе, которого ты бросил и теперь чувствуешь себя виноватым за это. Это она виновата в том, что лгала тебе все эти годы. Она хотя бы нормально объяснила тебе, почему?

Теплое дыхание Джека коснулось ее макушки, когда он вздохнул. – Не совсем.

Ребекка сжала кулак и опустила его на столешницу, как судейский молоток. – Вот именно. И если она может лгать о чем-то настолько серьезном, то о чем еще она врет? Например, ее работа. Сегодня вторник, а она даже не упомянула о том, что собирается на работу.

– Завтра.

Они оба одновременно повернулись, услышав голос Кары в дверях.

– Моя смена завтра. Я хотела спросить, сможет ли кто-то из вас забрать Софи из садика?

Лицо Ребекки вспыхнуло, как будто их поймали за чем-то неправильным. Джек отпустил ее и шагнул к Каре. – Конечно. Просто скажи, откуда и во сколько, и мы это сделаем.

Кара выдавила слабую улыбку. – Хорошо. Спасибо. Я достану автокресло из машины. Я пошла спать.

Как только она ушла, Ребекка выдохнула, не осознавая, что всё это время задерживала дыхание. – Забрать её из садика? Значит ли это, что ты возьмешь третий выходной на работе?

Джек покачал головой. – Я не могу. В среду утром у меня общее собрание. Но если потребуется, я смогу уйти днем пораньше.

В среду утром Кара и Софи ушли из дома в половине девятого, поэтому Ребекке, по крайней мере, не пришлось оставлять их дома одних, когда она отправилась на встречу с Самантой Росс.

В десять утра позвонила Кара, ее голос был напряженным и встревоженным. – Я бы хотела, чтобы мне не приходилось об этом просить. В садике Софи произошла утечка газа. Всех детей нужно срочно забрать. Я трижды пыталась дозвониться Джеку, но он не берет трубку. Я не могу уйти с работы. Ты сможешь забрать её?

Джек всегда выключал сотовый на время совещаний. Ему повезло, что он мог позволить себе роскошь сосредоточиться на текущей работе – а ей теперь придется совмещать *его* ребенка со *своей* работой. Разве это было справедливо? Но другого выхода она не видела.

– Хорошо. Дай адрес, и я заберу ее.

Записав адрес на стикере, она нарушила привычку своей профессиональной жизни и попыталась перенести встречу, но Саманта Росс была на грани истерики, когда она предложила это: «Свадьба меньше чем через три недели. Иззи обещала, что на тебя можно положиться. Ты не можешь так поступить со мной». Ребекке пришлось взять Софи с собой.

Когда она забрала Софи, ее светлые кудряшки подпрыгивали от восторга по поводу утечки газа.

– Сью заставила нас ждать снаружи, и нам всем пришлось держаться за руки, а Джейми не хотел держаться за руки с Сэмом, потому что у Сэма был насморк, и Сью рассердилась и сказала, что нам действительно важно держаться вместе, а потом пришел мужчина с огромной коробкой и сказал нам оставаться снаружи и...

Это был постоянный поток информации, но, к счастью, Софи, похоже, не нуждалась в каких-то комментариях или даже в ответе Ребекки, так что ее рассказ превратился в фоновый шум, пока она пыталась собраться с мыслями перед встречей с Самантой.

Иззи сказала Ребекке, что Саманта была единственным ребенком владельца успешной транспортной компании, и что, хотя она могла быть идеально милой и вежливой, она совершенно не понимала, что

мир нельзя изменить настолько, чтобы получить именно то, чего она хочет. Когда она открыла им дверь, одетая в серый трикотажный комбинезон, заправленный в массивные замшевые ботинки, ее искусственный загар и подозрительно пухлые губы объяснили слово «Мажорка!», нацарапанное несколько раз на полях в свадебном досье Иззи.

Отчасти из-за проклятого детского сиденья, на установку которого Ребекка потратила какое-то время, они отстали от графика на десять минут. Она ненавидела быть непунктуальной.

– Прошу прощения, что я опоздала. Как я объяснила по телефону, мне пришлось взять Софи с собой, потому что в ее садике произошла утечка газа.

Саманта отмахнулась от извинений, ее недавний срыв был забыт. – Без проблем. Я люблю детей. Софи, хочешь пирожное?

Глаза Софи округлились, как шары, при виде множества крошечных пирожных, которые ей предлагали; она посмотрела на Ребекку, ожидая разрешения. Что бы сказала Кара? Это просто пирожное. Всё должно быть нормально.

– Можешь взять одно, но постарайся крошить только на тарелку. – Она повернулась к Саманте. – Может быть, она где-нибудь посидит и порисует, пока мы обговорим все дела?

Саманта кивнула. – Конечно, почему бы тебе не сесть за большой стол? Там тебе будет удобно.

Ребекка кивнула Софи, которая подошла к столу. Она чувствовала себя виноватой за то, что злилась на ее присутствие. Во всем этом не было ее вины. Она села на диван и открыла свою папку. – Хорошо. Кажется, всё готово к этому важному дню. Волнуетесь?

– Не то слово. Моя мама будет здесь примерно через пятнадцать минут. Я хотела еще раз взглянуть на план рассадки гостей, прежде чем она придет. Иначе нам будет стоить невероятных усилий уговорить ее согласиться на это. – Саманта закатила глаза в притворном раздражении на мать. На ум пришли яблоки, падающие недалеко от деревьев.

План рассадки гостей? Ребекка открыла файл со списком вопросов, который она составила для их встречи. Плана рассадки в нем не было. – Прошу прощения, я думала, вы согласовали это несколько недель назад. У меня есть электронное письмо Иззи, в

котором говорится, что именные таблички уже отправили на покраску. Она не добавила, что Иззи описывала весь процесс как удаление зубного нерва без анестезии.

Саманта мило улыбнулась, продемонстрировав ряд идеально белых зубов. – Знаю. Но на отдыхе мы познакомились с одной парой, и я вроде как пригласила их. Мы же сможем сделать еще несколько именных табличек? Сколько времени это может занять?

Ребекка глубоко вдохнула и попыталась сосредоточиться на огромном гонораре, который им заплатили за эту свадьбу. Она подвинула к ней бумажную копию плана. – Хорошо, куда бы вы хотели их посадить?

Когда Саманта наклонилась к столу, чтобы прочитать, кто где сидит, они услышали, как открылась входная дверь и громкий женский голос крикнул:

– Это всего лишь я. Можно?

Саманта так быстро сунула план рассадки обратно Ребекке, словно он мог взорваться.

– Это моя мама. Я потом напишу вам их имена. Посадите их куда угодно. Матери нельзя видеть план, потому что я посадила свою мачеху за главный стол, а она на это разозлится.

Остальная часть встречи прошла относительно безболезненно, если не считать спора между двумя женщинами, когда Саманта захотела заменить блюдо с лососем, потому что ее подруга сказала, что от него в комнате – будет вонять рыбой. По непонятной причине, она привлекла на свою сторону Софи, которая назвала лосось «отвратительным» и сказала, что вместо него нужно есть сырную пасту.

Саманта захлопала в ладоши. – Макароны с сыром. Идеальный выбор.

Ее мать вздохнула. – Сэм, твой отец тратит приличную сумму на это. Он не захочет, чтобы гости ели макароны с сыром.

– Все будет хорошо, мам. Это очень в духе гастробаба. Я уверена, что шеф-повар может подать его на грифельной доске или чем-то в этом роде, и это будет выглядеть круто. На самом деле, может быть, нам стоит заменить говядину?

Ребекке нужно было перевести разговор в другое русло, прежде чем Софи порекомендовала куриные наггетсы. – Хорошо, пусть будут макароны с сыром.

Когда они вернулись к машине, Ребекка позвонила Иззи и сообщила последние новости.

– Как всё прошло?

– Мы выжили. Я думала, это будет просто визит вежливости, но она захотела кое-что изменить. А еще мне пришлось в последнюю минуту взять с собой Софи. Ты не поверишь, но Саманта спрашивала у Софи идеи.

– Ну, вот в это я легко поверю. Саманта может быть странной. Как так вышло, что тебе пришлось брать с собой Софи?

– Каре позвонили из садика, потому что произошла утечка газа. Она не могла уйти с работы, и у нас не получилось дозвониться до Джека, так что это пришлось делать мне. Мне действительно нужно убедиться, что мы сумеем разобраться с заботой о ребенке. Я не могу вот так внезапно бросать всё в последнюю минуту.

Иззи даже рассмеялась. – Добро пожаловать в мир родительства. Ты можешь всё организовать, а потом случается расстройство желудка или плохой ночной сон, или любая другая мелочь, которая может расстроить все твои планы.

Ребекка понимала это, на самом деле понимала. И люди, которые решили завести ребенка, должны были учитывать это. Но Ребекка *не выбирала* это. Она ничего из этого не выбирала. Софи была не ее дочерью, а Джека. Так почему же именно ей приходилось разгребать все проблемы? И как Кара раньше справлялась с такими чрезвычайными ситуациями?

Закончив разговор с Иззи, она повернулась на своем, чтобы посмотреть на Софи. – У меня есть идея, Софи. Почему бы нам не заскочить к мамочке на работу и не поздороваться с ней?

Глава 15

КАРА

Серые столы, серый ковер, серые люди: если кто-то еще не впал в депрессию, то унылый дизайн муниципальных офисов им с этим поможет. У Кары был семьдесят четвертый номер, и уже прождала целую вечность, а очередь дошла до семьдесят первого посетителя, когда ей позвонили из садика Софи и сообщили об утечке газа. В любом случае, это был полезный урок для Ребекки о том, какие бывают чрезвычайные ситуации при уходе за детьми.

Обычно она приходила сюда за что-то бороться. За пособия, которые ей не хотели давать, или обсуждать платежи, которые она должна была внести, но ей требовалось чуть больше времени.

– Да, я могу вам помочь?

Черт, этим утром за стойкой регистрации была секретарша со строгим выражением лица. Та, что помладше, была милее и добрее.

– Мне нужна консультация по поводу свидетельства о рождении.

Почти скрытая на фоне стола в своем сером костюме и блузе, секретарша посмотрела сначала вверх монитора своего компьютера, а затем вниз на свой нос. – Какого рода консультация?

Не твое собачье дело. Она что, ждала, что Кара расскажет о своей личной жизни прямо здесь, перед всеми? Если бы она выглядела как Ребекка в одном из своих дизайнерских платьев с запахом, её, несомненно, обслуживали бы совсем иначе. – Мне нужно внести изменения в свидетельство о рождении.

Теперь она полностью завладела вниманием женщины. – Изменения? Вы имеете в виду, что хотите изменить имя ребенка?

Ради всего святого. – Нет. Мне нужно вписать имя. Имя отца.

Честно говоря, она бы указала имя Джека в свидетельстве о рождении, когда оформляла документы Софи, если бы тогда ей это позволили. Но если вы не женаты, то чтобы вписать имя отца, нужно, чтобы он присутствовал.

Когда они впервые расстались, она была в отчаянии. Джек позвонил ей на работу и сказал, чтобы она не опаздывала, потому что в тот вечер он готовил для них ужин. По глупости, она на мгновение подумала, что он, возможно, хочет сказать ей что-то особенное. Она не думала о обручальном кольце или чем – то подобном – они были вместе всего восемь месяцев – но, может быть, о празднике.

Вот почему она была так ошеломлена, когда он за клубничным чизкейком заявил, что всё кончено. Он объяснил, что хочет сосредоточиться на своей карьере, и что он не хочет состоять в отношениях. Неважно, как он пытался это обставить: он больше не хотел ее.

Теперь ей было стыдно за то, как она себя вела. Гнев, потом слезы, потом мольба дать ей еще один шанс, дать их отношениям еще один шанс. Он держал ее за руку, оставаясь спокойным. Но это было – нет. Он хотел уйти.

Он даже пытался дать ей денег. Сказал, что поможет с задатком за квартиру. Но тут, наконец-то, вылезла ее гордость: она не хотела, чтобы ей платили. Не собиралась помогать ему чувствовать себя лучше.

Строгая секретарша сняла очки и наклонилась ближе. – Отец ребенка с вами?

Она имела в виду буквально или метафорически, например, были ли они парой? Кара предположила, что первое. – Нет. Он на работе. Я просто хотел узнать, как это происходит. Какие доказательства вам нужны.

Она почти позвонила ему, когда родилась Софи. Она слишком много лет смотрела глупые романтические комедии, в которых партнер врывается в родильную палату – женщина на кровати издает стонущие звуки при полном макияже и с идеальной пленкой испарины на верхней губе. Она дошла до того, что искала его в Интернете. И тогда она увидела фотографию его и Ребекки.

Секретарша внимательно изучала ее, возможно, пытаясь понять, какой была ее история. – Нам не нужны доказательства отцовства. Он просто должен прийти с вами, и вам обоим нужны две формы удостоверения личности. Она провела пальцами по ряду неглубоких полок и вытащила бланк. – Вот, пожалуйста. Допустимые формы удостоверения личности указаны на обороте.

Кара взяла документ и, улыбаясь, ответила несчастной женщине саркастическим тоном. – Огромное вам спасибо.

Казалось, что разобраться со свидетельством о рождении было намного проще, чем Кара предполагала. Имя Джека в документе было первым серьезным препятствием. Как только это будет сделано, она сможет перейти к следующему этапу своего плана.

Глава 16

РЕБЕККА

Больница короля Георга была настоящим лабиринтом – все коридоры одинаковые. Тяжелая больничная атмосфера, запах, приглушенные тона. Многие люди не любили больницы, но Ребекке они нравились. Они были такими организованными и чистыми. Спокойными.

Она была здесь впервые и потребовалось какое-то время, чтобы понять, какая дверь ей нужна, чтобы попасть в главную регистратуру. Она надеялась, что Софи узнает рабочее место своей мамы, но та сказала, что тоже никогда здесь не была. У Ребекки было смутное представление, что Кара упоминала амбулаторных пациентов.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – администратор выглядела уставшей и изможденной работой. В эту загруженную среду у нее явно были дела поважнее, чем искать сотрудника для случайного посетителя. Ребекке нужно было бы использовать обаяние, которое она обычно приберегала для самых упрямых клиентов.

– Привет, да. Мы ищем Кару Миллер. Она работает здесь.

Секретарша нахмурилась. – Это приемная для пациентов. Тех, кому назначено посещение врача.

– Да, я это знаю. Просто ее мобильный разрядился, и я не могу до нее дозвониться. Она подняла руку Софи. – Это ее дочь. Не могли бы вы позвать ее и сообщить, что мы здесь? Или показать нам, в какой стороне ее отделение? Если не ошибаюсь, она работает с амбулаторными пациентами.

На столе настойчиво зазвонил телефон, и секретарша положила руку на трубку, готовая поднять ее. – Амбулатория находится с другой стороны. Вам лучше выйти на улицу, повернуть налево и обойти здание. Сразу за родильным отделением.

Ребекка открыла рот, чтобы поблагодарить ее, но та уже ответила на звонок, поэтому она лишь кивнула и произнесла это одними губами,

прежде чем повернуться к выходу в направлении, которое секретарша указала взмахом руки. – Идем, Софи, сделаем маме сюрприз.

Конечно, она солгала, что пыталась дозвониться на мобильный Кары. Игнорировать звонки слишком просто, но, когда вы приходите лично, с вами приходится разговаривать. Это был метод, который она с успехом использовала, когда клиенты хотели заведение, которое пользовалось большим спросом или даже не бронировалось. Когда она встречалась с владельцами лично, она обычно находила способ получить то, что хотела.

Вчера вечером дома была странная атмосфера, как будто что-то изменилось. Джек, казалось, не хотел задавать Каре ни одного из трудных вопросов, на которые Ребекке нужны были ответы, например: «Когда вы уезжаете?». Это была еще одна веская причина зайти к ней сюда: может быть, они могли бы поговорить вдали от дома, и Ребекка смогла бы разобраться в том, что происходит.

В ее сумке зажужжал телефон. Она остановилась и поставила ее на небольшой приступок, чтобы добраться до сотового. Номер она не узнала. – Алло?

– Здравствуйте, это Ребекка Фолкнер?

– Слушаю.

– Привет, это Берберри-Хаус. Мы звоним по поводу свадьбы Росс-Гамильтон. Нам позвонила Саманта Росс. Она хочет уточнить, могут ли у нас выступать огненные жонглеры. Просто уточняю у вас, действительно ли они будут на мероприятии, чтобы учесть это в страховке.

Ради всего святого. Эта невеста доведет ее до смерти. Неудивительно, что Иззи практически сбежала с их встречи после того, как Ребекка согласилась взять ее на себя. Однако она не могла показать, что совершенно не знала об этом. – О, да. Извините, вы не могли бы дать мне минут двадцать или около того? Я перепроверю это у нее, и перезвоню вам.

Берберри-Хаус, очевидно, привык к выходкам богатых и избалованных. – Чудесно. Перезвоните сегодня в любое время.

Как только Ребекка закончила разговор, она набрала номер Саманты. Как и следовало ожидать, телефон звонил и звонил, прежде чем ей ответили.

– Алло? Ребекка? Вы, наверное, телепат! Я как раз собиралась вам звонить!

Конечно, она собиралась. В конце концов, прошло по меньшей мере сорок минут с тех пор, как они разговаривали в последний раз. Ребекка медленно выдохнула и улыбнулась в надежде, что ее слова прозвучат более оптимистично, чем она себя чувствовала. – Привет, Саманта. Мне только что звонили из Берберри-Хаус, спрашивали по поводу огненного жонглера.

На заднем плане звон посуды и столовых приборов наводил на мысль о том, что Саманта и ее мать уже ушли обедать. – Это то, о чем я хотела с вами поговорить. Мы с мамой только что столкнулись с ее подругой, и как раз говорили о свадьбе, и Дженис – подруга моей мамы – рассказала нам об этом удивительном представлении, которое она видела. Скорее всего, они просто ходят вокруг гостей, жонглируя предметами. Я подумала, что было бы здорово пригласить их на свадьбу. Мы им позвонили, и, оказалось, они свободны. Нам повезло.

«Повезло» было не тем словом, которое использовала бы Ребекка. – Возможно, было бы лучше, если бы вы сначала рассказали мне об этом и позволяли мне договариваться с владельцами заведения.

Судя по беременным женщинам, входящим или выходящим из больших стеклянных дверей, сейчас она была за пределами родильного отделения. У некоторых из них были такие большие животы, что они едва могли ходить. Наклоняясь назад, почти раскачиваясь из стороны в сторону, чтобы выдвинуть ноги вперед. Как утки.

Голос Саманты звучал так, словно она одновременно разговаривала и со своей мамой. Раздался приглушенный смех, а затем она обратилась к Ребекке:

– Извините! Честно говоря, сейчас я еще раз обдумала это. Просто скажите владельцам, чтобы они забыли об этом.

Она должна была помнить, что Саманта была клиентом, заплатившим им солидный гонорар. – Да, хорошо. Но если будет что-то еще, пожалуйста, сначала позвоните мне.

Саманта снова рассмеялась. – Хорошо. Обещаю.

Раздвижные двери рядом с огромной вывеской «Амбулаторное отделение» привели ее к другой стойке регистрации. У которой была очередь. Может быть, это была не такая уж и хорошая идея. Она

наклонилась к Софи. – Возможно, мама занята. Давай посмотрим, получится ли найти кого-нибудь из ее друзей.

Отойдя от приёмной, ей пришлось постоять в коридоре всего пару минут, прежде чем она нашла то, что искала: медсестру. По ее опыту, администраторы были намного более официальными, чем непосредственно работники.

– Привет, – окликнула она медсестру. – Вы не знаете, где сегодня работает Кара?

Медсестра замедлила шаг и нахмурилась. – Кара?

– Кара Миллер. Она... – Она понятия не имела, кем работала Кара. Она разве что туманно говорила о работе в амбулаторном отделении. – Кажется, она медсестра. Я ее подруга, и мне нужно перекинуться с ней парой слов.

Медсестра покачала головой и ускорила шаг.

– Извините, я не знаю никакой Кары.

– Спасибо.

Медсестра, похоже, не лгала, но, возможно, они работали в разные смены. Ребекка даже не уточнила, что медсестра работает в этом отделении, а не просто проходила мимо. Она подождет следующую.

Прошло еще пять минут, прежде чем появилась другая медсестра. На ней было надето пальто и она выглядела так, словно собиралась домой. Ребекка подождала, пока та помашет на прощание администратору, и последовала за ней на улицу. – Простите!

Медсестра обернулась и улыбнулась ей. – Да?

– Простите, я понимаю, у вас, наверное, была длинная смена, но мне действительно нужно поговорить с моей подругой, которая здесь работает. Кара Миллер? Это ее дочь, Софи. Ей нужно увидеть свою маму, – она подмигнула Софи, как будто всё это было немного забавно.

– Наверное, она работает в другом отделении. У нас нет ни одной Кары.

Это было неприятно: конечно, кто-то должен знать, кто она такая. – Вы уверены? Она примерно моего роста, стройная, – она могла признать и это, – и очень красивая.

Медсестра покачала головой. – Я уверена. Я здесь уже пять лет и работаю в обе смены, и у нас точно не работает никто по имени Кара.

Она улыбнулась и помахала им рукой, направляясь в сторону автостоянки, с которой они только что пришли.

Сбитая с толку, Ребекка присела так, что ее лицо оказалось на одном уровне с личиком Софи.

– Софи, мамочка точно работает в этой больнице? Она говорила с тобой об этом?

Лоб Софи наморщился над переносицей, когда она подумала об этом. – Думаю, да. Думаю, она это говорила.

Очевидно, Софи имела об этом не больше представления, чем Ребекка, потому что это звучало так, как будто Кара вовсе не работала в амбулаторном отделении. Почему она солгала об этом? И если она работала не здесь, то где? Или она вообще не работала? Может, поэтому у нее не было денег?

И где, черт возьми, она была прямо сейчас?

Глава 17

КАРА

Софи без устали болтала о свадьбах и ужинах и легла спать очень счастливая. Чего точно нельзя было сказать о Ребекке, судя по ее лицу, когда Кара спустилась вниз.

Собирая подушки с того места, где Софи сидела на полу, Ребекка не смотрела Каре в глаза.

– Я была сегодня в твоей больнице.

Проклятье. Она проверяла ее? Кара знала, что Ребекка ей не доверяет. Вот тебе и дружелюбное лицо. *Не паникуй.* – О, да? У тебя был назначен прием? Всё в порядке?

Ребекка улыбнулась поджатыми губами человека, пытающегося сдержать свой гнев. Должно быть она знала, что Кара обнаглела. – Я был там не из-за себя. Мы с Софи ехали домой и решили заглянуть и поздороваться.

Теперь Каре захотелось улыбнуться. Кто приходит в переполненную больницу и рассчитывает, что сможет поговорить с тем, кто там работает?

– Понимаю.

Ребекка убирала новые ручки, которые она раньше купила для Софи. Настоящие фирменные «Crayola». Она одну за другой убрала их обратно в коробку, от самых темных до самых светлых тонов. Приходилось ли хоть кому-то в жизни быть настолько аккуратным? Казалось, она боролась с тем, что хотела сказать. Кара ждала. Не стоит выдавать никакой информации до того, как ее об этом попросят.

В конце концов Ребекка нашла нужные слова. – Кажется, никто не знал, где ты была. На самом деле, они вообще не узнали тебя по имени.

Теперь они добрались до сути. Она *и правда* проверяла она. – Это большая больница. Персонал постоянно меняется.

Ребекка закрыла крышку коробки с ручками. Так медленно и осторожно, что Кара захотела вырвать эту вещь из ее рук. – Да, но я

спросила одну из медсестер. Она сказала, что работает там уже давно. И она не знала тебя.

Кем она была, частным детективом? – Ну, да. Вероятно, она не хотела ничего рассказывать обо мне. Мы должны быть осторожны. К нам приходят самые разные люди и хотят встретиться с персоналом. Там полно разных *психов*.

Она не сводила взгляд с Ребекки, пока говорила, не желая, чтобы ее сарказм промахнулся мимо цели. Очевидно, что нет; Ребекка покраснела и бросила коробку с ручками в желтый блестящий лоток, который она купила для художественных принадлежностей Софи. Кара подумала: есть ли у нее такая же, куда она убирает Джека, если тот слишком долго сидит неподвижно. Ребекка опустила в одно из двух кресел и разгладила платье на коленях.

– Напомни мне еще раз, чем именно ты занимаешься в больнице. Ты и правда медсестра?

Было ли дело в слове «и правда» или же в тоне ее голоса, который был самой снисходительной частью вопроса Ребекки? Очевидно, она не думала, что Кара не способна справиться с такой важной работой. Она почти хотела сказать «да», чтобы удивить ее, но это было бы слишком большой ложью. Она скрестила пальцы и вместо этого рассказала ей полуправду. Нет, не медсестра. Я КСР – клинический социальный работник. Я измеряю температуру, кровяное давление и тому подобное. Это похоже на то, что делает медсестра, но я не могу давать лекарства.

– Понимаю. – Не было похоже, что Ребекка ей поверила. Всё это могло закончиться плохо.

Это было почти правдой. Кара работал КСР. Может, если она продолжит, расскажет какие-то подробности, Ребекка перестанет быть такой подозрительной. – Я работаю в запасной смене. Это значит, что я выбираю свободные часы и могу совмещать работу и Софи. Трудно работать в обычной полной смене, когда я весь день занята. Уход за детьми обходится очень дорого.

Ребекка не выглядела заинтересованной в деталях работы Кары, но она наострила уши при упоминании об уходе за детьми. – Ты поэтому сейчас связалась с Джеком? Потому что тебе нужна помощь с уходом за ребенком?

Каре нужно было сохранять спокойствие.

– Я хочу, чтобы она знала своего отца.

Глаза Ребекки вспыхнули. Что-то грызло ее изнутри, разрушало её обычное спокойствие. Что она знала? Или подозревала?

– Но почему именно сейчас? Я имею в виду, почему ты не дала ему знать об этом раньше? Пять лет – это долгое ожидание, Кара. Ты ведь и раньше нуждалась в помощи?

Одну вещь она очень хорошо усвоила за последние годы: лучшая защита – это нападение. – Ребекка, ты не хочешь, чтобы Софи была в твоей жизни? В этом всё дело?

Ребекка снова покраснела. Игроком в покер она бы никогда не стала. – Я этого не говорила. Софи – дочь Джека. Конечно, он должен узнать ее получше. Это правильный поступок.

И боже упаси эту идеальную женщину поступить неправильно. По крайней мере, теперь Кара держала ее на поводке. Она могла надавить на свое преимущество. – Но ты не *хочешь* этого делать, не так ли?

Это сработало. Ребекка тут же пошла на попятный. – Я этого не говорила. Софи – милая девочка. Ты отлично её воспитала, – она улыбнулась, снова надев маску.

Кара определенно не хотела слышать одобрение Ребекки и не нуждалась в нем. – Я ничего не делала. Она такой родилась. Она хороший ребенок, всегда такой была.

Ребекка собралась с силами, как будто хотела задать все вопросы, которые только были у нее на уме, пока они оказались вдвоем.

– Должно быть, для нее это настоящий шок. Вот так, ни с того ни с сего встретить Джека. Разве ты никак не готовила её к этому?

Наверное, был и другой способ сделать это лучше, а не просто вывалить всё на нее и на Джека без предупреждения.

Приехали. Бездетная женщина, которая стала экспертом по воспитанию детей. Кара всегда смеялась, когда люди, у которых не было детей, рассказывали обо всем, что они сделали бы, если бы у них был ребенок: жесткий режим сна, здоровая еда, никаких гаджетов. Стоило им пару месяцев побыть родителями ребенка младше пяти лет, как они начинали петь по-другому.

Но, по крайней мере, это отвлекло их от разговора о работе. Ребекка пыталась выглядеть беспечной, но эти вопросы назревали уже

несколько дней. Что Кара могла рассказать, не рискуя? – Полагаю, для тебя это тоже было шоком?

И снова Ребекка выглядела сбитой с толку. Она была слишком простой. Очевидно, что ей никогда раньше не приходилось выкручиваться из сложных ситуаций. Жизнь некоторых людей была идеально гладкой и без колдобин. Кара не могла решить, завидует она ей или ненавидит. Или и то, и другое.

– Ну, конечно, для меня это был шок, но, – она вскинула голову, явно готовая защищаться, – я могу впустить Софи в нашу жизнь. Нам просто нужно согласовать план, который будет удобен для всех нас. Как насчет того, чтобы чередовать выходные и плюс еще один вечер в неделю?

Ребекка думала, что может просто включить Софи в их расписание, как обычную встречу с постоянным клиентом? Боже, ей нужно многому научиться. – Может, для начала стоит придерживаться гибкого графика. Посмотрим, как всё пойдёт. Распорядок дня Софи изменится. В следующем сентябре она пойдет в школу. Я не уверена, как всё получится.

Улыбка Ребекки стала натянутой. – Конечно. Но детям нужен распорядок. Она будет чувствовать себя в большей безопасности, если будет знать, где находится.

Кара прикусила язык. Было бы слишком просто раздавить ее. Спросите ее, что, черт побери, она вообще знает о воспитании детей. Скажите ей, что быть матерью – это не просто покупать модные цветные ручки. Этого хватит минут на пять, а потом Ребекка, скорее всего, побежала бы к Джеку и усложнила жизнь себе и, что гораздо важнее, Софи. Нет, для этого было слишком рано. – Ну, мы перейдем этот мост, когда подойдем к нему, ладно?

Но на этот раз Ребекка не собиралась сдаваться. Она явно устала ждать, пока Джек во всем разберется, и взяла дело в свои руки. – Но мы уже на том мосту, разве нет? Я имею в виду, вы скоро уедете, и к тому времени у нас должен быть план.

Проклятье, она добилась своего. Ей нужно было выиграть больше времени. – Я правда считаю, что Джек должен присутствовать при этом разговоре. У него очень загруженный график. Я поражена, что вам двоим вообще удастся видеться.

Ребекка оцетинилась. – Мы справляемся. Мы согласовываем наши графики так, чтобы найти время для нас двоих.

Кара не могла не рассмеяться. – Вау. Это так романтично. А что случилось со спонтанностью?

Ребекка встала, держа в руках оставшиеся рисунки Софи, собираясь убрать их куда-нибудь. – Спонтанность может привести к хаосу. Непредсказуемости. Теперь был ее черед смотреть Каре прямо в глаза.

– Это может привести к незапланированным последствиям. Ужин будет в восемь. Сейчас мне нужно разобраться с некоторыми письмами.

Как только Ребекка вышла из комнаты, Кара выдохнула и позволила себе откинуться на спинку стула. Пока ей удавалось уклоняться от этого разговора, но она хотела убедиться, что ее больше не оставят наедине с Ребеккой. Кара была уверена, что та не задавала бы ей эти вопросы, если бы Джек был рядом. Только так она сможет избежать допросов. Ребекка раскусила ее.

Глава 18

РЕБЕККА

Если бы Софи еще раз спросила, когда ее мама вернется домой, голова Ребекки могла бы взорваться.

Последние два дня были напряженными. Ребекка пыталась сделать так, чтобы это звучало небрежно, когда она рассказала Джеку о своем визите в больницу, но он также обвинил ее в том, что она проверяла Кару. Почему вдруг он стал защищать ее? Затем Кара объявила, что в пятницу у нее собеседование с другим агентством, чтобы получить место в сети домов престарелых, где рабочие часы будут удобнее для Софи. Это было похоже на перемирие: ни одна из них больше ничего не упоминала о своем разговоре в среду.

Однако в пятницу Софи не пошла в детский сад, поэтому Ребекка снова присматривала за ней, пока Кара ушла. Но это было шесть часов назад. Конечно, она должна была уже закончить?

«Когда мамочка вернется домой?»

Хныканье Софи начинало походить на стук пальцев по доске – Ребекка не могла сосредоточиться на бюджетной таблице для ужина в Бруклендз Хаус в следующем месяце. Где-то среди всех этих цифр потерялись 250 фунтов стерлингов, и ей нужно было сосредоточиться. А не отвлекаться каждые десять минут, чтобы ответить на вопрос или найти зеленый карандаш. Обычно Софи была такой самостоятельной. Почему вдруг она стала такой требовательной?

– Я не знаю. Думаю, с минуты на минуту. Я отправлю ей еще одно сообщение.

Это было уже третье сообщение, которое она отправила Каре, вместе с двумя голосовыми. Приготовления к ужину нужно было начинать в ближайшее время, чтобы успеть приготовить его к возвращению Джека с работы. Почему она согласилась посидеть с ребенком?

Нижняя губа Софи задрожала. – Моя мамочка вернется?

Почему она это сказала? Всё это было сильно не похоже на ту Софи, которую она видела раньше.

– Твоя мама когда-нибудь оставляла тебя раньше?

Софи покачала головой, но выглядела она неуверенной. – Я так не думаю.

По телу Ребекки пробежали мурашки. Но ведь не было никаких причин паниковать, верно? Кара явно любила Софи. Она ни за что бы не бросила ее.

Она встала не столько ради себя, сколько ради маленькой девочки. – Почему бы тебе не помочь мне приготовить ужин? В этом случае, когда мамочка вернётся домой, он уже будет готов.

Это оживило ее. У Ребекки был фартук в стиле 1950-х годов, который Джек посчитал юмористическим подарком, когда она ненадолго увлеклась выпечкой, и Софи была в восторге, когда Ребекка повязала его на неё, подогнув нижнюю часть так, чтобы та не волочился по полу.

– Так. У нас будет курица, завернутая в прошутто, с жареным молодым картофелем, – она открыла холодильник и достала все продукты, которые были им нужны. Ей нравилась эта часть готовки. Когда она пекла пирог – что в эти дни бывало крайне редко, поскольку новизна уже прошла, – она отмеряла все ингредиенты в маленькие мисочки, как будто участвовала в кулинарном шоу.

Софи наморщила лоб. Это было ее обычное выражение лица, когда они ели. Одним из того, что Ребекка планировала делать, когда Софи будет оставаться у них, была работа над её рационом питания. – Что такое прошутто?

– Прошутто. Это похоже на ветчину. На ту, что в твоих бутербродах. Иди сюда и вымой руки, прежде чем мы начнем.

Ветчина оказалась еще одной проблемой. Конечно же, толстые ломтики запеченной в меду йоркширской ветчины, которые она купила, были «отвратительными». Кара купила Софи вакуумную упаковку квадратной ветчины, такую тонкую, что через нее можно было смотреть насквозь, и Ребекка раздражалась каждый раз, когда видела ее в холодильнике. Мясо выглядело более пластиковым, чем его упаковка.

Софи подозрительно оглядела ингредиенты, но соскользнула с кухонного табурета и присоединилась к Ребекке у раковины. Ей

понравился дозатор мыла: Ребекке приходилось следить за тем, чтобы она не выдавила столько геля, что его хватило бы, чтобы вымыть всю кухню. – Хватит.

Теперь у нее на руках было мыло и она потерла ладони друг о друга. – Джек делает пузыри. А ты умеешь?

Ребекка понятия не имела, что Джек может делать пузыри из мыла для рук. Когда он научился? – У нас нет времени на мыльные пузыри нам нужно готовить ужин! – она пыталась казаться оптимистичной, но знала, как скучно это должно звучать.

Ополаскивая руки, Софи также расплескала воду вокруг раковины и на пол. Ребекка оторвала кухонное полотенце и быстро вытерла ее. После того как они с Софи вернулись обратно на остров, она сняла упаковку с куриных грудок, очистила пленку с прошутто и положила ее рядом с тарелкой. – Хорошо, Софи, всё, что тебе нужно сделать, это обернуть про... *ветчину* вокруг курицы. Бери по одному кусочку за раз.

Софи взяла куриную грудку. Снова сморщила нос. – Она скользкая.

Лучше всего не обращать внимания.

– Положи его на тарелку, а затемними пленку с ломтика ветчины.

Ребекка предполагала, что очистить кусочек прошутто, а затем обернуть им курицу было самой простой задачей, которую она могла бы ей поручить. Как она ошиблась. К тому времени, как она отвернулась от ящика со столовыми приборами, примерно через двенадцать секунд, Софи оторвала три отдельных кусочка тонко нарезанного мяса и хаотично наклеила их на куриную грудку.

– Нет. Не так. Ребекка протянула руку, чтобы забрать у нее мясо, но Софи отдернула его.

– Я сама!

– Но ты делаешь это неправильно. Смотри. – Ребекка попыталась очистить следующий ломтик прошутто, но теперь, когда Софи оторвала все уголки, это было сложно. Она попыталась вытащить его из пластика, но Софи вырвала прошутто у нее. – *Я сама*.

Ребекка пыталась быть терпеливой, на самом деле пыталась. Но потребовалась каждая унция самообладания, чтобы не вырвать упаковку ветчины – прошутто – из пухлых четырехлетних ручек Софи.

Это было невыносимо. Оторви маленький кусочек. Прилепи его. Теперь сначала. Она просто хотела приготовить ужин.

На этом агония не закончилась. Софи настояла на том, чтобы почистить морковь, которая в итоге выглядела так, будто ее растерзал крупный грызун. А Ребекка всё это время нависала над ней, уверенная, что та каким-то образом порежется овощечисткой. Это была не вина Софи, но плечи Ребекки так напряглись, что почти касались ее ушей. Готовка обычно было занятием, которое снижало ее уровень стресса, а не повышало его. Она не была создана для воспитания детей, определенно не была. Вот почему она не планировала этого делать.

Наконец-то они каким-то образом отправили ужин в духовку. Пока Софи снова мыла руки – еще один галлон мыла – Ребекка отправила Каре еще одно сообщение. В этот раз она была более прямолинейна.

Где ты, черт побери???

Через полчаса Софи рисовала сервировочные салфетки для всех, когда открылась входная дверь. Ребекка практически вылетела в коридор. – Где ты была?

Кара выглядела просто ужасно. Если бы Джек увидел ее сейчас, он бы так не отрицал возможность того, что она употребляла наркотики. А еще она даже не пыталась извиниться. – Гуляла.

Всё напряжение последних двух часов закипало в груди Ребекки. – Пешком? Что значит, гуляла?

Кара повесила пальто. – Ну, знаешь. Ставишь одну ногу перед другой. Двигаешься вперед.

Ребекка была не в настроении для сарказма. А еще она ей не верила. – Ну, пока ты гуляла, я нянчилась с твоей дочерью, и она постоянно спрашивала о тебе в течение последних четырех часов. Я писала, звонила и...

Кара подняла руку, чтобы остановить Ребекку.

– Пожалуйста. Дай мне минутку, прежде чем расстреляешь меня? Она откинула голову назад, чтобы крикнуть: – Соф? Где ты?

– Мамочка! – за визгом Софи последовал топот ее ног, когда она выбежала в коридор. Она влетела в распростертые объятия Кары.

Кара уткнулась лицом в макушку дочери. – Привет, детка, – ее голос звучал так хрипло, как будто она была пьяна.

На этот раз Ребекка не могла оставить все как есть. – Софи, почему бы тебе не нарисовать нам какие-нибудь красивые именные таблички, чтобы они сочетались с твоими салфетками? Можешь взять синюю бумагу в дальней комнате наверху, если хочешь.

Цветная бумага гарантировала победу. Софи сразу же побежала наверх. Кара посмотрела ей вслед, а затем развернулась, чтобы пройти в гостиную.

Ребекка была спокойным человеком. Что бы ни случилось на работе – проблемы с бронированием в последнюю минуту, изменения плана рассадки, катастрофы с меню – она могла справиться с этим с безупречным профессионализмом и ни разу не попала в затруднительное положение. Но она чувствовала, что злость вот-вот вырвется из нее, когда она последовала за Карой в гостиную. – Что, черт побери, происходит? Ты попросила меня присмотреть за Софи пока ты на собеседовании. Ты сказала, что это пару часов. А тебя не было целых восемь. Знаешь, у меня тоже есть работа. Люди полагаются на меня.

Кара просто сидела там. На диване Ребекки. Глядя на нее, как будто ей было плевать на то, что она говорила. Она была высокомерной, легкомысленной и чертовски эгоистичной. А еще у нее был очень странный взгляд. – Ты что, пьяна? Или под кайфом?

На этот раз Кара рассмеялась.

– Если бы. Нет. У меня плохие новости.

– Насчет работы? Ребекка не была удивлена, что Кару не взяли. Она бы не стала нанимать кого-то столь грязного, как она, да еще и с таким отношением, как у нее. – Это не дает тебе повода просто уйти и оставить Софи со мной и...

Кара снова подняла руку. – Сегодня я была в больнице, но не из-за работы. Я больна, Ребекка. Очень, очень больна.

Глава 19

КАРА

Когда симптомы появились впервые – боль, вздутие живота, постоянная усталость, – Кара объяснила это тем, что она слишком много суежилась. Какая мать-одиночка не чувствовала себя абсолютно вымотанной всё время? Но это продолжалось так долго, и она просто не могла избавиться от этого – плюс Даниэль настаивала на осмотре – поэтому она записалась на прием к терапевту.

Перво-наперво, от него не было никакой помощи. Едва посмотрев на неё, он измерил ее кровяное давление и задал несколько основных вопросов о ее диете. Регулярно ли она питалась? Получала ли она достаточно витаминов? А как насчет клетчатки? Железа? В конце концов он отправил ее сдать анализ крови на анемию и предложил пропить поливитамины.

Было бессмысленно идти на анализ крови; она знала, что у нее нет анемии. Но она заказала большую банку витаминов на eBay. Те, что продавались в аптеке, были возмутительно дорогими, а Софи на той неделе понадобились новые туфли. На том же сайте были дешевые антациды, поэтому она заказала большую упаковку.

Ничего не изменилось. В следующие пару месяцев боль в животе неуклонно усиливалась, переходя в область таза. Иногда боль была тупой, иногда превращалась в сильные судороги, от которых у нее перехватывало дыхание. Потом её живот стал всё время вздуваться; она чувствовала себя раздутой, как будто постоянно была сыта, хотя ее упавший аппетит означал, что на самом деле она ела все меньше и меньше. Ее джинсы перестали налезать, и несколько раз она ловила на себе взгляды незнакомцев, которые смотрели на ее живот, как будто она была беременна.

В конце концов она снова пошла к врачу и, пока была в приемной, совершенно случайно увидела брошюру о раке яичников. Все описанные симптомы совпадали с её.

Она взяла её с собой, когда ее вызвали к врачу, но его это не убедило. Он внимательно посмотрел на брошюру, а затем отодвинул ее в сторону. – Рак яичников очень редко встречается у людей вашего возраста. Чаще всего он бывает после менопаузы. Если только в вашей семье не страдали раком подобного типа.

По-видимому, рак яичников мог передаваться генетически. Когда он спросил ее о семейных болезнях, она чуть не рассмеялась над ним. Откуда ей было знать? Ее семья не отличалась открытостью и честностью. В шестнадцать, когда она, наконец-то, сбежала оттуда, ее мать была здорова. Физически, по крайней мере. И Кара не интересовалась тем, что с ней с тех пор произошло.

На этот раз она не стала списывать всё на анемию. Что-то было не так, и она хотела выяснить, что именно. Наконец он осмотрел ее, надавив на живот так сильно, что она вздрогнула от боли. Хмурясь и издавая непонятных звуков, он, наконец-то, отправил ее на УЗИ.

Письмо с назначением на прием пришло через два дня. С одной стороны, это было хорошо. Но, с другой стороны, означало ли это, что рак был и правда возможен? Даниэль приехала с ней, пока их дети были в школе и детском саду. Сидя рядом с ней в приемной, она схватила Кару за руку. – Что бы там ни было, я здесь с тобой, ясно? Что бы тебе ни понадобилось. Ее лицо выражало уверенность, когда сонографист вызвал Кару на прием.

Но Кара была совсем одна, когда ей сказали, что за ее маткой они увидели опухоль. Ей понадобится биопсия, но сегодня они сделают еще один анализ крови. На этот раз очень специфический анализ крови – СА 125 – и именно тогда это подтвердилось.

Рак яичников.

После постановки диагноза все пошло быстрее, почти как в тумане. Биопсия показала, что рак распространился из яичников на матку. На этот раз ей даже не пришлось ждать письма: ей назначили встречу с консультантом уже на следующий день.

Кабинет доктора Грин был небольшим и почти полностью состоял из стола, компьютера и трех стульев: ее собственного модного кожаного и двух других, для пациентов. Каре всегда был нужен только один из них. Густые седые волосы и пронзительные голубые глаза не позволяли определить ее возраст. С самого начала она говорила мягким и нежным голосом, сохраняя при этом болезненную

честность. – Опухоль довольно большая, и возможность ранней диагностики была упущена, поэтому нам нужно немедленно приступить к лечению. Во-первых, сначала мы удалим её. Затем у вас будет шесть сеансов химиотерапии.

Это звучало так, словно они говорили о ком-то другом. Она чувствовала себя оцепеневшей, но странно логичной. – И тогда я вылечусь?

Доктор Грин не торопилась с ответом. – Боюсь, мы не будем знать наверняка, пока не проведем операцию. Давайте не будем спешить.

Каре нужно было думать о Софи. Она не могла позволить себе роскошь – *подождем и посмотрим*. Ей нужно было точно знать, с чем она имеет дело. – Но вы назначаете мне химиотерапию? Значит, вы считаете, что я могу поправиться?

И снова пауза. Часы в кабинете доктора Грин тикали очень громко. – Наши возможности лечения этого вида рака хуже, чем других. Но хорошая новость в том, что вы молоды, и мы собираемся использовать всё, что у нас есть.

Тем не менее, она не ответила на вопрос. – То есть, вы говорите, что я всё еще могу умереть?

Доктор Грин протянула руку и накрыла ее ладонь, которая, что Кара даже не осознала, была сжата в кулак. – Давайте двигаться постепенно. Сначала мы как можно скорее прооперируем вас. Из-за размеров опухоли мы проведем гистерэктомию. Хотели бы вы до этого обсудить с кем-нибудь возможность заморозки яйцеклеток? Очевидно, что как только мы удалим вашу матку, вы не сможете выносить ребенка самостоятельно, но...

– Нет. – В какой альтернативной вселенной у нее была вероятность встретить кого-то и завести еще детей? Хватит с нее мужчин. Софи была всеми детьми, которые ей когда-либо понадобятся. – У меня есть дочь. Я не планирую больше иметь детей. Я хочу, чтобы это удалили из меня как можно скорее.

Доктор Грин кивнула. – Я бы хотела, чтобы вы пошли домой и подумали об этом, прежде чем принять окончательное решение. Я дам вам номер службы медицинских сестер, которая занимается раком яичников. Если захотите, они смогут обсудить это с вами.

Неужели доктор Грин предполагала, что у нее дома есть любящий партнер, с которым ей нужно это обсудить? Единственным человеком,

который был у нее на уме, была Софи. Кто будет присматривать за ней, пока она будет в больнице? Как долго ей придется оставаться в больнице после гистерэктомии? Как она будет работать? Оплачивать счета?

Пока она проходила лечение, все ее мысли были о бытовых вопросах. Только придя домой и погуглив статистику, она поняла, что пыталась сказать ей доктор Грин. Из семи с половиной тысяч женщин, у которых ежегодно диагностируется рак яичников в Великобритании, менее половины проживали больше пяти лет.

А у нее уже была третья стадия.

Практические соображения помогли ей пережить следующие несколько дней: договориться, чтобы Софи пожила у Даниэль по соседству, пока она будет в больнице; поговорить с работниками социального обеспечения о том, как она будет оплачивать арендную плату и счета, если не сможет работать; сообщить на работе, что некоторое время она не сможет выходить на смены. Логистика была бесконечной, но она отвлекала Кару и не позволяла слишком долго размышлять о последствиях того, что они могут обнаружить, когда прооперируют ее.

Однако по ночам она лежала без сна и смотрела, как Софи спит. Страх заползал под одеяло и почти душил ее. Ее разум запускал карусель лиц. Если бы ее здесь не было, что случилось бы с Софи? Кто будет присматривать за ее маленькой девочкой?

Кара заставила себя быть оптимистичной и деловитой, когда рассказывала Софи о своей операции, объяснив, что у нее в животе есть что-то, что доктор должен удалить. Софи изначально была любознательной. Она это проглотила? Это проросшее яблочное семечко? На что это было похоже? Только когда она поняла, что не может оставаться с ней в больнице, она расстроилась и вцепилась в нее, как пиявка. Это напомнило Каре о том, как она впервые отвела ее в садик, и Софи пришлось отрывать от нее, чтобы она могла уйти на работу.

Подавляя волну эмоций, вызванную этим воспоминанием, Каре потребовалась каждая унция оставшихся сил, чтобы весело рассказывать о том, что Софи останется у Даниэль несколько ночей. Именно тогда она вынула кредитную карту. Купить Софи спальный мешок My Little Pony и плюшевую игрушку Пинки Пай, чтобы ей

было кого обнимать, пока она будет там. Она также купила угощения и сладости для Софи, чтобы та взяла их с собой и поделилась с детьми Даниэль. Она хотела купить что-нибудь и для Даниэль, но та сказала ей расслабиться.

– Ты можешь пригласить меня на ужин, когда тебе станет лучше.

Удаление матки на какое-то время заставило ее страдать от боли и невозможности двигаться, но это было ничто по сравнению с химиотерапией. Раз в месяц в течение последнего полугодия она посещала онкологический центр, где ее накачивали жестокой смесью лекарств, которая была по ней еще хуже, чем рак. Если вспоминать то время, то после первой дозы она была наивно оптимистична, что последствия были не так уж плохи. Но с каждым разом становилось все хуже и хуже, вплоть до последних встреч, после которых она несколько дней чувствовала себя так, словно ее избили. Именно тогда она приняла решение найти Джека.

Там же она встретила Дэйва. Он лечился от рака яичек. И, если честно, она узнала об *этом* намного больше, чем ей бы хотелось. Дэйв был любителем поболтать и с удовольствием рассказывал ей обо всех альтернативных методах лечения, которые он исследовал, в том числе о каком-то сильнодействующем каннабидиоловом масле, которое его приятель мог «достать», и которое было – намного лучше, чем та дрянь, которую сейчас можно купить в магазинах. Вот почему она договорилась встретиться с ним за чашечкой кофе во вторник: он достал ей немного на пробу. Именно это Ребекка не должна была увидеть. Или характерные следы от уколов на его руках, шелушение кожи на ладонях и его болезненно бледное лицо – всё то, что могло выдать метод его лечения.

Прямо сейчас Ребекка выглядела бледнее любого из них. Она открыла рот и тут же закрыла его. Затем снова открыл. – Рак? Мне так жаль, Кара. Я понятия не имела.

За последние несколько месяцев Кара уже выслушала свою норму этих сожалений.

– Конечно, ты не знала. Нет нужно извиняться. Правда.

Она почти могла разглядеть, как мозг Ребекки лихорадочно ищет правильные слова для нового вопроса. – А сейчас ты, ты будешь?..

– Они удалили не все. После первой операции всё казалось многообещающим; доктор Грин удалила всю видимую раковую опухоль, и даже широко улыбнулась, когда сказала, что они напичкали ее химиотерапией, чтобы убедиться, что «этот ублюдок не вернется». Даниэль даже купила бутылку безалкогольного вина, чтобы они могли отпраздновать.

Сегодня доктор Грин выглядела опустошенной. Сделанное несколько дней назад УЗИ, показало, что первоначальные опухоли Кары дали метастазы, распространившись на поверхность печени и диафрагмы. Она пообещала, что они продолжат бороться, – некоторые изменения в составе химиотерапии были только началом, – но это не было хорошей новостью.

Ребекка медленно кивнула, посмотрела вниз на свои руки и снова подняла взгляд.

– Мне так жаль. Мне действительно жаль. И я понимаю... То есть, теперь всё это имеет больше смысла. Причина твоего появления. Полагаю, именно поэтому? Поэтому ты решила связаться с Джеком?

Больше не было смысла лгать. Даже если бы у нее нашлись на это силы, больше не было нужды хранить это в секрете. – Да. Именно поэтому.

Следующие несколько мгновений Ребекка молчала. Очевидно, ей нужно было многое осмыслить. Когда она снова заговорила, она изо всех сил старалась быть тактичной. – Значит ли это, эм, что ты познакомила Джека с Софи для того, чтобы он мог присматривать за ней, когда... если?..

Кара слишком устала, чтобы красиво обойти этот вопрос. – Так что, если это лечение не работает, он может ее вырастить. Да. Именно поэтому.

До постановки диагноза и прогноза у Кары не было необходимости хоть когда-либо связываться с Джеком. Когда они расстались, он ясно дал понять, что все кончено, так зачем ей заставлять себя и Софи умолять его быть в их жизни? Среди ее друзей были родители-одиночки, и, насколько она могла судить по их опыту, присутствие бывшего партнера в их жизни часто было куда более выматывающим, чем бытовые и финансовые трудности жизни без него.

Конечно, она думала о том, имеет ли Софи право знать своего отца. Стоило ли рисковать и обращаться к нему. Может, он захотел бы вмешаться. Был одним из хороших парней. Но она на собственном опыте знала, каково это быть ребенком, чей отец его подвел. Кто в последнюю минуту отменял планы на выходные. Рождество, в которое они проводили полдня в машине, переезжая с места на место. Она не хотела такого для Софи.

Софи принадлежала ей. Только ее. Ее идеальная, красивая, умная, добрая дочь. Она бы сделала что угодно, чтобы сделать ее жизнь легче, чем была ее собственная. Что угодно.

Рука Ребекки была прижата ко рту, глаза широко раскрыты, а голос был едва ли громче шепота. – Ты хочешь, чтобы Джек вырастил Софи?

Для умной женщины ей потребовалось некоторое время, чтобы это понять. – Нет, я не хочу, чтобы Джек растил Софи. Я хочу сделать это сама. Но если я умру, больше никого не останется, Ребекка. Никого. И я не дам забрать ее в службу опеки.

Это было так чертовски несправедливо. Но она ни за что не допустит того, чтобы Софи воспитывали какие-то чужие люди. Она слышала слишком много страшных историй, слишком много рассказов о том, как редко усыновляют детей постарше.

– Почему ты сразу нам об этом не сказала?

Она ожидала этого вопроса. – Тогда я еще не решила. Я не знала какой сейчас Джек. Какой из него был бы отец. А когда я понял, что ты тоже будешь частью всего это, мне нужно было понять, какой будешь ты. Матерью. Мачехой.

Ребекка почти физически побледнела от этого. – Я... Понятно.

– Почему ты не хочешь детей? – Кара хотела задать ей этот вопрос всю последнюю неделю, но он казался слишком агрессивным. Теперь, когда Ребекка знала о раке, запретных тем уже не осталось. Когда она спросила это у Джека, его ответ был слишком расплывчатым – может, Ребекка даст ей прямой ответ.

Но Ребекка лишь пожала плечами. – Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Я просто не хочу. Может, это совсем не моё.

Встреча с Софи может изменить их мнение, что у нее будет время, чтобы мягко познакомить их с этим, но сегодняшняя встреча

подтвердила, что у них может не быть такой роскоши. – Понимаю. Но что ты скажешь сейчас? Насчет Софи? Насчет дочери Джека?

Каким бы невозможным это не казалось, Ребекка побледнела еще сильнее. – Не думаю, что стоит обсуждать это без Джека. Тебе нужно поговорить с ним сегодня вечером. Рассказать ему всё. И тогда, тогда, я думаю, мы придумаем план.

Кара чуть не рассмеялась. – План? Это не одно из твоих мероприятий. Вы не можете составить электронную таблицу об этом. Мы говорим о маленькой девочке. О Софи должен заботиться кто-то, кто ее любит. Как Джек может ее не любить? Он ее отец.

Тихий голос прервал их разговор. Софи стояла в дверях, в ее руках была куча неумело заполненных именных табличек. – Джек – мой папа?

Глава 20

РЕБЕККА

Ребекка сидела в гостиной, сложив руки на коленях, и ждала возвращения Джека. Она уже отправила ему сообщение, чтобы убедиться, что он не опоздает, использовав ужин как предлог. Затем она навела порядок на своем столе, сложила всё в шкаф для белья и проверила все банки со специями, чтобы посмотреть, не истек ли у каких-то срок годности. Теперь она просто сидела и постукивала ногой.

Она услышала знакомый ритуал: Джек снял ботинки у двери и повесил пиджак на плечики, которые он специально для этого оставлял на вешалке. Войдя в комнату, он наклонился, чтобы поцеловать ее, как он всегда делал, когда возвращался домой, а затем обвел взглядом комнату. – Где Кара и Софи? Мы одни дома? Он многозначительно приподнял бровь, но вскоре игривое выражение исчезло с его лица.

– Кара пошла наверх прилечь.

– Прилечь? Сейчас только шесть часов. Джек нахмурился и выпрямился. – Вы с ней поругались?

Это было преуменьшением года. – И да, и нет. Возможно, ты захочешь присесть.

Джек ослабил галстук, а затем снял его совсем, расстегнул воротник рубашки. Ей всегда нравилось, как он это делал. Это была его мини-трансформация из рабочего модуса в домашний. Он присел на край кресла – того самого, которое Кара покинула тридцать минут назад. – Ладно. Добивай меня.

Если бы он только знал, насколько уместным был этот оборот речи. Она чувствовала себя так, как будто это *её доби́ли*. С чего начать?

– Ну, во-первых, Софи знает, что ты ее отец.

Его глаза расширились от шока. – Серьезно? Как это случилось? Я думал, мы договорились немного подождать.

– Да, ну, она подслушала наш с Карой разговор. Мы не заметили, что она оказалась рядом.

Джек откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул. – И так, это действительно происходит. Если Софи знает, то всё становится более реальным.

Прошло меньше часа с тех пор, как Кара сбросила свою бомбу, а Ребекка всё еще была в шоке. Ей нужно было рассказать Джеку как можно быстрее; может, они могли бы разобраться во всем этом вместе. – И еще кое-что.

Джек выпрямился, наклонился вперед, положив запястья на колени. – Она плохо на это отреагировала?

Ребекка понятия не имела, как Софи на это отреагировала. Кара сразу же утатила ее наверх, чтобы поговорить об этом, и с тех пор они обе не спускались вниз. Глядя сейчас на Джека, пока он всматривался в ее лицо, она едва могла дышать. Следующие несколько мгновений должны были изменить ситуацию навсегда. – Дело не в этом, а в кое-чем другом.

Она знала, что вот так затягивать с этим было бессмысленно; она должна была рассказать ему всё. Она просто не знала, как это сделать. Не знала, как он отреагирует. Расстроится ли он? Разозлится? Она знала об этом уже тридцать минут и всё еще не понимала, что чувствовать. Может, это помогло бы немного собраться с силами. – Это Кара. Она не была честна с нами.

Джек скрестил руки на груди. – Дело в той квартире, о которой она нам говорила? С ней ничего не вышло?

Если бы все было так просто. Прямо сейчас она бы не задумываясь заплатила за квартиру Кары, если бы это могло что-то изменить.

– Понятия не имею. Дело не в этом. – Она сделала глубокий вдох. *Просто скажи это.* – Кара больна. Очень больна. Рак яичников.

Лицо Джека посерело прямо у нее на глазах. Его голос упал почти до шепота.

– Рак?

Ее лицо, должно быть, выглядело точно так же полчаса назад. Сейчас, когда она подумала об этом, всё обрело смысл. Усталость. Нехватка денег. То, что она больше не работает.

И другие вещи тоже. То, что иногда она смотрела на Софи так, как будто впитывала ее. Ребекка неправильно истолковала это как собственничество, но, скорее всего, Кара не знала, как долго она еще сможет видеть свою дочь. Впервые ее глаза наполнились слезами, и она на мгновение прикусила губу, прежде чем продолжить объяснения. – Видимо, диагноз ей поставили менее года назад. Она все еще проходит курс лечения, но рак... Прогрессирует.

Она наблюдала за ним, ожидая, когда он придет к тем же выводам, что и она. Это не заняло много времени. Джек сглотнул. – Вот почему она здесь.

Она кивнула, все еще наблюдая за ним, ничего не говоря.

– Это?.. – Его взгляд чуть не убил ее. – Смертельно? Не знаю. Я так не думаю. Нас прервали.

Джек откинул голову на спинку кресла и молча уставился в потолок. Она бы всё отдала, чтобы узнать, что он сейчас чувствует. Лучше всего просто подождать, дать ему время подумать.

Он не повернул головы, чтобы посмотреть на нее, когда, наконец, заговорил снова.

– Значит, если она... умрет, то Софи будет с нами? Постоянно. Всегда будет жить с нами. Насовсем?

У Ребекки сдавило грудь. Она сделала глубокий вдох, затем медленно произнесла. – Да, похоже на то.

– Черт побери, – он закрыл глаза.

– Вот уж точно черт побери.

Они сидели в тишине несколько мгновений, а затем Джек поднял голову. – Поверить не могу, что она живет здесь уже неделю и ничего нам не сказала. И почему, – пожалуйста, не обижайся, – почему она сказала тебе, а не мне?

– Без обид. Не думаю, что она планировала рассказать мне об этом. Сегодня у нее был прием у врача. Новости не очень хорошие. Так что всё получилось само собой.

Она не собиралась говорить ему, что почти кричала на Кару. Она сгорала от стыда даже при одном воспоминании об этом. Не ее звездный час.

Джек потряс головой, словно пытаюсь избавиться от тумана. Первоначальный шок прошел, он явно пытался разобраться в фактах. – А она не говорила, почему держала что-то подобное в секрете?

У Ребекки была возможность поразмыслить над этим, пока ждала Джека. Как бы ей ни хотелось, чтобы Кара была честна с самого начала, она могла понять её причины. – Думаю, она хотела проверить нас. Выяснить, будем ли мы хорошими опекунами.

Глаза Джека вспыхнули. – А если бы мы ими не оказались, что тогда? Она бы снова просто исчезла из наших жизней? Привет, Джек, вот твоя дочь, ой нет, мы снова уходим. – Его гнев вспыхнул ярко вспыхнул, а затем быстро остыл. – Прости, Боже, это эгоистично. Это просто... Поверить не могу. Бедная Кара. Бедная Софи.

Ребекка подумала о маленькой девочке, которая сегодня днем сосредоточенно заворачивала курицу, высунув кончик языка из уголка рта. Почему она не была с ней более терпеливой? – Да. Это ужасно.

В комнате стало темно, но никто из них не встал, чтобы включить свет. Тишина заполнила пространство между ними, Джек смотрел куда-то вдаль. Слишком серьезная тема, чтобы говорить об этом. Они все оказались втянуты в это. В конце концов, он потер лицо руками, а затем посмотрел на нее. – Прости, я думаю только о себе. А ты? Как ты себя чувствуешь?

От его заботы у нее заболело сердце. Последние дни она ужасно обходилась с ним из-за ревности. Она встала со стула и села рядом с ним на кресло. – Не знаю. Очевидно нам нужно поговорить с Карой. Попросите ее быть абсолютно честной с нами.

Он посмотрел ей в глаза, с той же растерянностью, которую чувствовала и она. – А если она скажет, что хочет, чтобы мы забрали Софи? Я имею в виду, постоянно заботиться о ней. Что ты думаешь по этому поводу?

Насколько честной она могла быть, не выглядя при этом совершенно бессердечной сукой? – Я бы солгала, сказав, что обрадуюсь этому. Ну, в смысле, ребенок? Это никогда не было в наших планах.

Джек кивнул, хотя тень на его лице не позволяла прочесть его. – Я знаю. Знаю. Но если у Кары действительно больше никого нет, и если она... Если лечение не помогает, какой у нас выбор? Он наклонился и, взяв руку Ребекки, сжал ее. – Интересно, как Софи относится к тому, что я ее отец?

Это была немного другая тема, и горячность в тоне Джека заставила ее чувствовать себя неловко. – На что ты надеешься?

Он пожал плечами. – Я надеюсь, она довольна. Если я и правда сделаю это, если я стану её отцом, то я надеюсь, она не ненавидит меня. Он попытался рассмеяться, но смех повис в воздухе между ними.

Джек был отцом Софи. Она бы никогда не стала мешать их общению. Это было важно. Это было правильно. Ей нравилось, что он был из тех мужчин, которые принимают на себя ответственность. И в финансовом отношении они обеспечили бы ее.

Но жить с ними всё время? Это совсем другое. Это и правда происходило с ними? – Нам нужно поговорить об этом с Карой. Имею в виду, надеюсь, она поправится. Сейчас всё время находят новые методы лечения.

– Да, конечно. И, может, всё не так плохо, как она думает. Но если всё на самом деле плохо, то я должен подарить ей дом. С этим мы оба согласны, верно?

Ребекка кивнула. Конечно, она это понимала. Он должен был предложить своей дочери дом. Но что тогда остается ей? Неужели ей придется стать матерью для ребенка Джека?

Она ничего не знала о том, что такое быть матерью. Никогда не хотела быть матерью. Она знала, что Джек – ее мужчина, потому что он не просил ее быть матерью. Сегодня ей пришлось присматривать за Софи чуть больше восьми часов, и она едва справилась с этим.

И теперь он смотрел на нее и ожидал, что она «выступит» вместе с ним в роли, которую она никогда бы не выбрала.

Что будет, если она не справится с этой работой?

Глава 21

КАРА

Прежде чем принять окончательное решение, искать ли Джека, Кара думала о том, каким отцом он мог бы стать.

По иронии судьбы, их отношения не были достаточно серьезными, чтобы на самом деле обсуждать, хочет ли кто-нибудь из них детей, *кто думает об этом, когда тебе всего двадцать?* Но она всегда считала, что он из тех мужчин, у которых когда-нибудь будут дети. Для начала, он был самым заботливым человеком, которого она когда-либо встречала. Когда они жили вместе, он готовил для нее, встречал с работы и просто присматривал за ней. Это было приятно. Действительно приятно.

Вот почему она была удивлена и обеспокоена отсутствием у Джека интереса к знакомству с Софи. Занятый работой или игрой в гольф, он был более чем счастлив позволить Ребекке заботиться о его дочери. Это беспокоило ее. Неужели она поступила неправильно? Ошиблась в мужчине, которого, как ей казалось, знала?

Сегодня он был другим. Со вчерашнего дня, когда он узнал о проклятом раке, как будто рухнула стена неловкости, и она увидела Джека, которого знала тогда. Что еще лучше, когда Ребекка отправилась в субботу днем за покупками, он, наконец, нашел время познакомиться со своей дочерью. Последние полчаса он лежал с ней на полу, собирая огромный набор Lego, который он заказал онлайн – должно быть, конструктор стоил целое состояние.

Он был не единственным, кто чувствовал себя более расслабленным. Отсутствие необходимости скрывать рак – или терпеть жалостливые взгляды Ребекки с тех пор, как она узнала об этом, – означало, что Кара чувствовала себя лучше с тех пор, как они приехали. Кроме того, сейчас, когда Ребекка не следила за каждым их шагом, было легче говорить открыто и честно.

– Я правда удивлена тем, что вы с Ребеккой не планируете иметь детей.

Джек прижал край желтого кубика к чему-то, что выглядело как крошечное окно. – Да? Почему?

Хотя у Софи были конструкторы, когда она была младше, конструктор Lego всегда был слишком дорогим. Купленный Джеком конструктор был больше обычного, и Кара удивилась тому, насколько он понравился Софи. Еще больше ее удивило то, насколько Джек был увлечен им. Она не могла вспомнить, чтобы ее собственный отец когда-нибудь играл с ней вот так.

– Просто сейчас ты выглядишь очень естественно.

– А? – Джек сосредоточился на инструкции. Купленный им конструктор был огромным замком и состоял из ста тысяч миллиардов деталей. В начале он хвастался Софи, что они смогут собрать это, просто посмотрев на картинку на коробке. Он заставил ее хихикать, отбросив инструкцию куда-то себе за спину. Затем рассмеялась уже Кара, когда он неохотно сдался, и ему пришлось подползти и достать ее из-за дивана. А затем пришлось отсоединить и пересобрать целую секцию, которую он слепил неправильно.

– Дело не в том, что я не люблю детей. Я просто никогда не думал о том, чтобы завести их. Он наблюдал за Софи, сосредоточившейся на том, чтобы соединить два кубика, а затем театрально прошептал Каре: – Думаю, у нее это получается лучше, чем у меня.

Он улыбнулся ей. Та же улыбка, которая покорила ее пять лет назад. Она знала, что ему нравится его свобода – именно это он назвал причиной того, что они не могли быть вместе. *У меня много всего происходит на работе. Сейчас я хочу быть свободным от обязательств.* Забавно, но быть свободным уже не казалось ему таким важным, когда через несколько недель он встретил Ребекку.

Любой имеющий хоть каплю такта, закончил бы разговор на этом. Но у Кары такой роскоши не было. Ей нужно было убедиться, что Джек станет тем отцом, в котором нуждалась Софи. – А сейчас? Сейчас, когда у тебя есть такая возможность?

Джек взглянул на Софи. Наверное, он был прав: им не стоило вести подобный разговор при ней, но когда еще они смогут это сделать? Она не могла говорить свободно в присутствии Ребекки. И она не могла попросить его поговорить с глазу на глаз, не выставляя это так, будто она пытается – остаться с ним наедине. Он отложил конструктор Lego и обратился к Софи.

– Кажется, мне нужно отдохнуть от него. Могу я оставить его тебе, пока я приготовлю кофе себе и твоей маме?

Софи протянула руку и взяла буклет, лежавший рядом с ним. – Я воспользуюсь инструкциями.

Джек улыбнулся ей, держа буклет вверх ногами и притворяясь, что читает. – Умница. – Он жестом головы показал Каре, что она должна следовать за ним на кухню. Она подождала, пока он выйдет из комнаты, прежде чем встать. Ни один мужчина не указывал ей, что делать.

Когда она присоединилась к нему, он помахал ей кружкой. – Кофе или чай?

– Кофе, пожалуйста. Черный.

Конечно, это был Джек, так что ее ждала не просто ложка растворимого кофе. Он засыпал в первоклассную кофеварку свежие зерна и покрутил ручки и рукоятки, как настоящий бариста. Он избегал ее взгляда, когда говорил. – Софи, кажется, спокойно отнеслась к тому, что я ее отец?

Она не была уверена, было ли это утверждение или вопрос. Ему было несвойственно искать подтверждения. По крайней мере, этого не было, когда она хорошо его знала.

– Да. Она довольно жизнерадостный ребенок. И, кажется, ты ей нравишься. Она сделала паузу и улыбнулась. – О вкусах не спорят.

Ее всегда удивляло, что Софи никогда не приставала к ней с расспросами о своем отце. Однажды она спросила Кару, есть ли он у нее, и Кара ответила, что да, а потом придумала какое-то невнятное объяснение о том, что он живет далеко. Казалось, ее это не особо интересовало.

– И что ты ей говорила? Ну, раньше. Как ты объяснила то, что я не с вами?

– На самом деле это не всплыло.

Джек медленно кивнул. Машина зашипела паром, и он протер ее салфеткой. – Полагаю, она еще маленькая. Казалось, он о чем-то задумался. – Как ты думаешь, она вспомнит, что не знала меня? Я имею в виду, как ты думаешь, потом она мне это припомнит?

Это был хороший вопрос. – Честно говоря, она, скорее всего, припомнит это мне. В конце концов, это был мой выбор.

Теперь Джек повернулся и посмотрел на нее.

– Жаль, что ты ничего мне не сказала.

У Кары перехватило горло. Сейчас она тоже жалела об этом. Может, тогда между ними всё было бы по-другому? – Ну, зато теперь я здесь. И ты должен решить для себя.

Джек нахмурился. – Решить?

– Да. Я имею в виду, решить, насколько ты хочешь принимать участие в ее жизни.

Джек облокотился на кухонный остров; она сидела с другой стороны на табурете. – Насколько я хочу принимать участие? О чем ты? Ты бы предпочла, чтобы я просто платил какую-то сумму, а вы жили сами по себе? В этом всё дело?

Она изъяснялась не слишком понятно. – Нет. Я не это имела в виду. Дети забирают всё твоё время. Ты уже сказал, что не планировал заводить их. И ты ведь даже будешь иметь дело не с младенцем. Так что, получается, ты вляпался по уши.

Она до сих пор помнила, какой ошеломленной была, когда впервые привезла Софи домой из больницы. Как поставила автокресло в центре своей крошечной гостиной и просто смотрела на нее. *Есть только мы с тобой, малышка.* Тогда она думала о том, чтобы позвонить Джеку. Первый из нескольких случаев, когда она думала об этом за последние четыре года.

Пар снова зашипел у него за спиной. – По уши или нет, но она моя дочь. Она милая девочка. Смешная. И умная. Она мне нравится.

Забавно, как от этих слов сердце Кары пропустило удар. Конечно, он был бы чудовищем, если бы думал иначе: Софи *действительно была* замечательным ребенком. – Я рада, что ты так думаешь.

Джек повернулся к кофеварке и наполнил первую из кружек. – И, в любом случае, ты скоро переедешь в свою квартиру, так что не похоже, что она будет жить у меня постоянно, верно? Даже такой эгоистичный старый мерзавец, как я, сможет выкроить немного времени на неделю. Ты уже что-то планировала? Каждые вторые выходные?

Желудок Кары сжался. Хотя это и было правильно обсудить, легче от этого не становилось. – Думаю, нам придется смотреть, как получится.

Джек подвинул к ней ее кружку. На этой кухне всё соответствовало друг другу – даже кружки были того же оттенка

серого, что и плитка за столешницами.

– Конечно. Нам не стоит торопиться. Уверен, для Софи даже этого всего уже много. Он подставил свою чашку под разливочный кран. – Ты правда думаешь, что я ей нравлюсь?

Кара рассмеялась. *С каких пор он вдруг стал так нуждаться в одобрении?* – Ты купил ей подарки и готов часами лежать на полу и играть. Это ставит тебя довольно высоко в мире Софи.

Теперь была его очередь выглядеть счастливым. – Хорошо, я доволен. Если честно, я удивлен, насколько весело просто играть с ней. Я не проводил много времени с детьми. А сам я единственный ребенок в семье, поэтому у меня нет ни племянников, ни племянниц, к тому же я как мог избегал детей моих приятелей.

Она уже знала, что он был единственным ребенком в семье. Было странно, что он вёл себя так, словно они едва знали друг друга. – А Ребекка? Разве она не говорила, что у нее есть племянники?

Он пожал плечами. – Да, но на самом деле мы с ними не видимся. Мы посылаем им подарки на Рождество и в их дни рождения, но видимся, наверное, всего пару раз в год. Ребекка навещает свою маму раз в месяц, но с сестрой она не настолько близка.

Было ли это на самом деле решение Джека, не заводить детей, или же это был выбор Ребекки? Джек определенно казался более расслабленным рядом с Софи, когда его жены не было поблизости. А еще были ссоры, которые она подслушала в первые пару ночей.

– Что Ребекка думает о том, что теперь в твоей жизни есть Софи?

– Она знает, что я должен это сделать, – Он снова пожал плечами. – Если честно, то это именно Ребекка твердо сказала, что я должен сделать шаг вперед. То есть, очевидно, что я бы это сделал, но она очень четко обозначила свою позицию. Не волнуйся, с этим нет никаких проблем. В любом случае, она и не должна быть матерью Софи. Она у Софи уже есть. – Он сделал паузу. – И теперь у нее есть еще и отец.

Кара была рада, что он это сказал, и, да, конечно, у Софи уже была мама. По крайней мере, хотя бы сейчас. Что будет, если размер опухоли не уменьшится? Если ее не станет? Джек, может, и готов сделать шаг вперед и стать отцом. Но Ребекка?

Глава 22

РЕБЕККА

Будучи координатором мероприятий, Ребекка должна была выглядеть достойно на встречах с потенциальными клиентами. Поэтому она считала новую сумочку не роскошью, а скорее рабочим инструментом. Кроме того, покупка новой сумки сейчас была похожа на терапию.

Иззи провела пальцем по блескам на клатче с чем-то похожим на благоговение.

– Как дела с Карой и Софи?

– Хорошо. Я купила книги, которые ты советовала, а Джек заказал несколько игрушек и, да, у Кары рак, и, возможно, нам придется постоянно заниматься Софи.

Иззи чуть не уронила сумочку, которую выбрала. – Какого черта? Ты это серьезно?

Как будто она стала бы шутить о чем-то подобном. – Ага. Очевидно, он у нее уже давно. То есть, она выглядела больной, когда впервые приехала. Странно привлекательной, но уставшей на вид. Я думала, что это всё нервы из-за потери квартиры и прочего, – Она разговаривала с Иззи, а потому могла быть честной. – На самом деле, я даже обвинила ее в употреблении наркотиков, что делает меня самой большой сукой года.

– Ой, – Иззи поморщилась. – Но, в твою защиту, ты не могла знать правду. Почему она ничего не сказала с самого начала?

– Видимо, она хотела проверить нас. Убедиться, что мы будем хорошими родителями. Ну, я говорю «мы», но она хотела посмотреть, каким стал Джек.

Чем больше Ребекка думала об этом, тем лучше понимала точку зрения Кары. Прошло пять лет с тех пор, как она видела Джека; возможно, он был последним человеком, кому она хотела бы доверить свою дочь. И она вообще ничего не знала о Ребекке.

Иззи выглядела так, словно и она понимала это.

– Ну, полагаю, в этом есть смысл. И какие у нее были варианты, если бы вы не подошли?

Ребекка пожала плечами. Было трудно обсуждать эту тему с Карой, не звуча так, будто они не хотели брать на себя ответственность за Софи. И Джек в таких разговорах был почти бесполезен. Он был больше сосредоточен на том, чтобы получше узнать Софи.

– Похоже, у нее их нет. Она не общается со своими родителями, и все ее друзья, похоже, не в том финансовом положении, чтобы взять еще одного ребенка. Плюс, конечно же, Джек – отец Софи.

– Софи знает об этом? Вы ей сказали?

– Теперь знает. Она подслушала мой разговор с Карой.

Они все еще бродили по магазину, Иззи выбирала сумки и тут же клала их обратно, даже не взглянув на них. Она хотела побаловать себя чем-то новым, но эта сенсация, кажется, затмила все планы. – И как она на это отреагировала?

Как ни странно, Софи, казалось, восприняла это спокойно. Ребекка приготовилась к сейсмической реакции. Несомненно, если бы она узнала, что мужчина, которого она только что встретила, был ее отцом, это перевернуло бы ее мир. Но Софи просто приняла это и продолжила играть с Джеком этим утром так, как будто он всегда был частью ее жизни.

– Кажется, с ней всё в порядке. Хотя, полагаю, когда она станет старше и поймет, что он отсутствовал первые четыре года ее жизни, у нее возникнут вопросы.

– Да, – Иззи медленно кивнула – Хотя дети удивительно легко приспособляются. Взрослых такие события разорвали бы на куски, и они, кажется, могут просто принять их и двигаться дальше.

Это было логично, когда ребенок переживал из-за сломанной игрушки или даже потерянного домашнего животного, но это? А бедняжке Софи, возможно, предстояло пережить кое-что похуже. Ребекка взяла горчично-желтую сумку, из числа тех, какие любила Иззи.

– Идеально тебе подойдет.

– Очень красивая, но мне нужна побольше, – Иззи с любовью погладила ее. – В эту я никогда не впихну детские снеки, игрушки и пачку влажных салфеток.

Ребекка практически почувствовала, как сумка в ужасе отшатнулась. – Это так не похоже на те времена, когда мы только встретились. Помнишь, тогда ты могла пойти куда-нибудь всего лишь с зубной щеткой и парой запасных трусиков?

Иззи рассмеялась. – Я скучаю по тем временам. С тех пор, как у меня появились дети, мне кажется, что каждый раз выходя из дома, я отправляюсь в мини-отпуск.

– Полагаю, к этому мне тоже придется привыкнуть?

Иззи забрала у нее сумку и повесила ее обратно на крючок. – Могло быть и хуже. Не похоже, что тебе придется носить с собой всё на свете. Софи уже четыре. Ты пропустила пятна от еды и смену подгузников.

Иззи хорошо ее знала. Ребекка не справилась бы ни с одной из этих задач. – Знаю, и когда я подумала, что она приедет на выходные, я даже решила, что смогу справиться с этим. Ну, то есть, она хороший ребенок, а я занимаюсь организацией всего, верно? Может, было бы даже весело водить ее куда-нибудь и проводить с ней время.

– Это определенно может быть весело.

Ребекка покачала головой. – Я скорее видела себя в роли – гостеприимной тётки. Ну, знаешь, дорогие вещи, угощения, и человек, к которому она могла бы прийти поболтать, когда стала бы подростком, а ее собственная мать не справлялась бы с этим.

Иззи остановилась и уставилась на нее. – Вау. Ты ты и правда думала об этом. Хотя, я не должна удивляться. В конце концов, ты та девушка, у которой составлен двухнедельный план питания, который меняется каждый сезон, и связан с приложением для покупок в Интернете.

Ребекка вспомнила, как смеялась Иззи, когда она впервые сказала ей об этом.

– Ну, это просто здравый смысл. У кого есть время каждый вечер придумывать новое блюдо? – Ребекка примерила фетровую шляпу и развела руки, чтобы показать, что она ждет оценки. Иззи просто сняла шляпу и протянула ей вязаный берет. – Попробуй это. Итак, ты будешь не гостеприимной тёткой. Ты будешь. Как там это?. Незлобной мачехой?

Ребекка натянула шляпу на глаза. – Боже, это звучит ужасно. – В ее голове завертелись портреты Белоснежки и Золушки. – Наверняка

для этого есть какое-нибудь современное слово?

Иzzi выбрала шарф и примерила его перед зеркалом. – Может, ты придумаешь его? Потом запатентуешь его и сколотишь целое состояние. Какое тебе нравится? Экстра-мама? Крутая мамочка? Веселая мамочка?

Ребекка сделала вид, что засунула пальцы себе в горло. – Они все ужасные. – Она закрыла лицо руками и застонала. – Поверить не могу, что это происходит.

Иzzi остановилась и посмотрела на нее, взяла ее за руку. – Пойдем возьмем кофе. Для этого мне нужен кофеин.

«Коста» был полон, но им удалось найти шаткий столик в углу, который все остальные благоразумно избегали. Ребекка сложила две салфетки вчетверо, чтобы подложить их под ножку и выровнять ее, прежде чем Иззи водрузила поднос на стол. Пять минут в очереди явно дали ей время все обдумать – едва она села, как начала говорить.

– Первое. Это точно? Не хочу быть совсем уж бестактной, но Кара говорит, что именно так всё и будет? И знает ли она, сколько у нее времени?

Было так неправильно говорить об этом. В конце концов, они обсуждали жизнь Кары. Ее реальную жизнь. Но Ребекке нужно было с кем-то поговорить, а Иззи была ее ближайшей подругой. Она покачала головой. – Нет. Сейчас она всё еще проходит курс лечения. Но если он не поможет, ее врач не особо уверен, что есть какие-то другие варианты.

– Вау. – Иззи откинулась на спинку стула, ее глаза наполнились слезами. – Бедная женщина.

Ребекка взяла свою чашку и подула на кофе – ее горло сжалось слишком сильно, чтобы она могла пить его. – Я знаю. Трудно представить, каково это.

Иzzi выдохнула. – Смотреть на свою маленькую девочку, думая, что она не увидит... – она посмотрела в глаза Ребекки. – Знаешь, это очень важно. То, что она доверяет вам свою дочь. Ее самое большое сокровище, и она доверяет тебе и Джеку заботиться о ней.

Ребекка опустила чашку и уставилась в нее, ожидая, пока не исчезнет размытое пятно, возникшее у нее перед глазами. – Знаю. Я знаю это. Но я не знаю, смогу ли я это сделать, Иззи. Я не уверена, что

хотя бы один из нас имеет хоть малейшее представление о том, за что мы возьмемся. Что мы знаем о детях?

Иzzi открыла маленькую пачку печенья и выложила его на тарелку. – А что можно знать о детях, пока у тебя их нет? Если честно, я прочитала все книги о воспитании детей, написанные на английском языке, и всё это выбило меня из колеи.

Этого она и боялась.

– Именно это я и имею в виду. Все говорят, как это тяжело – конечно, это когда они не пытаются убедить меня, что это самая чудесная вещь, которую только может сделать женщина, и какая я ненормальная, что не хочу этого. Мы с Джеком те еще эгоисты. Нам нравится наша жизнь такой, какая она есть. Он занят своей работой, я своей, мы планируем наше совместное время и у нас всё получается. Но как ребенок впишется во всё это? Это жизнь маленькой девочки. Маленькой девочки, которая потеряет свою мать. Что, если мы не справимся? Что, если мы подведем ее?

Этим утром она особенно старалась, чтобы получше узнать Софи и выяснить, что её обрадовало. Все это время она не могла перестать считать ее такой маленькой, такой уязвимой. Всего этого было слишком много. Она не осознавала, что у нее дрожат руки, пока Иззи не накрыла их своими. – Эй, ты ошибаешься. Это и есть часть того, чтобы быть родителями.

– Но ты не ошибаешься. Каждый раз, когда я вижу тебя с семьей или фотографии, которыми ты делишься в Интернете – это сплошная идиллия. Твоя жизнь выглядит такой замечательной, а ты кажешься такой счастливой.

– Поверь мне, – Иззи рассмеялась, – когда дело доходит до воспитания детей, всё далеко не всегда так, как кажется. Я действительно счастлива. Но это не значит, что я не считаю это трудным. Что я не мечтаю о вечере без детей, когда никому ничего не будет от меня нужно, кроме странного остроумного комментария. Но у тебя всё еще могут быть такие вечера. Тебе просто нужно планировать их заранее. Она похлопала по руке, которую все еще держала. – А ты хороша в планировании.

Ребекка попыталась улыбнуться. Как она могла объяснить Иззи, что она чувствовала? Если ее осуждали за то, что она не хотела иметь своего ребенка, насколько хуже звучало то, что она не хотела брать на

воспитание ребенка женщины, которая, возможно, умирала? Ребенка, отцом которого являлся ее собственный муж? Но каждый раз, когда она думала о том, чтобы стать полноценной матерью Софи, ей казалось, что она тонет. Она не могла дышать.

– Я же не могу планировать жизнь ребенка в электронной таблице, верно? Она попыталась улыбнуться, но уголки ее рта не слушались, а подбородок начал дрожать.

– Эй, Бек, всё будет хорошо. Знаю, тебе кажется, что ты ничего не можешь контролировать – и знаю, как ты это ненавидишь, – но тебе просто нужно делать всё постепенно. – Иззи полезла в сумку и достала свои вездесущие стикеры и ручку. – Но есть много того, что ты можешь спланировать. Не важно, будет ли Софи приезжать только на выходные или всегда будет у вас, ей нужна будет спальня. Почему бы не начать с этого? Закажи какую-нибудь мебель, выбери краску. Если ты начнешь что-то делать, остальное покажется более возможным.

Ребекка высморкалась и взяла печенье. Иззи была права. Это отсутствие контроля, это ощущение, что всё это происходило с ней, было невыносимым. Это помогло бы перестать думать и начать делать. – Хорошо, куда мне пойти, чтобы купить мебель для спальни для маленькой девочки?

Глава 23

КАРА

Стойка регистрации из темного дерева, оригинальные современные произведения искусства и гранитный пол: вход в офисное здание Джека был очень элегантным, и в среду утром Кара чувствовала себя более чем не в своей тарелке. Дома он пару раз упоминал название своего рекламного агентства и то, как ему нравится их новое помещение в Восточном Лондоне, поэтому его было нетрудно найти и увидеть, что оно находится в Стратфорде – всего в нескольких остановках от того места, где они с Ребеккой жили в Эссексе.

Она неуверенно подошла к секретарше, крепко держась за руку Софи. – Привет, мне нужно поговорить с Джеком Фолкнером.

Молодая секретарша подняла на нее идеально подведенную бровь. Вероятно, она не очень походила на клиентку в своем джемпере, джинсах и ботинках. О, и еще ребенок на буксире. – Он вас ожидает?

– Э-э, нет. Я просто заскочила на тот случай, если...

Как назло, Джек появился из боковой двери, держа в руках стопку бумаг, которые он бросил на поднос на стойке регистрации. Когда он повернулся, чтобы уйти, она окликнула его. – Привет, Джек.

Джек обернулся. Потребовалось мгновение, чтобы узнать ее.

– Кара? Что ты здесь делаешь?

Она не могла понять, звучал ли его голос приятно удивленным или же неприятно шокированным. Секретарша в приемной тоже с интересом наблюдала за происходящим. – У нас с Софи был свободный день. Я поняла, что мы рядом с твоим офисом, поэтому мы решили зайти на случай, вдруг ты еще не обедал.

Она погладила Софи по макушке, чтобы привлечь к ней внимание. Джек посмотрел на нее с улыбкой. Кто смог бы отказать этому личику?

– Привет, Софи. Эм, нет, я еще не брал перерыв на обед. Если честно, обычно я просто перекусываю у себя за столом.

Секретарша ответил на звонок, поэтому он отошел от стола к группе низких кожаных кресел вокруг овального стеклянного стола. Кара последовала за ним. – Seriously? Я бы скорее подумала, что Ребекка приготовила для тебя что-нибудь супер-полезное.

– Нет, – он рассмеялся. – Думаю, это было бы уже чересчур. – Он выглядел так, словно вот-вот собирался пятиться к дверям, из которых он пришел.

Она продолжала настаивать. – Ну, тогда почему бы тебе не пойти с нами? Софи может показать тебе новые принадлежности для рисования, которые она сегодня купила.

Джек выглядел нерешительным. Думал ли он о том, как Ребекка отреагирует на их совместный обед? Это точно не было романтическим свиданием – с ними Софи. Кара посмотрела на Софи, которая помогла, подняв сумку с покупками, которую она хотела носить сама. – У меня теперь много новых красок.

Это сделало свое дело. Он подмигнул Софи, и его лицо будто бы смягчилось. Это было многообещающе. – Ладно, просто дай мне минутку, чтобы взять куртку. За углом есть кафе, где готовят отличные сэндвичи. И пирожные, – он нахмурился. – О, я забыл. Ты ведь не любишь пирожные, верно, Софи?

Софи подпрыгнула и захихикала. – Люблю! Люблю! Я люблю пирожные!»

В груди Кары потеплело от удовольствия, когда она услышала, как он дразнит свою дочь так, словно делал это годами.

В кафе пахло хорошим кофе и пирожными. Взгляд на написанный на доске прайс почти заставил Кару снова передумать, но они нашли место в углу, и Джек передал ей меню. – Могу порекомендовать клуб-сэндвич.

Может быть, это копошение в животе лишило ее аппетита. Приближался последний сеанс химиотерапии, и она хотела закончить с разговором о свидетельстве о рождении. Ей казалось хорошей идеей застать Джека наедине, чтобы дать ему форму, которую она взяла, но как он мог на это отреагировать? – Вообще, могу я взять просто черный кофе? А Софи съест сырный тост, если они здесь есть.

Джек наблюдал за Софи – в последнее время он часто этим занимался. Как будто пытался наверстать упущенное. Теперь он снова

посмотрел на Кару и нахмурился. – Уверена, что ничего не хочешь? Мне казалось, ты сказала, что собираешься пообедать?

Это был ее предлог прийти, и ему не следовало думать, что она что-то скрывает за спиной Ребекки. Она должна была заказать что-нибудь и сделать всё возможное, чтобы это съесть. – Ты прав, может, мне стоит поесть. Я тоже буду тосты с сыром. Платим сейчас или потом?

– Не волнуйся, я заплачу. Джек взял меню и направился к стойке, чтобы сделать заказ.

Обычно она бы спорила, ненавидя быть обязанной кому-либо, но у нее не было сил. Сердце колотилось у нее в груди, а дыхание было прерывистым. Она просто нервничала по поводу того, как начать разговор. *Не делай поспешных шагов.*

Когда он ушел, Софи указала на детский столик в углу, на котором были разложены карандаши и бумага. Другая маленькая девочка того же возраста, что и Софи, была полностью увлечена чем-то, что выглядело как радуга. – Мамочка, можно мне сесть вон там?

Когда Софи не сможет их услышать, ей будет легче поговорить с Джеком. – Ты можешь пойти туда, если пообещаешь вернуться сразу, как только принесут твой сэндвич. Она поцеловала Софи в макушку и проследила, как та подскочила к столу, села за него и начала болтать с другой маленькой девочкой, которая пододвинула стаканчик с карандашами ближе к Софи, чтобы они могли рисовать вместе. Заводить друзей просто, когда тебе всего четыре. Пока жизнь еще не научила тебя защищаться.

У стойки не было очереди, вот почему Джек вернулся довольно быстро. – Готово. Они принесут заказ за стол.

Лучше всего было выложить всё как можно скорее, пока не принесли еду и Софи не вернулась за столик. Она сделала глубокий вдох. – Спасибо. Вообще, была еще одна причина, по которой я хотела тебя увидеть. На прошлой неделе я взяла в ЗАГСе документы. Чтобы мы могли изменить свидетельство о рождении Софи.

Она достала бланк из сумки и подвинула его через стол. Джек выглядел пораженным. Она торопила его?

– А, хорошо. Ладно, – он вынул бланк из конверта, но лишь взглянул на него. – Хотя ты могла бы отдать это мне сегодня вечером. Мы ведь не спешим, верно?

Кара не ответила на его замечание о спешке.

– Это просто кажется несколько бестактным. Вручать тебе бланк в присутствии Ребекки.

Теперь он выглядел сбитым с толку. – Бестактным? Почему? Ребекка ведь знает, что происходит.

Его словам было не так-то просто возразить. Когда родилась Софи, Кара задавалась вопросом, должна ли она дать ему шанс встретиться со своей дочерью – если не ради него, то ради Софи. Когда она смотрела на этого младенца, которого держала на руках, она знала, что сделает для нее что угодно. Совершенно что угодно.

Тем не менее, она записала в свидетельстве о рождении Софи «отец неизвестен», хотя и знала, кем он был. В любом случае, она не могла сделать ничего другого, если отец не был рядом с ней. Она сказала себе, что разберется с этим в другой раз. А потом прошел год, прежде чем она поняла это. Потом еще один. И еще один.

Джек внимательно изучал бланк. – Всё это кажется довольно простым и понятным. И очень реальным, – он посмотрел в ту сторону, где Софи держала в руке сразу два цветных карандаша, с огромной сосредоточенностью рисуя двухцветные узоры. Видел ли он, какой развитой она была для своих четырех лет?

На протяжении многих лет Кара не могла не замечать, как сильно ее дочь была похожа на Джека. Цвет ее волос, сосредоточенная складка на переносице. Чувства были тем еще спутанным клубком. Она любила Джека. Всё еще любила Джека. Но каждый раз, когда она видела его в Софи, это напоминало ей, что он не с ними. И что она не дала ему шанса стать частью жизни Софи. И в этом тоже была её вина.

– Я понимаю, что стать отцом четырехлетки всего за одну ночь кажется слишком быстрым. Но, знаешь, для меня это тоже сложно.

Джек сунул бланк обратно в конверт и посмотрел на нее. – Сложно?

С тех пор, как она взяла бланк свидетельства о рождении, эта мысль выползала из глубин ее мозга. Она была так сосредоточена на том, чтобы дойти до этого этапа, – встретиться с Джеком, рассказать ему о Софи, убедиться, что он хочет участвовать в ее жизни, – что только сейчас задумалась о том, что это значит. Для каждого из них.

– Как только ты подпишешь эту форму и мы ее заверим, Софи будет принадлежать тебе точно так же, как и мне. Я не смогу

принимать решения о том, где мы будем жить или в какую школу она пойдет, не посоветовавшись с тобой. Это будет довольно странно.

Официантка появилась у стола с напитками, и Софи подбежала, чтобы сделать глоток розового клубничного молочного коктейля, который Джек взял для нее, затем вернулась обратно к столу и своей новой подруге.

Джек насыпал в ложку сахар из дозатора с хромированной крышкой. Она не заметила, чтобы у него дома был сахар. Возможно, Ребекка этого не одобрила. – Я не думал, что тебе будет трудно в этом смысле. Я понимаю, к этому нужно немного привыкнуть. Но тебе не нужно беспокоиться. Кажется, сейчас ты отлично справляешься с ней. Я представить не могу, что буду просить тебя что-то изменить. Не то чтобы я много понимаю в воспитании маленькой девочки.

Кара не сводила глаз с Софи, пока говорила, ее грудь сдавило невидимым обручем. На самом деле она думала не о Джеке. Она знала, как с ним справиться. – А Ребекка?

– Ребекка? – Джек перестал помешивать кофе. Его настороженный тон почти вынудил ее потерять самообладание.

Но ей нужно было рассказать о том, что она чувствовала, нужно было убедиться, прежде чем его подпись на бланке отправит их в новую реальность. – Что, если у Ребекки есть мнение о том, как я воспитываю Софи? Что, если она скажет тебе, что я делаю что-то не так? Или что она могла бы сделать это лучше? Что тогда?

Джек отложил бланк и пристально посмотрел на нее. – Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать, Кара. Ребекка не такая. У нее нет особого мнения о воспитании детей. Она даже не интересуется ими.

Кара не знала, что было бы хуже: если бы Ребекка попыталась спорить с ней или если бы у нее вообще не было интереса. Казалось, что всё ускользает у нее сквозь пальцы, она теряла контроль. – Я просто говорю, что ты ее отец. Это ты должен принимать решения. Помимо меня, конечно же.

Джек сел прямо. Кара легко могла представить, как он проводит собрание своей команды с таким деловым выражением лица. – Очевидно, нам нужно сесть и поговорить обо всем. Ты знаешь, что Ребекка с нами. Это она потратила половину воскресенья на то, чтобы заказать мебель и подготовить спальню для Софи; это она

подталкивала меня к тому, чтобы проводить с ней больше времени. Если честно, я считаю, она восприняла всё это очень хорошо.

Он защищал ее. Каре нужно было действовать осторожно, если она хотела сделать всё правильно. – Я знаю. Она всё это сделала. Просто я не уверена, что я ей интересна, поэтому я и волнуюсь, как она будет относиться к Софи.

Джек вздохнул, провел рукой по лицу. Неужели он не мог понять её опасений? – Это неправда. Ребекка...

– Ребекка не хочет детей. Она честно это признала. Я мать Софи. А ты её отец. И это мы должны принимать все решения. Вместе.

Джек поерзал на своем месте. – Я понимаю, о чем ты говоришь, Кара. Понимаю. Но Ребекка не начнет...

– Пообещай мне, Джек. Пообещай мне, что ты будешь отцом для Софи, а не просто опустишь руки и позволишь Ребекке всё решать. Она твоя дочь.

Джек взглянул на Софи, затем снова на Кару.

– Я обещаю.

Глава 24

РЕБЕККА

Ответить на звонок ценной клиентки – чем бы она ни была занята – было одним из правил планирования мероприятия. Но когда эта клиентка звонит ей шестнадцать раз за двадцать четыре часа, ее профессионализм достигал своего предела. Ребекка нажала кнопку завершения вызова и вернула свой мобильный на подоконник. Саманте придется подождать.

Теперь, когда вешалки для одежды и коробки были перенесены в другое место, задняя комната казалась больше. Определенно достаточно большой для маленькой четырехлетней девочки. Хотя ему обычно нравилось просматривать схемы красок и образцы тканей – если не практическими аспектами работы, – ей не потребовалось много времени, чтобы убедить Джека дать ей полную свободу действий с оформлением этой комнаты. Во всяком случае, он, казалось, испытал облегчение.

Ребекка стояла посреди комнаты и оценивала общее впечатление. Солнечно-желтая краска в тон точкам на новом пододеяльнике была хорошим выбором: яркая, приветливая и позитивная. После того, как Кара призналась, что она выдумала историю с новой съемной квартирой, они все согласились, что она и Софи должны оставаться здесь, пока не закончится ее химиотерапия, и она не почувствует себя достаточно здоровой, чтобы двигаться. Тогда они помогли бы ей найти место для них двоих, а эта комната всё равно принадлежала бы Софи, когда она приезжала бы сюда погостить. Любые обстоятельства, при которых этого бы не произошло, были слишком ужасны, чтобы думать о них.

Ребекка осторожно коснулась стены, чтобы проверить, высохла ли краска. Как сказала Иззи: у Софи в любом случае должна была быть своя комната. Завтра стены нужно будет покрыть вторым слоем краски, но и сейчас они были достаточно яркими, чтобы Софи оценила эффект, когда увидит их. Покраска стен также была хорошей терапией,

чтобы преодолеть раздражение от непрекращающихся звонков Саманты и каждой – крохотной идеи, которая пришла ей в голову за последний день.

Ребекку раздражала не только Саманта; но еще и Джек. Во-первых, потому что вчера в обед он встречался с Карой. Дело было не столько в том, что они встретились без нее – хотя это было неприятно, – но в том, что он упомянул об этом слишком поздно, когда они были в постели прошлой ночью. Как оказалось, Кара была неподалёку.

Вдобавок ко всему, сказав ей в прошлом, что она может заказать всё, что захочет, для спальни, Джек пошел на попятную и предупредил ее, что она слишком торопится. – Дай нам время ко всему привыкнуть, прежде чем что-то менять.

Впрочем, он всё равно опоздал: мебель должны были доставить сегодня. Почему он не понимал, что ей нужно было сделать что-то конструктивное? Что это было чем-то хорошим, что она могла сделать для Софи?

Окно спальни выходило в сад за домом, и она распахнула его как можно шире, чтобы избавиться от запаха краски. Их сад не был огромным, но он был красивым. Одна из свадеб, которую Иззи устраивала в прошлом году, была для планировщика садов по имени Тони, который был так доволен мероприятием, что предложил им свои услуги по озеленению по сниженной цене. Тони проделал фантастическую работу: небольшой внутренний дворик для барбекю, который они использовали в качестве площадки для вечеринок, и длинная лужайка, окруженная яркими растениями разной высоты. Неужели теперь им придется испортить весь внешний вид, установив там качели? Может, лучше какая-нибудь лесенка или замок?

Ей надоело спорить с Джеком по поводу Софи. Совместное воспитание ребенка, которого ни один из них не планировал, должно было стать серьезным испытанием для их отношений, и так оно и было. Но любить кого-то значило быть на его стороне. Гнев, который терзал ее в первые несколько дней после их приезда, прошел. Сейчас, когда она знала о болезни Кары, она просто хотела разложить всё по полочкам в своей голове.

Вчера поздно вечером она постирала, высушила и выгладила новое постельное белье, чтобы сегодня его можно было постелить на

кровать. Софи не смогла бы спать здесь, пока краска не высохнет, но это дало Ребекке возможность заняться чем-то другим, кроме как наблюдать за Карой и Джеком вместе. Ревность не была привлекательной чертой характера, и ей не нравилось думать, что она ее проявляет. Пододеяльник уже был вывернут наизнанку, поэтому она просунула руки внутрь него до нижнего края, схватилась за углы одеяла и начала встряхивать его. Возможно, несколько более энергично, чем это было необходимо.

Она видела достаточно своих друзей и родственников с детьми, чтобы понимать уровень ответственности, который требуется для воспитания ребенка. Для людей с детьми жизнь имела определенную форму. Младенчество, учеба в школе, сбережения на колледж. Даже праздники организовывались в основном вокруг детей.

Но отсутствие детей означало, что они могли строить свою жизнь так, как хотели. Их год не строился вокруг школьных каникул. Им не нужно было проверять отели, чтобы убедиться, что туда можно поселиться с детьми, или меню в ресторанах, чтобы знать наверняка, что там найдется что-то, что маленький человечек захочет съесть. Все эти вещи звучали обыденно, если произносить их вслух, но это было полное изменение привычной жизни.

Она постелила плед на пол. Эта комната фактически служила гардеробом, потому что у них уже была комната для гостей, в которой сейчас жили Кара и Софи. Когда они купили этот большой дом, он вызвал очевидные шутки со стороны коллег и друзей Джека, которые плохо их знали, о том, что скоро его заполнят дети. Возможно, чрезмерно увлеченный агент по недвижимости знал что-то, чего они не знали.

И всё же, как Джек ни пытался убедить ее в обратном, их жизнь не должна была измениться полностью. В понедельник у Кары был последний прием на химиотерапию. Как только она поправится, они могли бы помочь ей переехать в собственное жилье – где-нибудь в хорошем месте и, желательно, не слишком далеко – и именно там Софи будет жить большую часть недели. А они по-прежнему могли бы почти всё время делать то, что им хочется. От них просто требовалось учитывать те недели, в которые они не смогут сходить в хороший ресторан или поехать куда-нибудь. Им придётся быть организованными.

И именно поэтому, как она пыталась объяснить это Джеку, ей важно было знать, каким будет график. Пока у них не было четкого понимания, когда Софи будет у них, она не могла даже начать следить за тем, чтобы все остальное работало.

В дверь позвонили. Она посмотрела на часы: как раз вовремя.

Стоявший на ступеньках водитель доставки широко улыбнулся.

– Доброе утро, милая. Доставка мебели.

– Отлично, спасибо. Я как раз вас ждала.

Он вернулся к задней части своего фургона, где его ждал напарник, чтобы вместе поднять шкаф. Они с трудом добрались с ним до двери, а затем прошли по коридору.

– Куда его поставить?

– В спальню на втором этаже, если вам не сложно. – Она не хотела, чтобы Софи пришла домой и увидела это в коридоре. Это испортило бы сюрприз.

Мужчины опустили его на пол, и один из них тяжело вздохнул. – Без проблем, но вам придется дать нам минутку. Эта штука чертовски тяжелая.

Ребекка улыбнулась. – Хотите, я приготовлю чай, пока вы занимаетесь этим?

Доставщик подмигнул. – Это было бы чудесно. Два кусочка сахара для меня и три для Пита, пожалуйста.

Она встретила их в коридоре с двумя чашками чая и обнаружила, что они уже занесли кровать, комод и подходящий по цвету шкаф. – Вы быстро справились.

Они оба протянули руки за чаем. На этот раз заговорил Пит, пока другой парень пытался отдышаться. – Вы купили хорошую мебель. Добротную. Мы не придвигали ее близко к стенам из-за влажной краски. Держу пари, вашей малышке понравится эта спальня. Очень красивая.

Ребекка открыла рот, чтобы сказать, что Софи не была ее «малышкой», а затем снова закрыла его. Софи была ребенком Джека. Она *и правда* была младшей в их семье. Люди посмотрели бы на них троих вместе и, вероятно, предположили бы, что она была матерью Софи. Как Софи будет ее звать? Конечно, дома она могла бы просто называть ее Ребеккой. Но как она будет обращаться к ней во время разговора с другими людьми?

«Жена моего отца», запоздало подумала она «или мачеха?»

Мужчины допили чай примерно за пять глотков и вернули кружки. – Ваше здоровье, милая. Нам уже пора.

Как она и предполагала, мебель идеально смотрелась в комнате. Оставалось распаковать шесть тканевых кубов: красный, желтый, темно-синий, светло-голубой, темно-зеленый и светло-зеленый, чтобы они соответствовали точкам на пододеяльнике. Она собрала их и поставила на полку. *Идеально*. Оставалось надеяться, что Софи тоже так подумает.

Она могла бы это сделать. Мачехе не нужно было быть матерью. За это Кара могла не волноваться.

Глава 25

КАРА

Приемная в онкологическом отделении госпиталя короля Георга была сделана настолько удобной, насколько это только могла себе позволить Национальная служба здравоохранения, но в понедельник утром невозможно было не почувствовать привычный страх при виде стульев с высокими спинками вдоль стен.

– Привет, Кара. Рада видеть тебя, милая. Как ты сегодня себя чувствуешь? – Энджи улыбнулась ей – все медсестры онкологического отделения были добры. Несмотря на это, ей хотелось верить, что это будет последний раз, когда она их видела.

– Прямо сейчас не так уж плохо. Хотя, очевидно, на этой неделе всё изменится.

Первая неделя после химиотерапии была самой тяжелой. Тошнота, головные боли, рвота: как помноженное на сотню самое худшее похмелье, которое у нее только было в жизни. Вот почему она постучала в дверь Джека именно в тот день: это дало ей максимум времени, пока она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы скрыть, что происходит на самом деле.

– Мы тебя подключим, а потом я пойду и приготовлю тебе чашку чая. Сегодня утром Марджори принесла нам огромную банку печенья, так что я тоже принесу тебе немного. – Энджи кивнула в сторону пожилой дамы с короткими седыми волосами, которая помахала ей рукой. Ее муж сидел рядом с ней и читал «Гардиан». У многих людей был кто-то, кто приходил с ними, по крайней мере, первые несколько раз. Шесть часов – это слишком долго, чтобы сидеть на одном месте в одиночестве.

Какими бы милыми все они ни были, но сидя здесь Кара чувствовала себя такой одинокой, какой ни была с самого рождения Софи. Тогда она тоже была одна в родильном отделении. К счастью, роды Софи прошли относительно быстро и без осложнений. Она не знала, как справилась бы с восстановлением после кесарева сечения.

Хотя в этом была вся Софи. Она была самым простым ребенком в мире.

– Тогда дай руку, – в уголках глаз Энджи появились морщинки, когда она улыбнулась, ее светло-голубые тени для век были того же оттенка, что и ее униформа.

Кара протянула руку, и Энджи взяла ее, приготовив полую игру, потирая кожу над костяшками пальцев своими умелыми большими пальцами. Морщинки вокруг ее глаз сменились складкой на лбу. С каждым разом становилось всё труднее найти подходящую вену. – Хм, выглядит не слишком многообещающе. Могу я взглянуть на другую?

Кара протянула правую руку. Удивительно, как быстро она к этому привыкла. Анализы крови. Химиотерапия. Еще анализы крови. Неудивительно, что ее бедные вены сжимались внутри нее или и вовсе прятались поглубже под кожу.

Энджи постучала по большому пальцу правой руки Кары. – Думаю, эта подойдет, хотя и будет немного неудобно. Ты сможешь брать печенье другой рукой? – Она улыбнулась, и Кара кивнула.

Муж Марджори сложил газету так, чтобы держать ее перед ними обоими. *Должно быть, они вместе разгадывали кроссворд.* Они выглядели как обычная пара средних лет, если закрыть один глаз так, чтобы не видеть трубку, соединенную с ее рукой. Марджори выглядела на удивление хорошо, и, если только это не был очень хороший парик, она всё еще сохранила свои волосы. Кара предположила, что это её первый или второй сеанс.

– Ай, – вскрик вырвался раньше, чем Кара успела его сдержать, – Она не любила поднимать шум, у медсестер и без того была тяжелая работа.

– Простите.

Энджи по-матерински погладила ее по руке.

– Ничего, прости, милая. Зато теперь всё готово. Я пойду и принесу тебе чай.

Эта комната была единственным публичным местом, где Кару можно было увидеть без парика. Даже Софи никогда не видела ее без него. В течение последних нескольких месяцев она ставила будильник так, что всегда успевала надеть парик до того, как Софи просыпалась. И снять его было облегчением.

Теперь, когда химиотерапия началась, она откинула голову назад и закрыла глаза. По крайней мере, сейчас, когда Ребекка и Джек знали, что происходит, ей больше не придется скрывать это от них.

Она наклонилась, чтобы достать свой мобильный из сумки. Было неудобно пользоваться им левой рукой, но ей удалось пролистать фотографии. Она сделала альбом с фотографиями Софи, начиная с того времени, когда она была худенькой новорожденной, затем стала пухленькой малышкой, а потом доросла до яркой, искрящейся четырехлетки. Софи нравилось, когда она быстро пролистывала их, что создавало впечатление, будто она взрослеет у них на глазах. Кара создавала альбом, чтобы сосредоточиться на чем-то, когда ей становилось плохо во время лечения. Теперь ее взгляд затуманился, когда она дошла до последней фотографии: Софи с соломинкой в клубничном молочном коктейле размером с ее голову. Изображение расплылось, и она достала салфетку из коробки рядом с собой, чтобы вытереть глаза.

Сегодня Ребекка предложила пойти с ней. Это было удивительно: может, это был ее способ извиниться за свою подозрительность. Кара не могла винить ее за это. Всё же, она не знала, что происходит. Длинные рукава, чтобы спрятать следы на руках; макияж, чтобы скрыть желтоватый цвет лица; короткий темный парик; время, проведенное наверху с Софи, когда она на самом деле просто лежала на кровати, чтобы восстановить силы – она была мастером маскировки этой чертовой болезни.

К тому же в последнюю пару дней Ребекка приложила немалые усилия. Она даже превратила заднюю спальню в настоящую комнату маленькой девочки: яркие цвета, коробки для игрушек, книжная полка. Софи так обрадовалась, увидев стол, на котором Ребекка разложила бумагу для рисования и ручки в маленьком стаканчике. *Счастье за деньги не купишь, но иногда они бывают чертовски полезны.*

Когда они жили вдвоем, Кара не могла выделить Софи отдельную комнату. На самом деле их квартира была не так уж плоха. Небольшая гостиная, в которой помещались диван, телевизор и невысокий шкаф. Крошечная кухня со старыми, но всё еще чистыми и функциональными приборами. Ей нужно было переехать, когда Софи подросла настолько, что ей нужна была своя комната, но было невозможно найти другую квартиру с двумя спальнями, которая была

бы такой же приличной, как и та, в которой они жили. Вместо этого у Софи была маленькая односпальная кровать, стоявшая у стены в спальне Кары, которую она покрасила для нее в розовый цвет – настоящая кровать принцессы.

Когда она позвонила Ли, чтобы подтвердить, что отказывается от квартиры, он отнесся к этому с пониманием и, кажется, был готов заплакать, когда она объяснила почему. Ее первоначальный депозит покрывал любую непогашенную арендную плату, так что с этим проблем не было. Но попрощаться с квартирой оказалось сложнее, чем она ожидала: она была их домом с тех пор, как Софи исполнилось полгода. Она ползала по их подержанному коричневому кожаному дивану и сделала свои первые шаткие шаги по полу гостиной со стаканом в руке, смеясь, как счастливый пьяница пятничным вечером. Кара стояла на коленях у стены, вытянув руки, готовая подхватить ее, если она упадет. Вспомнит ли Софи, что они вообще там жили? Даже если вспомнит, могла ли эта квартира сравниться с новой светлой комнатой, которую ей подарила Ребекка? Это было несправедливо.

Боже, это было скучно. Ребекка дала ей почитать пару книг, и она взяла их, чтобы не выглядеть неблагодарной, но она знала, что не станет ничего читать: она не могла сосредоточиться, чтобы следить за сюжетом. Время здесь пошло вспять, и она не нашла ничего, что могло бы отвлечь ее. Возможно, именно поэтому другие пациенты приводили с собой кого-нибудь: единственным спасением был пусть и вынужденный, но разговор с кем-то.

Было трудно не представлять себе, как они смотрелись вчера в гостиной – все трое. Любому, кто заглянул бы туда, они показались бы идеальной семьей в воскресный день. Красивый отец, привлекательная мать, прелестная дочь. Джек выглядел так, как будто он годами пил из игрушечных чайных чашек Софи, и Ребекка тоже провела много времени в выходные, пытаясь узнать Софи получше. Задавала ей так много вопросов о садике, друзьях и любимых блюдах, что это было похоже на собеседование. Софи была не против: ей ничего так не нравилось, как очарованная аудитория для излияний ее четырехлетнего мозга. В субботу они снова готовили вместе. Капкейки. Кара не назвала бы Ребекку домашним пекарем, но казалось, что на самом деле не было ничего, что эта женщина не могла бы сделать.

Софи так гордилась своим подносом, полным капкейков. Самым забавным было то, что Ребекка нависала над ней, пока она покрывала их глазурью, пытаясь сохранить хоть какую-то симметрию. Ей предстояло многому научиться, если она думала, что Софи хоть на йоту заботится о том, чтобы всё выглядело ровно.

Кара должна была быть счастлива, конечно же, должна была. Ребекка даже не хотела детей, и всё же она прилагала все усилия, чтобы заниматься с Софи и даже изменить для неё свой дом. Однако, каким бы неблагодарным это ни казалось, Кара не могла избавиться от ощущения, что этого всего было слишком много, слишком рано. Несмотря на обещание Джека взять инициативу в свои руки, Ребекка взяла верх, и Каре это не нравилось. Оставалось надеяться, что теперь, когда Ребекка показала, что она на высоте, создав идеальную спальню, она немного успокоится. В противном случае, как только Кара снова встанет на ноги, им нужно будет поговорить о границах. Это она была матерью Софи, а не Ребекка.

Глава 26

РЕБЕККА

Ребекка была так благодарна Иззи за то, что она видела всё намного яснее, чем она сама: ее совет был просто идеальным. Подготовка спальни в прошлый четверг стала отличным началом. Хотя сейчас была среда, и Софи еще не спала в кровати, она явно полюбила эту комнату и хотела играть там, когда была возможность.

Кара выглядела менее впечатленной, что вызывало некоторое разочарование. Хотя, откровенно говоря, она выглядела слишком опустошенной, чтобы быть в восторге от чего-либо. Ребекка никогда раньше не общалась так тесно с человеком, проходящим лечение от рака, и понятия не имела, каким слабым оно может тебя сделать. Все знали о самой болезни, но дело было не только в этом. Кара выглядела иначе. Как будто блеск исчез из ее глаз.

Этим утром она, вероятно, была совсем без сил, потому что Софи проснулась первой. И сама спустилась на кухню.

Ребекка оглянулась, удивленная, что не увидела Кару, идущую за ней. – Доброе утро, Софи. А где мамочка?

Софи жевала рукав своей пижамы. – Она спит. Я не могу ее разбудить.

Ребекка будто и не дышала, поднимаясь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки разом, но когда она осторожно постучала в дверь Кары, а затем, толкнув, открыла ее, Кара завопилась на подушке и попыталась сесть в кровати, ее голос был хриплым ото сна. – А где Софи? Прости, я полночи не спала и...

Увидеть ее без парика было шоком. В некотором смысле ее лицо стало красивее, глаза больше и голубее, а скулы более четко очерченными. Но сейчас в ней была и уязвимость, которую Ребекка раньше не замечала. Может, именно это Джек увидел в ней в прошлом? Всё еще видел? – Не волнуйся о Софи, я приготовлю ей завтрак и отведу в садик. А ты спи.

На секунду Кара выглядела так, будто собиралась возразить, но у ее тела были другие планы. Она откинулась на подушки. – Благодарю вас. Я заберу ее потом и... Она снова заснула, не закончив предложение.

Софи была очень тихой по дороге в садик, но, оказавшись там, она выглядела счастливой и помахала Ребекке на прощание с порога. На этот раз здесь было довольно много пап и бабушек, которые привезли детей: многие члены семьи помогали с этим.

На обратном пути она проезжала мимо школы Святой Катерины и вспомнила, что Кара хотела, чтобы Софи поступила именно туда. Она припарковалась дальше по улице и вернулась к школе пешком.

Школа Святой Катерины располагалась в большом викторианском здании, скрытом за высоким черным забором. Однако здесь была современная система внутренней связи и электрические ворота, которые с жужжанием открылись, когда она сказала ответившему администратору, что хочет взять рекламный буклет. Проходя через игровую площадку, она заметила нарисованных на асфальте классики, змейки и лесенки. Похоже, детские игры не изменились с тех пор, как она сама была в возрасте Софи.

В приемной было достаточно места для стола и двух стульев, обитых тем же оттенком зеленого, что и школьная вывеска. Мужчина примерно того же возраста, что и Ребекка, стоял у окна приемной и разговаривал с администратором, которая открыла ей ворота.

– Прощу прощения. Обычно Альби привозит его мама. Но вчера он остался у меня, потому что она уехала. Я просто хотел убедиться, что вас оповестили, что если сегодня ему что-то потребуется, то нужно звонить именно мне. Сегодня утром он неважно себя чувствовал.

Администратор знала, как справляться с обеспокоенными родителями. – Мистер Робсон, я уверена, что с ним всё будет в порядке. Его мама уехала в медовый месяц, верно? Она объяснила, что он всю неделю будет у своего папы.

Мистер Робсон стал еще более расстроенным, чем раньше. – Да. Он всё равно часто остается у меня. Но обычно не в будние дни, когда у него занятия. Я хотел убедиться, что если я понадоблюсь ему сегодня, то вы позвоните мне.

Администратор взяла ручку и взглянула на свои документы, прежде чем вежливо улыбнуться мистеру Робсону. – Конечно. Ваш

номер есть в наших документах. Я уже сделала пометку, чтобы на этой неделе вы будете главным контактным лицом.

Ребекка распознала явные намеки на то, что разговор окончен, и, после секундного колебания, казалось, мистер Робсон тоже их заметил. – Отлично. Спасибо.

У администратора уже был буклет, который она передала Ребекке, к тому же на ее столе зазвонил телефон, требуя ее внимания, поэтому Ребекка не стала задерживаться.

Мистер Робсон заканчивал разговор по телефону и сел в машину, припаркованную рядом с ее. Он кивнул, заметив у Ребекки буклет. – Это очень хорошая школа. Моему сыну Альби здесь нравится. У вас сын или дочь?

– О, нет, я не... Она поняла, как странно это прозвучало, после того, как она только что заходила в школу, чтобы получить информацию о поступлении. – Это для дочери моего мужа. Его... бывшая девушка думает подать заявление сюда.

Мистер Робсон кивнул. – Семьи бывают разных форм и размеров, верно? – он улыбнулся и помахал рукой, открыв дверцу машины и сев внутрь. – Желаю удачи.

Если бы он только знал, как сильно ей это может понадобиться.

Вернувшись домой, Ребекка проверила Кару, которая все еще спала, а затем приготовила себе кофе, чтобы отнести в свой кабинет. Пока она ждала кофе-машину, она пролистала буклет. Он был довольно впечатляющий. Судя по сопроводительному письму, заявку на поступление в школу Святой Катерины нужно было подать до начала января. День открытых дверей для новичков был третьего октября: они опоздали на три недели. Хотя, может, Кара ходила туда? Ей придется спросить ее об этом. Снаружи школа и правда казалась хорошей, и было бы проще, если бы Софи училась неподалеку от их дома.

Следующий час она потратила на то, чтобы ответить на звонки от потенциальных новых клиентов и назначить им встречи. Впрочем, в перерывах она просмотрела сайт школы и статью о них в Комитете по стандартам в сфере образования. Чем больше она читала, тем сильнее убеждалась в том, какая это была отличная школа. И разве Иззи не

говорила, что люди и правда переезжают в этот район, чтобы их дети поступили туда? Она взяла телефон.

– Джек Фолкнер.

– Привет, это я.

Как всегда, голос Джека из резкого делового превратился в теплый. – Привет, как дела? Нечем заняться? У тебя закончился кофе?

– Очень смешно. На самом деле, я звоню, чтобы узнать, говорили ли вы с Карой о подаче заявления в школу. Сегодня я взяла буклет в школе Святой Катерины, и она просто идеально подходит для Софи.

Джек ответил не сразу. – Откуда у тебя буклет?

Это был странный вопрос. – Из школы, конечно же. Я отвозила Софи в садик, потому что Кара устала. Школа попалась мне на обратном пути.

– Понятно.

Почему он так странно себя вел по этому поводу? – Это просто буклет, Джек. Хотя, если мы собираемся подать туда заявление, нужно успеть до начала января. Иззи сказала, что туда действительно трудно попасть, так что...

– Иззи сказала? Она тоже была там?

Ребекка убрала телефон от уха и раздраженно посмотрела на него, прежде чем снова поднести его ко рту – Нет, Джек. Конечно, ее там не было. Что на тебя нашло?

Джек вздохнул на другом конце провода. – Я просто думаю, что тебе нужно немного сбавить обороты, Бек. Мы не можем указывать Каре, в какую школу пойдет Софи.

К щекам Ребекки прилила краска. Это было несправедливо. – Я просто пытаюсь быть поддержкой, Джек.

– Я знаю, Бекка. Но мы должны действовать осторожно, понимаешь? Мы не хотим, чтобы Кара думала, что мы всё решаем.

Всё решаем? Ради всего святого, Кара первая упомянула эту чертову школу. – Джек, ты хочешь, чтобы я интересовался твоей дочерью или нет?

Теперь его тон был более примирительным. Что раздражало еще сильнее. – Конечно, конечно, просто... просто не торопись.

Она не смогла победить. – Ладно, мне пора, Джек. Нужно отправить клиенту информацию по некоторым заведениям.

– Не будь такой, Бек. Я просто не хочу наступать Каре на пятки. Сначала спальня, а теперь школа. Это слишком... напористо, как мне кажется. Я просто хочу сказать, что нам нужно действовать медленно. Нам обоим.

– Увидимся позже.

Закончив разговор, она с досадой бросила мобильный на стол. На днях Джек не стал медлить, когда потратил целое состояние на игрушки, которыми они с Софи могли играть. Так почему же то, что она подготовила спальню и взяла буклеты было слишком «напористым»?

Ему нужно было понять, что она была не из числа тех, кто станет кататься по полу с Софи или пускать пузыри из мыла для рук. Но это было то, что она *могла* сделать. Изучить школы, выяснить условия жизни, может, даже организовать вечеринку по случаю дня рождения – это было то, как она могла внести свой вклад.

Кара поблагодарила ее за то, что сегодня утром она отвезла малышку в садик, и лицо Софи, когда она показывала ей спальню, говорило само за себя. Джеку нужно было перестать беспокоиться о том, что они могут и чего не могут сделать, и позволить ей быть частью жизни Софи. Как сказала Иззи, она должна использовать свои сильные стороны.

Говоря об Иззи: ей нужно было упаковать и отправить той подарок. Вчера она вернулась в магазин и купила ей ту желтую сумку в знак благодарности. Даже если она была непрактичной, Ребекка хотела, чтобы она была у нее. И пока она была там, она просмотрела весь ассортимент аксессуаров для волос для маленьких девочек и выбрала несколько действительно милых красных ободков с бантиками. Интересно, решит бы Джек, что дарить их Софи будет «слишком напористо»?

Глава 27

КАРА

Если и было что-то, что гарантированно заставляло Кару чувствовать себя неудачницей как мать, так это волосы. У друзей Софи в садике часто были сложные прически с косами, которые она заплетать не могла. В крайнем случае она могла собрать волосы в хвост, пучок или заплести простую косу. Время от времени Софи просила ее о большем, но, как она ни старалась, Кара просто не могла этого сделать. Ей не помогали даже пошаговые инструкции на Youtube: ее пальцы просто не работали так же. То же самое было, когда бывший парень пытался научить ее играть на гитаре. Но он, по крайней мере, сдался, а вот бедняжка Софи, казалось, жила в вечной надежде, что однажды ее мать научится делать ей прическу ее мечты.

Всё это объясняло безудержный восторг Софи, когда Ребекка в четверг днем предложила ей заплести косу по-французски. Её восторг был сравним с Рождеством плюс Пасхой, помноженным на День рождения. – Правда? Ты можешь это сделать?

Ребекка рассмеялась. – Это было давно, но я уверена, что вспомню, когда начну. Нам нужно четыре пряди, да?

Она адресовала свой вопрос Каре, которая пожала плечами. – Не спрашивай. Я никогда такого не заплетала.

На этот раз побочные эффекты химиотерапии были хуже, чем когда-либо прежде. Даже дополнительное лекарство от тошноты не спасало от рвоты, а истощение было просто ужасным. Может, дело было в том, что теперь она была не единственной, кто заботился о Софи? Она психологически позволяла себе чувствовать себя плохо, тогда как раньше ей приходилось самой готовить еду или отводить ее в детский сад. Когда она была беременна, пожилая женщина в автобусе сказала ей, что утренняя тошнота – признак здорового ребенка. Если бы только эта бабушкина сказка и сейчас принесла хороший результат. Устав валяться в постели, она перебралась на диван, то задрёмывая, то глядя, как Софи играет на полу.

Ребекка принесла в гостиную табурет из кухни, чтобы усадить Софи на нужную высоту, а затем встала позади нее, как стилист. Она заговорила с сильным акцентом. – Чего мадам изволит сегодня?

– Французскую косу, пожалуйста! – хихикнула Софи.

Обычно Софи кричала так, словно Кара убивала ее, но пока Ребекка расчесывала ей волосы, она поджала губы, вероятно, решив не издавать ни единого звука, который мог бы заставить ее остановиться. От этого ком, будто застрявший в груди Кары, становился только больше. В этих движениях было что-то материнское: если бы какой-нибудь незнакомец вошел сейчас в комнату, он бы решил, что Ребекка – мать Софи. Кару словно молнией ударило в живот: если у доктора Грин будут плохие новости, то скоро Ребекка вполне может ей стать.

– У тебя красивые волосы, Соф. Тебе кудряшки идут куда больше, чем Джеку, – Ребекка улыбнулась Каре, которая попыталась улыбнуться в ответ. Ребекка старалась для них обеих, это было очевидно, и Каре следовало бы ответить взаимностью, как бы трудно ей ни было выглядеть веселой, когда единственное, чего она хотела, это сесть и развеветься от несправедливости всего этого. И когда Ребекка стала называть ее *Соф*? Кара была единственной, кто звал её так.

Софи просияла от комплимента. Затем наябедничала на Кару. – Мамочка хочет, чтобы я их обрезала.

– Я этого не говорила. Кара слышала, что ее голос звучал сдавленно, поэтому кашлянула, чтобы прочистить горло. *Соберись*. – Я просто сказала, что с ними было бы легче справляться, если бы они были короче. И я говорю это только, когда ты ругаешь меня за то, что я пытаюсь их распутать. Может, если бы ты сидела у меня так же тихо, как сейчас с Ребеккой, я бы этого не говорила.

Софи уставилась вперед, даже не взглянув на нее.

– Ребекка не делает мне больно.

Софи не была виновата в том, что эти слова задела Кару. Ребекка подняла странного вида расческу. – Она называется Tangle Teezer. Мне её посоветовала подруга. Отлично справляется с запутанными волосами.

Кара кивнула, не решившись заговорить. Просто еще одна вещь из списка того, что Ребекка делала лучше, чем она. Она должна была

радоваться тому, что Софи была счастлива; радоваться тому, что Ребекка хотела проводить время с её дочерью, давая ей то, что она хотела. Какой же матерью она была, если это её не радовало? Просто ужасно, совершенно и полностью ревнивой?

Ребекка закончила заплетать безупречную косу и огляделась в поисках резинки для волос. – Черт, я оставила новые резинки в сумочке на кухне. Она протянула конец косы Каре. – Можешь подержать его буквально секунду?

– Конечно, – Кара поднялась с дивана, ноги налились свинцом. Она держала кончики волос Софи, чтобы коса не расплелась, обнажая ее красивую шею, мягкий пушок, идущий, как шов, от нижней части линии роста волос. Это всегда было ее самым щекотливым местом. Когда Софи была маленькой, Каре нужно было всего лишь слегка подуть туда, чтобы Софи начала хихикать. Сейчас она наклонилась вперед и прикоснулась губами к теплomu изгибу там, где шея Софи переходила в плечо.

Софи дернула плечом. – Прекрати, мамочка, ты испортишь мне прическу.

Прежде чем Кара смогла ответить, Ребекка вернулась с пакетом резинок для волос, украшенных маленькими красными бантиками. Когда она успела их купить? – Нашла!

Кара проглотила ком в горле. – Ты не заставишь ее носить их. Она ненавидит красный, верно, Софи? Она сделала ударение на последнем слоге имени.

Софи скосила глаза, но ее лицо по-прежнему было обращено вперед. – Вообще-то, красный – мой новый любимый цвет.

С каких это пор она стала начинать предложения со слов вроде «вообще-то»? К тому же Кара могла бы догадаться, какой любимый цвет Ребекки, еще до того, как она спросила. Она рухнула обратно на диван. И наблюдала, как Ребекка закрепила резинку на нижней части косы, а затем помогла Софи встать с кухонного табурета, чтобы та могла сбегать в ванную и полюбоваться собой.

Ребекка посмотрела ей вслед, а затем с улыбкой повернулась к Каре. – Удивительно, как всё порой возвращается. Я помню, как часами укладывала волосы себе или своей сестре.

– Ну, думаю, теперь у тебя будет работа на всю жизнь. Софи захочет перепробовать все прически, потому что теперь она знает, что

ты мастерски работаешь расческой, – она не хотела, чтобы это прозвучало горько, но было трудно не позволив скопившейся желчи прорваться в слова.

Ребекка выглядела пораженной. – Ты ведь не возражаешь, правда?

Кара пожала плечами. – Конечно, нет. Ты оказала мне услугу. Теперь, когда у нее есть собственный парикмахер на дому, она не будет бегать за мной.

Ребекка кивнула, посмотрела на расческу в своей руке.

Вбежала Софи. – Выглядит потрясающе. Мамочка, ты сможешь меня сфотографировать? Сможешь? На свой телефон.

Кара заставила себя улыбнуться. Она была мелочной, и было нечестно портить радость Софи. – Конечно. Он у меня в сумке в спальне. Почему бы тебе не сбежать за ним?

Софи снова убежала, ее коса болталась из стороны в сторону.

Как только она оказалась достаточно далеко, чтобы услышать их, Ребекка повернулась к Каре. – Прости, если я переступила черту. Я просто...

Каре стоило бы извиниться за свой тон. Стоило бы сказать, что она рада, что Ребекка могла сделать это для Софи. Что ей приятно, что она проводила с ней время, узнавая ее получше. Но она просто злилась, сильно злилась, и не могла это сейчас контролировать.

– Ничего страшного. Я не очень хорошо себя чувствую, и мне нужно много всего обдумать, – Кара вытерла слезы тыльной стороной ладони, прикусила губу, чтобы снова не расплакаться.

Ребекка, кажется, не знала, что сказать, поэтому снова взялась за избитые фразы. – Ты прокручиваешь в мыслях свой визит ко врачу? Постарайся не думать о худшем. Постоянно появляются новые методы лечения. Если ты продолжишь бороться, ты победишь его.

Конечно, она продолжит бороться. Она будет бороться изо всех сил, чтобы провести как можно больше времени с Софи. Но она должна была быть реалисткой. Строить планы на будущее Софи, планы, в которых её уже не будет. Как бы больно это ни было. Потому что разве не это должна была делать каждая мать? Ставить своего ребенка выше себя? Она услышала, как Софи бежит вниз по лестнице, поэтому никак не отреагировала. Просто стиснула зубы и кивнула.

Софи вбежала в комнату, держа перед собой телефон Ребекки, казалось бы, совсем забыв о том, что она должна была принести

телефон Кары. – Твой телефон был на лестнице. Он всё звонил и звонил.

Ребекка забрала его у нее. – Спасибо. Наверное, я оставила его там, когда искала в сумке резинки для волос. – Она взглянула на экран и поморщилась. – Я должна ответить.

Она прошла на кухню и оставила их наедине. Софи покачивалась от радости, но держала голову прямо, чтобы коса не растрепалась.

Кара подмигнула ей. – Покрутись для меня еще раз.

Софи медленно повернулась, чтобы Кара могла разглядеть её со всех сторон. Она выглядела такой взрослой с убранными с лица волосами. Как если бы Кара на мгновение увидела молодую женщину, которой она станет.

Ребекка недолго разговаривала по телефону, и когда она вернулась в комнату, у нее было очень странное выражение лица.

– Это была невеста, чью свадьбу я координирую в эту субботу. Саманта, с которой Софи познакомилась две недели назад. У одной из «цветочных» девочек ветрянка, и она не сможет приехать на свадьбу. – Она многозначительно посмотрела на Кару и кивнула в сторону Софи, очевидно, не желая говорить всё прямо и обнадеживать ее, прежде чем Кара скажет, что всё в порядке.

Как будто Кара могла ее остановить. – Она хочет, чтобы Софи была одной из них?

Резкий вдох Софи был явным знаком того, что она не догадывалась, что Ребекка имела в виду именно это, а еще то, что она была бы в полном восторге поучаствовать в этом. Она посмотрела на Ребекку, которая кивнула. – Да. Она думает, что Софи того же роста.

– Я не уверена, что Софи захочет этого, верно, Софи?

Кара сделала лицо настолько серьезным, насколько только могла, чтобы подразнить свою дочь, которая прыгала вверх-вниз и визжала. – Да! Да! Пожалуйста! Можно? Можно?

Кара посмотрела на Ребекку. – Думаю, это означает – да.

– Отлично. Я перезвоню Саманте и спасу ее от страданий. Небеса запрещают ей иметь нечетное количество цветочных девочек. Софи, кажется, в субботу тебе сделает прическу настоящий профессионал. А не притворный, как я.

Софи смотрела на Ребекку так, словно та была феей-крестной. Кара почти чувствовала, как ее сердце сжимается в груди.

Глава 28

РЕБЕККА

В десять утра субботы дом родителей Саманты светился как рождественская елка. Куда бы она ни посмотрела, везде были гирлянды. Лицо Софи было почти таким же сияющим, когда они вышли из машины – должно быть, это место казалось ей дворцом.

Когда она увидела платье, которое ей предстояло надеть, она выглядела так, как будто и правда наступило Рождество. – Оно такое красивое.

Как и предсказывала Саманта, платье идеально сидело по фигуре. Бледно-голубой шелк, маленькие рукава-крылышки, юбка длиной до икр – Софи выглядела прекрасно. Она так долго крутилась на месте, что у нее закружилась голова.

Весь верхний этаж дома был отведен под подготовительную зону. Визажисты в одной спальне, парикмахеры в другой, платья – в третьей. На этой большой прямоугольной площадке было столько же людей, как в вестибюле станции Ливерпуль-стрит, разве что украшений здесь было больше.

Ребекка еще не могла приблизиться к Саманте, так как та была окружена женщиной, вооруженной расческой, и силовым полем из лака для волос, но теперь она махала ей рукой. Софи крепко держала ее за руку.

Саманта выглядела как кинозвезда. Ее светлые волосы были уложены крупными волнами, а макияж был произведением искусства. Закутанная в белый халат, она потягивала розовое шампанское из стеклянного бокала на блестящей ножке. И когда она протянула им навстречу руки, её объятия были такими же широкими, как и её улыбка.

– Софи, детка, ты выглядишь просто великолепно в этом платье. Огромное спасибо, что согласилась стать моей экстренной маленькой подружкой невесты; у меня есть для тебя еще один маленький подарок. Хочешь, чтобы тебе сделали макияж?

Софи посмотрела на Ребекку глазами, большими, как чайные блюдца, как щенок, выпрашивающий угощение. – Можно? Пожалуйста!

О, божечки. Она не подумала спросить Кару о подобном, а после реакции Кары на заплетение волос в четверг, она не хотела снова выходить за рамки. К тому же, она не хотела звонить ей сейчас, опасаясь, что она спит. Из-за последствий химиотерапии её рвало рано утром. Ребекка посмотрела в сторону одной из других девочек, которая была на седьмом небе от счастья, пока визажист наносил тени на ее веки. – Эм, а тебе раньше делали макияж?

Саманта закатила глаза. – Они профессионалы, Ребекка. Они не будут покрывать её косметикой с ног до головы. А совсем чуть-чуть не повредит.

Ей легко было говорить. Это не она несла ответственность за чужого ребенка. Она оглянулась на Софи, которая кусала губы от нервного возбуждения. – Ладно. Но если совсем немного.

Она повернулась, чтобы проводить Софи к месту, где расположилась косметолог, но Саманта схватила ее за руку. – Можно поговорить с вами?

Казалось, она нервничала из-за чего-то. Хотелось верить, что это было что-то, что можно было быстро решить. Сейчас, когда Ребекка была здесь с Софи, а не в забронированном помещении, она хотела позвонить им и проверить всё напоследок. Она наклонилась. – Не хочешь пойти и посмотреть на макияж, Соф? Я подойду через минуту.

Софи казалась неуверенной в том, можно ли ей уйти, но Саманта легонько подтолкнула её. – Бегом. Иди, пока она не передумала насчет макияжа.

Соблазн попробовать помаду оказался сильнее, чем ее страх идти одной. Софи отпустила руку Ребекки. – Ты скоро приедешь?

– Обещаю, – кивнула Ребекка.

Как только Софи ушла, Саманта понизила голос. – Я не решалась показать моей маме план рассадки до сегодняшнего утра. Она с ним не согласна и считает, что моя мачеха не должна сидеть за главным столом. По её мнению, с моей стороны должны быть только она и мой отец.

О чем она только думала, оставив эту новость на день самой свадьбы? Но не то, чтобы она могла спорить с невестой прямо

сейчас. – Хорошо. Но вы, очевидно, хотите, чтобы ваша мачеха сидела именно там?

Саманта скорчила гримасу. – Конечно, я хочу, чтобы она сидела именно там. Они с моим отцом были вместе с тех пор, как мне исполнилось десять. Я люблю ее и хочу, чтобы она была частью всего этого.

Ребекка на минуту отвела взгляд от Софи и повернулась к Саманте. – Значит, она должна быть там. Это ваша свадьба.

– Знаю. Но я хочу, чтобы сегодня все были счастливы. Саманта сложила руки в молитвенном жесте. – Не могли бы вы поговорить с ней, пожалуйста?

Вот почему она ненавидела проводить свадьбы. Всегда был какой-то личные проблемы, который нужно было уладить. У Иззи это получалось намного лучше, чем у нее. Не сводя глаз с Софи, которая была в восторге от огромного выбора косметики, выставленной на столике, Ребекка пересекла лестничную площадку и направилась в спальню напротив, где мать Саманты, Шерил, сидела за туалетным столиком с бокалом шампанского в одной руке и телефоном, в котором она что-то листала, в другой. Было легко понять, откуда у Саманты такая внешность – ее мать была невероятно красивой. И злой.

Ребекка потерла ладони друг о друга и нацепила профессиональную улыбку.

– Здравствуйте. Шерил? Я Ребекка, координатор. Мы встречались в доме Саманты пару недель назад.

– Конечно, – Шерил подняла глаза. – Я помню. И теперь вас послали сюда, чтобы успокоить меня по поводу главного стола?

Ребекка улыбнулась. – Саманта переживает, что вы расстроены. Мне жаль, что она не показывала вам план рассадки до сегодняшнего дня.

– Вам не стоит извиняться, – Шерил сузила глаза. – Моя дочь унаследовала хитрость от своего отца. Она знала, что мне это не понравится, поэтому она оставила это на последний момент. Наверное, думала, что я не буду устраивать скандал, когда дело будет уже сделано.

– Понимаю, – Ребекка сделала паузу. Часто она обнаруживала, что если оставить людям возможность говорить, они рассказывали ей

больше, чем планировали. Если ей действительно везло, то они часто сами, во время беседы, решали первоначальную проблему.

Шерил потребовалось всего двадцать секунд молчания, чтобы расколоться.

– Чего вы не понимаете, так это того, что последние пятнадцать лет мне приходилось делить Саманту с ее отцом и его женой. Я не противна этой женщине, да и я не испытываю к ней неприязни. Честно говоря, мне жаль ее, потому что она замужем за моим бывшим супругом, который тот еще идиот. И Саманта права: она была очень добра к ней на протяжении многих лет, и я рада этому. Ее голос немного дрожал, и она отпила глоток шампанского, прежде чем продолжить. – Но это свадьба Сэм. И я ее мать. Я думала об этом дне с тех пор, когда ей было еще около двух лет. Я просто не хочу делить ее сегодня ни с кем.

Под идеальным макияжем и накладными ресницами глаза Шерил слезились. Она умело провела салфеткой под нижним веком, чтобы слезы не размазали подводку. Ребекка не могла не думать о Каре, о том, какое выражение лица у неё было вчера, когда она заплетала волосы Софи.

– О, я знаю, что веду себя глупо, – Шерил вздохнула. – И эгоистично. Конечно, она может посадить за главный стол, кого захочет. Я оказалась более эмоциональна, чем думала. Просто, – она махнула салфеткой в сторону Саманты, – она такая красивая, и я так горжусь ею, но она больше не мой ребенок. Вот, что я поняла, наблюдая за ней.

Ее нижняя губа задрожала, и Ребекка потянулась к ее руке. – Она всё еще ваш ребенок.

Шерил покачала головой. – Нет. Это то, что люди говорят, чтобы успокоить вас. Но это неправда. И это происходит так быстро.

Ребекка оглянулась, чтобы проверить, как дела у Софи. Та сосредоточилась на том, чтобы не двигаться, пока ей наносили помаду; было невозможно не улыбнуться тому, как мило она выглядела.

Шерил проследила за ее взглядом. – Ваша маленькая девочка еще совсем крошка, но, обещаю, вы всего лишь моргнете и окажетесь прямо на моем месте. Будете выставять себя дурочкой, глупя и драматизируя. Скажите Саманте, что я перестану устраивать сцену. На самом деле, я возьму себя в руки, а потом пойду и скажу ей это сама.

Ребекка начала было говорить, что Софи не ее дочь, а затем замолчала. Может, однажды она окажется на месте мачехи на свадьбе Софи. – А что, если я сейчас попрошу фотографа сделать несколько снимков вас с Самантой вместе? Прежде чем мы отправимся в церковь?

– Да, это отличная идея. Спасибо, – Шерил сжала ее руку.

Но прежде чем поговорить с фотографом, Ребекка сама хотела сделать несколько снимков. Когда она подошла к Софи, та спрыгнула со стула и улыбнулась Ребекке, которая протянула руку и убрала волосы с ее глаз. – Ты прекрасно выглядишь, Софи. Может, сделаем пару твоих фотографий и отправим их мамочке?

Последние несколько дней она провела, пытаясь осознать, как тяжело ей будет стать матерью Софи. Она даже не задумывалась о том, насколько тяжело Каре было наблюдать, как Ребекка занимает ее место. Это помогло взглянуть на заплетение косы под другим углом. Дело было не в том, что Кара не хотела, чтобы Ребекка сближалась с Софи; просто для неё было очень тяжело. Прежде чем отправить фотографию, она написала короткое сообщение Каре:

Твоя дочь выглядит прекрасно.

Немного поколебавшись, она отправила те же снимок и сообщение Джеку. Возможно, он был прав. Она торопила события. У Кары была назначена встреча с доктором Грин через два дня. После неё, они смогут сесть все вместе и составить план своего будущего. Ради будущего Софи.

Глава 29

КАРА

В понедельник Кара приняла предложение Джека использовать его учетную запись в приложении такси, чтобы добраться до больницы и обратно. По дороге водитель такси попытался втянуть ее в разговор об изменении погоды и о том, какую радиостанцию она предпочитает, прежде чем воспринял ее односложные ответы как знак того, что она предпочла бы остаться наедине со своими мыслями. Теперь она прислонилась лбом к прохладному окну, наблюдая за каплями дождя, стекающими снаружи. Иногда две или три капли сталкивались друг с другом, образуя более крупный ручеек, как притоки, соединяющиеся с рекой. Каждая ее клеточка была сосредоточена на этом приеме. Хорошие новости были маловероятны, но шанс должен был быть. Осталась ли хоть *какая-то* надежда? *Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.*

Кабинет доктора Грина был небольшим, – в конце концов, это была Национальная служба здравоохранения, – но стулья были более удобными, чем в приёмной. Как всегда, доктор Грин протянула руку, чтобы указать Каре на стул напротив. Всё это было знакомо. Как только Кара села, доктор Грин заговорила. – Рада вас видеть, Кара. Не буду ничего приукрашивать, потому что знаю, вы предпочитаете, чтобы я говорила всё прямо. Химиотерапия не оказала того эффекта, на который мы рассчитывали, и не уменьшила количество новых опухолей.

Несмотря на то, что она ожидала этого, по спине Кары пробежал холодок, как струя ледяной воды. Несмотря на то, что она чувствовала себя почти парализованной страхом, она должна была задать следующий вопрос. – Что это значит? Мы попробуем что-нибудь еще?

Лицо доктора Грин было воплощением сочувствия. – Больше ничего нет.

Ей показалось, будто кровь в ее венах стала ледяной. Как бы она ни старалась, этот холод всё равно просочился в её голос. Он звучал

так, словно доносился из конца длинного туннеля. – И что? Мы просто сдаемся?

Доктор посмотрела ей в глаза. – Я понимаю ваш гнев. Но мы бросили на эту борьбу всё, что могли. Даже мы, медики, еще многого не знаем о раке яичников.

Она злилась, но это были не те вспышки горячего гнева, которые случались у неё раньше. Сейчас он был более ледяным и сильным. Он пришел откуда-то из глубины. – А что насчет испытаний? Вы же постоянно ищете людей для тестирования новых лекарств? Я попробую, что угодно. Сделаю, что угодно. Должно же быть что-то, что вы можете протестировать!

Доктор Грин наклонилась вперед. Неподдельная печаль в ее глазах заставила Кару испугаться еще сильнее. – Кара, твое тело через многое прошло. Оно очень слабо. Не думаю, что оно выдержит даже новую порцию химиотерапии.

Это было нелепо. Если выбора не будет, ее тело выдержит всё, что потребуется. – Мне всё равно, я буду стараться, я буду бороться, я буду...

Доктор протянула руку и накрыла её ладонь своей. – Кара. Вас бы не приняли ни на одно испытание.

Так вот в чем дело. Она была им не нужна. История ее жизни. Она плотно сжала губы. Она не собиралась плакать здесь. Не собиралась.

Доктор подождала несколько мгновений, а затем заговорила. – Я знаю, что это сложно принять, но нам нужно поговорить о паллиативной помощи и... и мы не располагаем такой роскошью, как большой запас времени.

Кару затошнило. Она закрыла глаза, воспринимая это. Затем открыла их, чтобы задать самый страшный вопрос в ее жизни. – Сколько у меня времени?

Доктор снова сделала паузу. Всё происходило как в замедленной съемке. – Я не могу сказать точно. Возможно, несколько месяцев. Если нам повезет.

Кара прикусила губу. *Нам?* Ей захотелось закричать. *Нам?* Не было никакого нам в этом кабинете.

Доктор продолжила. – И, очевидно, вам нужно подготовить свою дочь. Составьте план. Вы звонили в группу поддержки больных раком по номеру, который я вам дала? Когда Кара покачала головой, доктор

не выглядела удивленной. – Вы должны это сделать. Они могут помочь, Кара. Они могут поговорить с вами обеими. Помочь вам подготовиться.

Подготовиться? Как она собиралась подготовить Софи к этому? Как она могла сказать своей четырехлетней дочери, что та навсегда потеряет свою мать? Но было несправедливо вымещать свой гнев на докторе Грин: она сделала всё, что могла. – Я знаю.

Доктор Грин снова похлопала ее по руке и откинулась на спинку стула. – Хорошо. Тогда давайте поговорим о вас и о том, что мы можем сделать для вас, начиная с этого момента.

Когда она вышла из такси, то не спеша побрела по дорожке к дому Джека и Ребекки, откладывая неизбежное. За последние несколько недель этот дом стал для нее таким родным. Станет ли он первым домом, который запомнит Софи? Забудет ли она о том, что они когда-то жили в однокомнатной квартире с протекающими кранами в ванной и бойлером, по которому приходилось стучать ладонью, чтобы тот заработал?

Оказавшись внутри, она с облегчением закрыла за собой дверь. Несколько мгновений она просто стояла у двери, прислонившись к ней спиной, закрыв глаза, пытаясь вернуться в свое тело, прежде чем увидела Софи. Всё, чего ей хотелось, это лечь на кровать и позволить сну лишить ее сознания. Но это было бы несправедливо.

Первым через дверь просочился смех Софи. Затем – шепот Ребекки. О чем они говорили? Софи вообще скучала по ней? Боже, это было эгоистично. Разве она не этого хотела? Чтобы Ребекка и Софи сблизилась? Разве не ради этого всё затевалось? Для ревности не было времени.

Она сделала глубокий вдох и выпрямилась. *Ставишь одну ногу перед другой.*

На кухне Софи рисовала картинку вечеринки. По крайней мере, так это выглядело. Кара поцеловала ее в макушку. – Привет, милая, отличный рисунок.

Софи развернулась на стуле. – Мамочка! Ты дома! Она встала, обвила руками шею Кары и обняла её. – Я рисую свадьбу для своего п... перфоллио. Ребекка дала мне папку. Она точно такая же, как у нее.

Ребекка забрала Софи из детского сада по дороге домой от Иззи. Она улыбнулась Каре из-за своего открытого ноутбука. – Мы вместе работали. Как всё прошло?

Кара не собиралась вдаваться во все детали при Софи. Может, у нее было не так много времени, но она не могла торопить события. Всё это нужно было обдумать. – Я расскажу об этом позже. Ты не против, если я прилягу? Софи, не хочешь подняться со мной наверх?

Ребекка всматривалась в её лицо, выискивая в нём подсказку, но у Кары ее сейчас не было. Позже ей придется встретиться с Джеком и Ребеккой и передать им всё, что сказал доктор Грин. Однако единственное, чего ей хотелось прямо сейчас, это свернуться калачиком в постели с Софи на руках и притвориться, хотя бы ненадолго, что они были дома, в своей квартире, только вдвоем, и что всё это было ненастоящим.

Глава 30

РЕБЕККА

Видя детские игровые площадки издалека, Ребекка всегда считала, что это веселые, мирные и безопасные места для семей. Но уж точно она не думала, что они были настолько опасными, что ей приходилось ястребом кружить вокруг Софи на случай, если та упадёт, ударится или поцарапается.

– Осторожнее! – это был уже третий раз, когда она сказала это Джеку с тех пор, как они приехали сюда. Почему он поднимал Софи на вершину опасно высокой горки, а затем просто... отпускал ее? Разве он не собирался хотя бы придерживать её? Она не могла на это смотреть.

Джек повернулся и улыбнулся ей. – Прекрати паниковать. Ей это нравится.

После того, как Кара два дня назад рассказала им свои новости, он взял пару выходных на работе. И сейчас она впервые с того дня видела, как он улыбался. С того момента на их дом опустилась тяжелая атмосфера страха. Кратко объяснив свой прогноз, Кара не захотела обсуждать его дальше. И Джек тоже. Они словно притворялись, что ничего не происходило.

Когда Кара вернулась домой после приема у врача, по её лицу стало ясно, что хороших новостей у нее не было. Она улыбнулась Софи, как будто всё было в порядке, но её состояние не улучшилось. Не было ничего хорошего. Никакой надежды.

Когда Джек вернулся домой, а Софи легла спать, у неё ушла всего пара минут на то, чтобы объяснить итоги поездки. Рак был неизлечим, а опухоли росли. Четвертая стадия. Смертельная.

Первым заговорил Джек. – Кара, мне так жаль. Поверить не могу, что это происходит с тобой.

И без того худая, она стала еще более тощей. Почти четыре недели назад она сидела на том же стуле и казалась жесткой и злой. Сейчас она занимала хорошо если треть сидухи. Скрестив ноги, она

словно исчезала. – Я тоже. Никогда не думала, что это дерьмо прикончит меня. Я была готова болеть и дальше, проходить новые курсы лечения, но не... – ее голос дрогнул, поэтому она замолчала, прикусив нижнюю губу. – Глупо, да?

Если это и было глупо, то все они были виновны в этом. Разве Ребекка и Джек не рассчитывали на тоже самое? Ребекка даже показала Джеку новый жилой комплекс, который строился неподалеку, чтобы посмотреть, есть ли у них что-нибудь подходящее для Кары и Софи.

В тот момент Джек всё еще не терял надежды. – И больше они точно не могут? Может, спросить мнение другого специалиста? Пойти к частному врачу? Должно же быть что-то...

– Нет. Поверь, я спрашивала. – Кара медленно покачала головой. – Я погуглила. Доктор Грин – одна из ведущих консультантов по лечению рака яичников. Она сделала все, что могла.

Теперь Софи была на вершине деревянного игрового комплекса в форме корабля и отчаянно махала руками. – Ребекка! Посмотри на меня! Смотри, как я высоко!

Джек стоял ниже нее, но тоже смотрел в сторону Ребекки. Что, если бы Софи упала?

– Джек. Не спускай с нее глаз. Не смотри на меня.

Софи хихикнула и побежала по веревочному мосту, который тянулся от носа до кормы. Всё, что Ребекка могла видеть, так это то, как нога Софи проваливается в щель и ломается, как веточка. Откуда взялась эта тревога? Это было какое-то безумие. – Джек, пожалуйста, следи за ней.

– С ней все в порядке, Бек. Перестань нервничать.

Джек бежал трусцой рядом с веревочным мостом, не отставая от Софи, и каждая его клеточка выдавала гордого отца. Насколько ей было известно, он никогда раньше не водил детей в парк. Как он мог отнестись к этому так спокойно? Почему он не боялся, как это делала она, что Софи может пораниться? Одно дело – присматривать за ней дома, но в большом, огромном мире заниматься этим было намного сложнее. Намного сложнее.

Джек протянул руку и помог Софи спуститься с моста, раскручивая ее, пока у той не закружилась голова. По крайней мере, теперь она была ближе к земле, хотя и казалось, что ее руки вот-вот

выскочат из суставов. Ребекка не была уверена, что сможет выдержать еще одно такое опасное восхождение. – Софи, тут есть песочница. Хочешь поиграть там?

Софи вывернулась из рук Джека и побежала к маленькой песочнице с игрушечным домиком в её центре. Джек и Ребекка сели на скамейку рядом с ней...

Поморщившись, Джек вытер руки о джинсы.

– На нижней части этого веревочного моста было что-то липкое, и я знать не хочу, что это такое.

Ребекка сморщила нос. – Может, тогда отодвинешься от меня подальше? Она ткнула его локтем. – Знаешь, ты хорошо смотришься, бегая за Софи. Тебе это идет. Быть отцом.

Он посмотрел на нее так, словно проверял, не смеется ли она над ним. – Мне это нравится больше, чем я ожидал. Она забавная. Сорвиголова. Как и ее мать.

Ребекка почувствовала, как у нее скрутило живот. Может, Кара смотрела на Софи и видела в ней миниатюрную версию себя? Делало ли это ее счастливой?

Джек кивнул в сторону Софи, которая заполняла маленькое желтое ведро песком, используя при этом ярко-розовую пластиковую раковину; сосредоточенность на ее лице казалась почти комичной. – Я просто продолжаю смотреть на нее. Она такая маленькая, совсем ребенок, на самом деле. Бегает по ступенькам и скатывается с горки так, словно у нее нет никаких забот в мире. Но мы знаем, что скоро случится. Она же и понятия об этом не имеет. Это жестоко.

У Ребекки были те же мысли. Кара была для Софи целым миром. Как она могла понять, какой будет ее жизнь без матери? Что они собирались ей сказать? Как они это объяснят?

Вчера она попыталась обсудить эту тему с Карой. Они вдвоем готовили ужин, пока Джек был наверху и читал Софи. Момент показался ей подходящим, чтобы обсудить этот вопрос. – Ты уже думала о том, что ты собираешься сказать Софи? Я имею в виду, может, в больнице тебе дали какие-то рекомендации о том, что говорить вашему ребенку?

Кара мгновенно напряглась. С силой провела овощечисткой по моркови. – Я их не спрашивала.

Возможно, ей следовало воспринять это как сигнал остановиться, но должен же быть какой-то план? Кара просто избегала думать об этом? Ребекка могла ей помочь. – Уверена, они дадут тебе пару советов, если ты спросишь. Честность, как правило, лучшая...

Кара так резко повернула голову в сторону Ребекки, что та чуть не отступила на пару шагов. – А как я могу быть с ней честной? Если я сама не знаю, когда это случится?

Ребекка попыталась пойти на попятный. – Извини, я просто подумала, что...

Лицо Кары покраснело. – Всю нашу жизнь я была тем единственным человеком, который всегда присматривает за ней, который всегда был рядом с ней. Что бы ни случилось, я забирала её из садика. Клеила пластырь на поцарапанные коленки. Учила ее пользоваться ножом и вилкой. Объясняла ей, почему люди могут быть злыми. Как я могу сказать ей, что я её брошу?

Сердце Ребекки разрывалось из-за нее, это действительно было так. Но Софи нужно было узнать правду до того, как она сама обо всём догадается. – Я представить не могу, насколько это сложно. Но именно ты должна сказать ей об этом. Разве не будет хуже, если она однажды проснется, а тебя не будет рядом? Ты должна подготовить её.

Глаза Кары вспыхнули гневом. – Ты не мать. Как ты вообще можешь это понять? Думаешь, я и так недостаточно чувствую себя виноватой? Мне не нужно, чтобы ты заставляла меня чувствовать себя еще хуже.

Ты не мать, поэтому ты не можешь понять. Это был девиз всех родителей, которых она знала. Раз у нее не было своих детей, то она не могла понять то, через что они проходили. Это было такое простое решение. Им не нужно было объяснять свои решения или мысли, ведь она всё равно – не могла понять.

Она не стала давить сильнее, пока Кара была расстроена, но это действительно беспокоило ее. Этим утром она отнесла Каре завтрак и извинилась. Та выглядела такой измученной, что Ребекка неожиданно для самой себя предложила сводить Софи в парк, чтобы дать Каре отдохнуть. Её согласие было хорошим признаком того, что она, возможно, простила ее. Когда она подошла к двери, Кара окликнула её.

– Ребекка.

– Да?

– Прости меня. За то, что вот так набросилась на тебя. Я не привыкла, что кто-то говорит мне, что делать с Софи. Этим всегда занималась только я.

– Я просто беспокоилась о ней.

Кара улыбнулась, ее лицо смягчилось. – Я знаю. И я рада этому. Я скоро расскажу ей. Просто дай мне ещё пару дней.

Глава 31

КАРА

Кара проплакала целый час после того, как они ушли в парк.

За все годы с момента рождения Софи, она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Даже когда Софи была совсем крошкой, а она лежала по утрам на диване в их квартире, смотрела телевизор, уменьшив громкость настолько, чтобы не разбудить детей Даниэль, с Софи на руках и чашкой холодного кофе на столе. Им этого было достаточно, ведь их было двое.

Даниэль не раз предлагала ей начать встречаться с кем-нибудь, заявляя, что Каре вредно всю жизнь мотаться между работой и домом, не уделяя времени на себе, на развлечениям. Как и обычно, она не сдерживалась в словах...

– Что будет, когда Софи вырастет и уедет? Ты останешься одна. Но к тому времени ты будешь слишком старой и дряблой, чтобы найти себе кого-нибудь.

Кара рассмеялась и бросила в нее сырную лепешку, отказавшись даже смотреть на профили в Tinder, которыми Даниэль помахала у нее под носом. Она не хотела и не нуждалась больше ни в ком.

Но как только этим утром Ребекка закрыла входную дверь, и Кара больше не могла слышать взволнованную болтовню Софи о том, в какой именно парк они пойдут, – с голубой горкой или же с игровым комплексом в виде пиратском корабле, – тишина дома опустилась на нее, как саван. И она почувствовала себя такой одинокой, как никогда раньше.

Должно быть, она плакала, пока не уснула, потому что она проснулась от вибрации, когда зазвонил ее мобильный. Ребекка прислала ей фотографию Софи рядом с кривобоким замком из песка; улыбка растеклась по ее лицу, как малиновое варенье. У Кары перехватило дыхание. Когда она успела так повзрослеть? Контуры ее лица утратили детскую мягкость. Насколько еще она может измениться? И как долго еще Кара сможет смотреть, как она растет?

Все те моменты, которые она принимала как должное. В сотый раз вместе смотреть «Холодное сердце»; слушать, как Софи с мучительными подробностями объясняет, почему она ненавидит морковь; смотреть, как она рисует их портреты, которые Каре приходилось хранить вечно, потому что Софи никогда не позволяла ей забыть тот единственный раз, когда она нашла свой рисунок в мусорном ведре. Миллион крошечных, незначительных, незаменимых моментов.

Иногда по ночам Софи пробиралась в постель Кары, и та проснувшись, обнаруживала, что острые маленькие коленки дочери прижимаются к ее пояснице, а пальцы путаются в ее волосах. До того, как Кара потеряла волосы из-за химиотерапии, Софи часто играла с ними. Убрав пальцы и откинув челку с глаз, Кара лежала, просто глядя на красивое лицо своей дочери на подушке. Ее губы слегка поджаты, ресницы чуть дрожали: как у нее могло получиться что-то настолько красивое? Как *они* могли создать что-то настолько красивое – она и Джек?

Она подозревала, что вот-вот может снова разреваться. Она не могла просто сидеть здесь и плакать: ей нужно было что-то *делать*. Оставшись одна в доме, она, по крайней мере, могла спуститься на кухню в пижаме, не рискуя ни с кем столкнуться. Однако, когда она попыталась встать, даже свесить ноги с кровати оказалось непросто. Впрочем, ей всё равно не нужно было выходить из комнаты кроме как в туалет: утром Ребекка не только принесла ей кофе и печенье, но и оставила поднос с едой и напитками на прикроватном столике. Чипсы, сэндвич в фольге, тарелочку с оливками, фрукты. Она всё еще чувствовала себя неловко из-за того, что набросилась на нее. Она просто пыталась помочь.

Это была еще одна вещь, с которой Даниэль приставала к ней последние полгода. *Ты должна научиться просить о помощи*. Хотя это было непросто. Она не привыкла к этому. Просьбы о помощи казались ей проявлением слабости. Слабость вела к уязвимости. А уязвимость вела к боли.

Под краем подноса с едой была спрятана брошюра от группы поддержки больных раком. Доктор Грин настояла, чтобы она взяла её. На обложке была фотография женщины, улыбающейся в телефонную трубку. *Приятно поговорить*.

Еда как будто издевалась над ней: ее желудок еще не был готов к твердой пище. Может, ей не стало бы плохо от чего-то жидкого? Ее рука дрожала, когда она налила в стакан воды из графина и развернула брошюру, чтобы прочитать ее. В ней был список вещей, о которых, по их мнению, она, возможно, захочет поговорить, когда позвонит. Понимание своего диагноза. Финансовые вопросы. Разговоры с семьей.

Кара закусила губу. Пришло время взглянуть правде в лицо. Лечение не помогло, и она должна была решить, как сказать Софи, что ее не будет рядом, и она не увидит, как та растет. Прежде чем она могла бы передумать, Кара набрала номер, указанный на лицевой стороне брошюры.

На звонок ответили после седьмого гудка. Кара сделала глубокий вдох. – Здравствуйте, я, эм... Мне нужен совет.

Женский голос на другом конце был спокойным и теплым. – Конечно. Меня зовут Джулия. Чем я могу вам помочь?

Кара уставилась на серебряный цветок на обоях. Если она будет опираться только на факты, то сможет это сделать. *Просто скажи это.* – Меня зовут Кара. У меня рак яичников в последней стадии. Мне нужен совет, как рассказать об этом моей дочери. Софи. Ей четыре. Она очень умная для своих четырех, но, знаете, она еще маленькая.

К счастью, Джулия не выразила никаких дурацких соболезнований. – Хорошо. Во-первых, скажите, как вы себя чувствуете?

Как *она* себя чувствовала? Она позвонила не для того, чтобы рассказать о себе. – Я в порядке. Просто немного устала. У меня только закончился последний курс химиотерапии, так что, знаете, не супер.

Джулия делала паузу каждый раз перед тем, как заговорить. Она всё записывала?

– Могу себе представить. И что вы думаете о своем прогнозе? Ваш врач всё вам рассказала? У вас остались какие-то вопросы?

Доктор Грин была потрясающей. Честно рассказывала обо всём. Кара не хотела сейчас вдаваться в подробности. – Вопросов нет. Кроме разве что желаний точно знать, сколько у меня времени. Этого мне никто не может сказать наверняка.

Еще одна пауза. – И что вы чувствуете по этому поводу?

Ради всего святого. Вот почему она раньше не звонила ни в одну из этих служб. Она не хотела сидеть и рассказывать незнакомцам о своих чувствах. Какой в этом был смысл? Единственная причина, по которой она звонила сейчас, заключалась в том, что ей нужно было узнать, как рассказать Софи о происходящем. В её груди разгорался огонь.

– Слушайте, я знаю, что у вас там, наверное, есть сценарий разговора, которого вы должны придерживаться, но я не хочу тратить ни ваше, ни свое время – мы можем просто поговорить о моей дочери? Что мне ей сказать?

Кара знала, что это прозвучало грубо, но ей было всё равно. Впрочем, ей показалось, что эта Джулия ни капельки не расстроилась.

– Прежде чем вы сможете что-то рассказать своей дочери, вам нужно разобраться в том, что происходит. Вот почему я спрашиваю вас о ваших чувствах. Прямо сейчас, в эту минуту, что *вы* чувствуете?

Кара крепко сжала телефонную трубку.

– Если вы и правда хотите это знать, то я злюсь. Я просто чертовски зла. Если бы у меня были силы, я бы с радостью ударила кого-нибудь или что-нибудь прямо сейчас.

Она была уверена, что после этого ее звонок будет завершен, но Джулия на этом не остановилась.

– Злиться вполне естественно, Кара. Вы оплакиваете саму себя. А злость – часть этого процесса.

Но это было нечто большее, чем просто злость. Это было не то чувство, которое она испытала, когда кто-то занимал парковочное место, на которое она уже нацелилась, или украл скутер дочери, на который она копила три месяца. Это была глубокая, жгучая, страстная ярость, от которой ей хотелось выть.

Может, причина была в том, что она не могла видеть лицо этой Джулии, или в том, что она была незнакомкой, или же в том, что Кара была одна в доме. Как бы то ни было, настойчивость Джулии в том, чтобы узнать, что чувствует Кара, мешала контролировать ее тлеющие эмоции.

– Знаю, наверное, вы постоянно это слышите, но почему я? Почему именно сейчас? Это просто так несправедливо. Софи слишком маленькая, чтобы потерять маму. Всё это просто неправильно.

Если она и слышала это сотни раз, Джулия этого не сказала.

– Вы правы. Это несправедливо по отношению к Софи. Но это несправедливо и по отношению к вам, Кара. Вы можете грустить и о себе.

Густая, горячая лава бурлила в животе Кары, угрожая вот-вот завладеть ею. Она так сильно сосредоточилась на Софи, на том, чтобы сделать все, что нужно, чтобы та была в безопасности. И что произошло теперь, когда всё это было улажено? Что происходило с ней, пока Ребекка и Джек вместе с ее дочерью играли в парке в счастливую семью? Сколько времени у нее было? Как всё случится? Ее будто током ударило: она была так сосредоточена на бытовых вопросах, что не подумала о реальности прощания с Софи. Как, черт побери, она могла попрощаться со своей прекрасной девочкой?

Всё, что кипело в ней, вдруг превратилось в пепел.

– Боже, я этого не вынесу. Я просто этого не вынесу.

Женщина на другом конце провода терпеливо ждала, пока Кара плакала.

– Не спешите, Кара. Милая, я никуда не денусь.

Как только слезы иссякли, Джулия спокойным и успокаивающим голосом рассказала ей о консультациях и о том, как они помогут ей справиться со злостью и отчаянием. Как только Кара пообещала, что позвонит по номеру, который дала ей Джулия, они вернулись к разговору о Софи.

– Хорошо. Итак, как вы думаете, что она уже знает?

Кара глубоко вздохнула и снова уставилась на серебряный цветок. – Я говорила ей, что мне нездоровится. Она знает, что мне пришлось лечь в больницу на операцию. Но я не упоминала слово – рак, потому что не думала, что ей известно его значение.

– Есть несколько действительно хороших иллюстрированных книжек для малышей, которые рассказывают о раке на понятном для детей языке. В конце нашего разговора я могу взять адрес вашей электронной почты и отправить вам несколько ссылок. Также я могу устроить вам встречу с кем-то из наших сотрудников.

На кончике языка Кары вертелись слова о том, что не нужно никаких встреч, но тут в ее голове зазвучал голос Даниэль. *Ты должна начать просить о помощи.*

– Спасибо, это было бы здорово, – Она замолчала и сделала глубокий вдох. Был один вопрос, ответ на который она действительно

хотела знать. – А если она спросит, умираю ли я? Должна ли я сказать ей правду?

– Не торопитесь, Кара. Сделайте глубокий вдох. Во-первых, можно сказать, что вы не знаете ответов на все ее вопросы. Она должна понимать, что вы честны с ней.

Ей легко было говорить, что не нужно торопиться, но что, если у нее заканчивалось время? – Мне нужно знать, что я должна ей сказать. Что я умру? И как мне это сказать?

Джулию было не так-то легко сбить с мысли.

– Я отправлю Джейми поговорить с вами. У нее большой опыт работы с маленькими детьми. Самое главное, чтобы ваша малышка знала, что кто-то всегда будет о ней заботиться. Джейми расскажет вам и о других вещах – некоторые из них будут в материалах, которые я отправлю вам по электронной почте, – но я думаю, что вам не стоит торопиться и лучше сначала разобраться во всем самой.

Как бы это ни раздражало, но, вероятно, Джулия была права. Сначала ей нужно было разобраться в этом самой. Кроме того, она должна была напомнить Джеку, как можно скорее внести его имя в свидетельство о рождении Софи. После этого ей нужно убедиться, что Софи знает, что она в безопасности и есть кто-то, кто позаботится о ней, если Кара этого не сможет. И, как бы это ни было больно, Каре нужно проводить как можно больше времени с Ребеккой, помогая той освоиться с ролью матери для Софи.

Глава 32

РЕБЕККА

– Привет, я правда вынуждена просить тебя об одолжении. Кара просунула голову в кухню; ее зеленоватая кожа и глаза, окруженные темными кругами, придавали ей такой вид, как будто она всю ночь тусовалась в городе.

Ребекка опустила крышку ноутбука. – Конечно, что тебе нужно?

– Не мне, а Софи. У неё температура. Может, это просто реакция на её восторг по поводу вчерашней вечеринки в честь Хэллоуина в детском саду, но мне придется оставить её дома, и я не могу... Я не могу находиться рядом с ней из-за моего низкого иммунитета. Я не могу рисковать подхватить что-нибудь.

Было очевидно что, ей стоило больших усилий попросить Ребекку о помощи. Которую она, конечно же, была готова оказать. Но ей самой чуть не стало дурно от этой мысли. Поездка в парк в среду заставила ее осознать, как много ей нужно узнать об уходе за Софи.

– Хорошо, но тебе придется сказать мне, что делать. Я понятия не имею, как ухаживать за больным ребенком.

Кара протянула маленькую фиолетовую коробочку и нечто, пугающе похожее на шприц. – С ней все будет в порядке. Я дал ей лекарство, оно собьёт температуру. Ей просто нужно пить много воды и принять еще одну дозу примерно через четыре часа. Мне жаль, но я правда не могу рисковать и находиться сейчас рядом с ней. Я останусь в своей комнате.

– Конечно, ты возвращаешься в постель. Я справлюсь. Просто расскажи мне всё, что я нужно сделать, и я запишу все детали, чтобы мне не нужно было тебя беспокоить.

Софи спустилась по лестнице, волоча за собой свое пятнистое одеяло. Она не выглядела совсем уж плохо, хотя об этом сложно было судить из-за ее естественно бледной кожи. Вероятно, это она тоже унаследовала от Кары. Джеку нужно было провести на солнце всего полчаса, чтобы стать орехово-коричневым. Как только Кара усадила ее

на диван, она вырвала лист бумаги из альбома Софи, записав на нем когда ей можно будет принять еще одну дозу лекарства.

– Вероятно, она не очень захочет есть, но будет здорово, если ты заставишь её что-нибудь выпить. – Она положила костлявую руку на лоб Софи. – Она всё еще горячая. Может, одеяло было не такой уж хорошей идеей.

Софи вцепилась в одеяло, как в спасательный плот. – Я хочу оставить его.

Кара погладила ее по макушке. – Хорошо, но если Ребекка скажет тебе убрать его, ты должна будешь сделать это. И выпей еще немного воды. Она взяла стакан со стола и вздохнула, когда Софи покачала головой.

Ребекка больше беспокоилась о том, чтобы Кара поскорее вышла из комнаты и ничего не подхватила. – У нас все будет хорошо. А ты иди. Правда. Это затянувшееся прощание заставляло Ребекку волноваться. Сколько времени нужно микробам, чтобы перепрыгнуть с одного тела на другое?

Кара встала, но не отошла от дивана. – Хорошо. Обычно я не бросаю ее, когда она болеет, но мне и правда нужно...

– Иди. – Ребекка указала на дверь, и Кара повиновалась. Когда она закрылась, Ребекка облегченно вздохнула, а затем улыбнулась Софи. – Итак. Чем ты хочешь заняться? Мне включить для тебя мультики?

Софи покачала головой. – Почитаешь мне?

Этим утром Ребекке нужно было сделать около пятидесяти телефонных звонков. Но ведь на книжку с картинками не нужно много времени. Потом она включит телевизор. – Что ты хочешь, чтобы я прочитала? У тебя есть книга?

Софи сунула руку под свое пятнистое одеяло, где она прятала *Груффало*. – Это моя любимая.

Ребекка присела на край дивана, открыла книгу и начала читать. Она добралась только до третьей страницы, когда Софи вздохнула. – Ты читаешь неправильно.

– Что ты имеешь в виду?

– Слова звучат неправильно.

Ребекка не читала детских книг с тех пор, как сама была ребенком. Мальчики ее сестры никогда не интересовались книгами, насколько она могла судить по встречам. Но это были просто слова на

странице, и она была уверена, что знала, как их читать. Может, ей нужно было сильнее выделить рифму в конце каждой строки. Она попробовала еще раз.

Софи покачала головой. – Нет, неправильно. Голоса. Когда мамочка читает книжку, она озвучивает всех персонажей.

Ребекка сильно сжала кончики пальцев. Она попробовала изменить голос для лисы, а потом... Нет. Это было нелепо. Она так не могла. – Может, тебе лучше подождать, когда мамочка поправится? Включить телевизор?

Софи снова покачала головой. – Почитай мне что-нибудь из них. Из твоих журналов. Вот тот, с тётей в платье.

Она указывала на брошюры, которые Ребекка выложила на стол. – Этот? Он просто о месте проведения свадьбы. Ты же не хочешь, чтобы я его читала?

– Хочу.

Что же, это бы разом убило двух зайцев. Ребекка пролистала несколько страниц, прежде чем она дошла до части, которую ей нужно было прочитать: Ресторан «Henley Grange» может обслужить до 250 гостей на ужин или 400 гостей в формате шведского стола. Мы предлагаем широкий выбор блюд, но наш потрясающий шеф-повар с радостью составит меню в соответствии с вашими пожеланиями.

Она посмотрела на Софи: как подобный текст мог быть интересен четырехлетке? Но Софи наклонилась, рассматривая глянцевые фотографии с художественными снимками стеклянной посуды и планами рассадки. Поэтому Ребекка продолжила. Софи подошла так близко, что положила голову на руку Ребекке. Она и правда была горячей. Вспомнив последние наставления Кары, Ребекка взяла стакан. – Может, выпьешь что-нибудь?

Софи сморщила лицо от отвращения. – Я ненавижу воду.

У Ребекки появилась идея. – А если я принесу тебе апельсиновую шипучку?

Глаза Софи загорелись. Кара не разрешала ей пить газировку, если только это не был какой-то особый случай. – Правда? Можно?

– Вернусь через минуту. – Ребекка не собиралась идти против желаний Кары. Шипучка, которую она приготовила для Софи, на самом деле состояла из минеральной воды и свежего апельсинового

сока. А чтобы придать ей еще больше сходства, она даже добавила в стакан бумажную соломинку.

К сожалению, Софи не удалось обмануть. Она сделала крошечный осторожный глоток, а потом высунула язык, как будто ее отравили. – Гадость. Это не апельсиновая шипучка! Ты сказала, что мне можно шипучку.

Плохое самочувствие показало ту сторону Софи, которую Ребекка раньше не видела. Это была не та вежливая маленькая девочка, которая жила в ее доме последние несколько недель. Она поставила стакан на кофейный столик. – Это шипучка и в ней есть апельсин. Если захочешь выпить – она будет тут.

– Когда мне плохо, мамочка готовит мне молочный коктейль.

Ребекка серьезно сомневалась, что это правда, но ей обязательно нужно было сделать работу в срок. – У меня нет продуктов, чтобы приготовить молочный коктейль, но я принесу тебе стакан молока, если ты посидишь тихонько и посмотришь мультики.

Софи скрестила руки на груди и решительно кивнула. – По рукам.

У Ребекки возникло неприятное чувство, что её обыграла четырехлетка. Тем не менее, она принесла стакан молока, придвинув поближе кофейный столик, чтобы Софи смогла до него дотянуться.

Включив мультики, она улизнула на кухню, чтобы позвонить. Она ждала, когда трубку возьмет Джеральдин Станниш, – коллега мужа Иззи, Тима, которой нужна была помощь, чтобы организовать благотворительный бал для клуба верховой езды, куда ходила ее дочь, – когда услышала стук и визг, а затем голос Софи. – Ребекка! Скорее! Я его пролила!

Место бойни, открывшееся ей, когда она вбежала в гостиную, выглядело так, словно в ход пошли четыре стакана молока, а не один. Возможно, причина была в том, что пролился еще и апельсиновый сок. – Как они оба могли пролиться?

Она не осознавала, что ее голос звучал резко, но Софи начала плакать.

– Где мамочка? Я хочу к своей мамочке.

Черт побери. Она могла разбудить Кару. – Все в порядке, Софи. Просто... просто дай мне минутку. Не плачь. Всё хорошо.

Она бросилась на кухню за кухонным полотенцем, а затем попыталась вытереть пролитое, всё еще зажимая мобильный телефон

между плечом и подбородком. Проклятое молоко растеклось просто повсюду, залив кофейный столик и капая на ковер. Если она его быстро не вытрет, то оно скоро начнет вонять.

Теперь Софи рыдала в голос. – Ты на-на-накричала на меня.

Ради всего святого, она *не* кричала. Ровно в тот момент, когда она собиралась объяснить это, ей в ухо рявкнул отрывистый, хорошо поставленный голос. – Джери Станниш. Вы та самая спасительница, которую мне обещал Тим?

Она нацепила улыбочливое деловое лицо. – Привет. Да, это я. Ребекка Фолкнер. Тим рассказал мне о вашем приеме, он звучит фантастически. Когда мы можем встретиться, чтобы вы озвучили мне свой бюджет и мы могли обсудить темы и идеи?

На заднем плане Софи снова и снова твердила как мантру: – Я хочу к мамочке. Ребекка умоляюще посмотрела на нее и приложила палец к губам.

На другом конце провода повисло молчание. – У вас там всё в порядке? Ваш ребенок плачет.

Ребекка старалась сделать так, чтобы ее голос звучал непринужденно. – О, это не мой ребенок, и у нас просто пролилось молоко. Просто дайте мне минутку и...

Она прижала телефон к груди, чтобы отключить микрофон, и потянулась, чтобы погладить руку Софи. Та отмахнулась от нее, плача всё громче и громче по мере того, как она расходилась. Её голос был таким громким, что у нее заболели зубы.

Успокоить ее было невозможно. Что могло сработать?

– Пожалуйста, перестань плакать. Я принесу тебе печенье.

Как будто выглянуло солнце: Софи перестала плакать и кивнула. – Да, пожалуйста.

Ребекка побежала на кухню, снова приложив телефон к уху. Простите, сейчас я дам ей печенье и мы сможем...

– Вообще-то, сегодня я очень занята, – перебила ее Джери Станниш. – Почему бы вам не перезвонить мне позднее, когда вы... решите свои домашние дела?

– Нет, правда, всё в порядке, я... – Ребекка замолчала. Джери Станниш положила трубку. – Черт. Черт. Черт.

С тремя диетическими печеньями – и новым стаканом молока – Софи наконец – то согласилась посмотреть мультфильмы по

телевизору. Ребекка глотнула кофе из чашки и набрала в пластиковую миску мыльной воды, чтобы оттереть молоко и апельсин с ковра. На самом деле она предпочла бы выпить бокал вина, но было всего 9:15 утра. Она в одиночку присматривала за Софи меньше получаса, а уже хотела напиться.

А где был Джек? В офисе, где его никто не беспокоил, вот где. Софи была его дочерью, но именно Ребекка рисковала своей работой, чтобы исполнить любую её прихоть. До этого времени Софи была такой тихой и воспитанной, что это усыпило Ребекку ложным чувством безопасности присмотра о ней.

Это была не вина Софи – она была нездорова. Но это не было и виной Ребекки. Так почему же именно она расхлебывала эту кашу?

Глава 33

КАРА

Как и обещала, Джулия из благотворительной организации по борьбе с раком устроила ей встречу с молодой сотрудницей службы поддержки со взъерошенными волосами по имени Джейми в пятницу вечером, когда Софи уже спала. Убежденная в том, что их встреча будет болезненно неловкой, Кара была удивлена и испытала облегчение от того, что Джейми говорила с ней не мягким голосом и не душила сочувствием. Вместо этого она была оптимистичной, честной и, что самое главное, практичной. Накинув черную кожаную байкерскую куртку на один из стульев в столовой, она взяла чашку мятного чая, порекомендовала несколько детских книг о тяжелой утрате для и предложила программу для Кары. Именно об этом Кара хотела поговорить с Ребеккой в субботу утром.

У Ребекки вошло в привычку каждое утро приносить Каре чашку чая и два имбирных печенья. Хотя это заставляло Кару чувствовать себя незамужней тёткой, это всё же странно успокаивало, а имбирь действительно помог ей справиться с тошнотой. Этим утром, когда Ребекка постучала в дверь, она уже не спала и как только чай оказался на прикроватном столике, она сразу же перешла к делу. – Я хотела спросить, сможешь ли ты распечатать для меня несколько фотографий с моего телефона? На самом деле, это для Софи.

Ребекка взяла кружку, которую Кара забыла вчера вернуть. – Это хорошая идея. Конечно.

Кара приподнялась в постели. – И я хотела узнать твоё мнение кое о чем. Джейми из благотворительного фонда по борьбе с раком посоветовала мне собрать коробку с вещами для Софи. На то время, когда меня здесь уже не будет.

Ребекка сглотнула. – Как коробка памяти?

– Да, именно. Я подумала, стоит начать с фотографий. Единственный способ, как она могла бы это сделать, это сосредоточиться на том, чтобы собрать вместе правильные вещи. Если

бы она надолго остановилась, чтобы подумать о том, почему она это делает, всё стало бы слишком сложно. Она пролистала фотографии на своем телефоне, чтобы найти нужную, затем повернула экран к Ребекке. – Смотри. Вот фотография Софи, когда она только родилась.

Она знала, что Ребекка не любит детей. Но кто смог бы устоять перед этим снимком Софи? Она была такой крошечной, весила всего шесть фунтов. Ее лицо походило на сморщенный мячик, а тело скрючилось, как будто она всё еще находилась в безопасности в утробе матери.

– Да, она очень милая, – Ребекка явно изображала заинтересованность.

Кара повернула телефон обратно к себе. – Ладно. Может, в том возрасте они нравятся только своим матерям, но посмотри на этот снимок. – Она нажала на фотографию Софи в желтом вельветовом комбинезоне. Её второй день рождения.

На этот раз Ребекка наклонилась ближе. – Здесь она похожа на Джека.

Кара перевернула телефон и посмотрела на снимок. – Да, это страдальческое выражение лица.

Ребекка рассмеялась. – Почему бы тебе не загрузить приложение для фотографий и не распечатать их? Они будут готовы через пару дней.

– Хорошая идея. Не знаю, почему я об этом не подумала. – Задать следующий вопрос было тяжело. Он звучал так жалко. – Вообще, я хотела спросить, не могли бы ты помочь мне вклеить их в альбом? Подписать, где и когда они были сделаны?

Ребекка выглядела смущенной. – Конечно, но почему тебе нужна в этом моя помощь?

Справедливое замечание. Хотя Кара всё еще проводила в постели по полдня, она чувствовала себя намного лучше, поскольку последствия химиотерапии начали проходить. – Ты более творческий человек, чем я. И ты хорошо разбираешься в фотографиях и... В ее горле встал комок, из-за которого было тяжело говорить. И дело было не только в нем: выработанная за ее жизнь привычка заботиться о себе самой не позволяла ей так легко просить о помощи.

Ребекка мягко подтолкнула ее. – И?

Она подавила эмоции, которые грозились задушить ее. *Сосредоточься на практичности.* Дело не только в фотографиях. Есть и кое-что ещё. Те вещи, которые я положу в коробку. Я хочу рассказать тебе о них. Чтобы ты потом могла передать это Софи.

Глаза Ребекки наполнились слезами, и она уставилась на грязную кофейную чашку на своем подносе. – Оу, понимаю.

Правда? Понимала ли она, насколько это было важно? – В конце концов, ей всего четыре. Когда она посмотрит на эти вещи, она забудет. Она не будет знать, почему они важны. Я хочу, чтобы кто-нибудь рассказал ей об этом. Мне *нужно*, чтобы кто-нибудь рассказал ей об этом. И я не думаю, что Джек сделает это, как надо. Мне нужно, чтобы это сделала ты.

Ребекка сглотнула. Поднял глаза на Кару и кивнула.

– Конечно. Когда угодно.

Кара наклонилась к картонной коробке на полу. Она купила бы что-нибудь получше, чем эта потрепанная коробка с детскими вещами Софи, которые она привезла из квартиры. Ребекка наклонилась и сама поставила её на кровать.

Первым, что вытасила Кара, был медицинский браслет, который выглядел так, как будто был сделан для куклы. – Во, например. Она носила его в больнице. То есть, я знаю, что это банально, но я хочу, чтобы ты сказала ей, какими тонюсенькими были ее маленькие запястья. Как им пришлось уменьшить его настолько, что едва получалось читать написанное. Акушерка сказала, что хорошо ещё, что у нее не двойная фамилия. Глаза Кары затуманились. В больнице она сидела и смотрела на Софи. Всё время беременности она думала о том, как будет справляться, где они будут жить, как она будет работать. Но она не представляла Софи как настоящего ребенка. Маленького живого человека. Она часами просто восхищалась тем, насколько совершенной была Софи.

Она кашлянула и снова полезла в коробку. Следующим она вытасила розовый пушистый шарик с ушками разного размера. – Это Кабби. Он был ее абсолютным любимцем. Он должен был всегда быть у нее, иначе весь ад вырвался бы на свободу.

Она передала Кабби Ребекке, которая отодвинула его на расстояние вытянутой руки и закрыла один глаз. – Что это вообще такое? Кролик? Мышь?

Кара пожала плечами. – Бог знает. Она просто звала его Кабби. Даже сейчас она могла представить пухлые маленькие ручки Софи, обхватившие его ногу. – Большую часть времени он был прогорклым от соплей и слюней. Мне приходилось ждать, когда она уснет, а потом тайком забирать его, чтобы постирать.

Когда Ребекка положила Кабби на кровать, она держала его только большим и указательным пальцами. Кара рассмеялась и полезла внутрь за чем-то еще.

– Это ее книга новорожденного. Я заполнила каждую страницу вплоть до ее четвертого дня рождения. Другие мамы в клинике обычно шутили, что они начали заполнять его, а потом отвлекались или забывали. Но я писала в каждой клеточки; каждую мелочь о ней. Я хотела, чтобы у нее была своя история, понимаешь?

Может, причина была в том, что у нее ничего не осталось из собственного детства, но для Кары стало почти навязчивой идеей, чтобы Софи знала всё о первых неделях, месяцах и годах своей жизни. Может, всё это время она, сама того не зная, планировала трагедию? Она передала книгу Ребекке, которая медленно переворачивала страницы, читая записи.

– Потрясающе. Столько деталей.

– Ага. Записи начинаются еще до ее рождения и заканчиваются, когда ей исполнится пять. Ее голос дрогнул, и она подождала, чтобы взять себя в руки. – Значит, тебе придется закончить его вместо меня.

Ребекка посмотрела ей в глаза. Несколько мгновений ни одна из них не произнесла ни слова. – Ты этого не знаешь, Кара. Может, ты закончишь его сама.

Прямо сейчас Кара не могла этого вынести. Она схватила что-то еще из коробки.

– И эти ботинки. Они из секонд-хенда, но она так их любила. Только их и носила. Не имело значения, какая была погода, – дождь или солнце – вообще никакой разницы. Не имело значения даже то, была ли она одета в красивое платье или в джинсы. Она была такой упрямой. И до сих пор иногда бывает такой.

Ребекка все еще смотрела ей в лицо.

– Хорошо быть женщиной, которая знает, чего она хочет.

Она не могла – не хотела – смотреть в глаза. Она просто нужно было продолжать.

– Еще здесь несколько ее рисунков. Это мой первый портрет. – Кара показала неровный, нарисованный мелкими полукруг с четырьмя – или их было пять? – выходящими из него линиями. Над ним плавало кругоподобное нечто с отметинами, которые могли быть глазами и ртом. Она поднесла его к своему лицу. – Видишь сходство?

Ребекка улыбнулась. – Просто невероятное.

Кара держала рисунок в руке и водила пальцем по линиям. – Она всегда любила рисовать. Люди, животные, дома – не важно, что это, главное, чтобы у нее в руках были мелки. Иногда я задаюсь вопросом, станет ли она однажды художницей. Она сделала паузу и посмотрела на Ребекку. – Ты поддержишь её, если она захочет стать художницей?

На этот раз Ребекка не протестовала. – Она может стать, кем захочет.

Прежде чем она потеряла контроль над собой, Кара начала вытаскивать другие вещи в случайном порядке. – И я добавлю еще кое-что. Например, эти открытки. Они висели в нашей квартире. Места, которые я хотела когда-нибудь посетить. Я хочу, чтобы она там побывала. Я хочу, чтобы она путешествовала, смотрела мир и делала всё то, чего я никогда не делала. Ты сможешь ей это сказать?

– Я так и сделаю. Я скажу ей.

Кара смяла край одеяла в кулаке. – И скажи ей, что я любила ее. Прошу, ты можешь ей это сказать? Что я любила ее с той самой минуты, как она родилась. Она была всем моим миром, и я так старалась не бросать ее.

Ребекка коснулась ее руки. – Я так и сделаю, Кара. Я скажу ей об этом.

Кара убрала руку и вытерла глаза. Как она могла выразить словами то, что хотела сказать? Что она хотела, чтобы Ребекка передала Софи? Даже слова – любовь было недостаточно. Каждая мать любила своего ребенка. Но Софи была для нее абсолютно всем. Утром и ночью, летом и зимой, год за годом. Без Софи у нее не было ничего. Их мир был маленьким, но он был безопасным, теплым и полным любви. И теперь она должна была доверить свой мир, своё сердце Джеку и Ребекке.

На телефоне Ребекки появилось сообщение. – Это Джек. О, черт.

– Что?

После пары недавних выходных последние несколько дней Джек почти не бывал дома. Это было как-то связано с крупным контрактом на работе. Может, проблема была в этом?

Ребекка вздохнула и положила телефон обратно на прикроватный столик.

– Ничего важного. Сегодня вечером вечеринка, о которой мы оба забыли. Я сообщу им, что мы не сможем прийти. Черт. Надо было сделать это несколько дней назад.

Конечно, она же не предлагала им остаться дома из-за Кары? – Почему вы не можете пойти? Я уже достаточно здорова, чтобы ухаживать за Софи, а ее простуда почти прошла. Со мной все будет хорошо.

Ребекка покачала головой. – Нет, все в порядке. Правда. Я отправлю бутылку вина в качестве извинения.

Это было нелепо.

– Ребекка. Идите на вашу вечеринку. Если вы мне понадобится, я смогу позвонить.

Она все еще не выглядела счастливой, но сдалась. – Хорошо. Если ты уверена, что с тобой всё будет в порядке. Но я не буду пить, поэтому мы сможем сразу же вернуться домой, если понадобится тебе.

Глава 34

РЕБЕККА

Друзья Джека Стив и Элисон жили в перестроенном амбаре, к которому прилагался акр земли. Их гостиная была очень белой, а мебель была переставлена так, чтобы дать как можно больше места для гостей. Поздоровавшись с хозяевами, Ребекка и Джек направлялись на кухню, чтобы оставить там вино, когда они столкнулись с Марком и Кристин.

Марк и Джек дружили еще со школы. Марк был первым из его знакомых или членов семьи, с кем он хотел познакомить Ребекку. Он и Кристин были веселыми ребятами, поэтому какое-то время они вчетвером довольно часто встречались. Пока Кристин не забеременела их первым ребенком, и они не начали больше общаться с людьми, у которых были дети.

Похлопав друг друга по спине и поприветствовав жен друг друга, двое мужчин исчезли на кухне, чтобы выпить по стаканчику. Ребекка последовала за Кристиной в незанятый угол, где они не стояли бы на проходе.

– Значит, у Джека есть дочь? Кристина выглядела так, как будто ее распирало от желания спросить об этом. – Должно быть, это стало для тебя настоящим шоком. – Кристин на самом деле выглядела сочувствующей. Она была по-настоящему хорошим человеком. Интерес к подобным неожиданным поворотом был частью человеческой природы. Кристин и Марк также прекрасно знали, что она и Джек не планировали иметь детей.

– Да, тем еще шоком.

Кристин погладила ее по руке. Ребекка почувствовала себя обманщицей: если сейчас кто-то и заслуживал сочувствия, то это была Кара. – Вы уже всё распланировали? Я имею в виду, когда она переедет к вам? Когда мой брат разошелся с женой, они сказали, что просто посмотрят, что получится с опекой, и это был какой-то полный бардак. К тому же, это несправедливо по отношению к детям, разве

нет? Они должны знать, с кем останутся. В какие дни с кем из родителей они будут. Они – в первую очередь.

Кристин всегда была довольно прямолинейной. Это была одна из тех вещей, которые Ребекке действительно в ней нравились: она всегда знала ее мнение. Но это было слишком даже для неё. – Вообще, всё немного изменилось. Кара не очень хорошо себя чувствует. Возможно, Софи будет проводить у нас намного больше времени.

Кристина подняла бровь; она покачивалась. Марк пошутил, что они были здесь с самого начала вечеринки, и она явно выпила уже не один бокал. – Ничего себе. Значит, ты и правда будешь мачехой.

Это слово всё ещё раздражало. – Теперь у нас есть комната для нее. Ты помнишь гостевую рядом с ванной наверху? Мы просто сделали её более удобной для ребенка. Я сама покрасила стены. Купила новую мебель и немного игрушек.

Кристин улыбнулась. – Похоже, тебе это нравится. Ты изменила свое мнение о том, чтобы быть мамой? Может, вы решите завести своего ребенка, когда освоитесь со всем этим.

Софи не была каким-то тестовым прогоном. Не была одной из тех кукол, которую можно было взять домой, чтобы ухаживать за ними на выходных и понять реалии материнства. Она не собиралась провести с ней шесть недель, а потом отдать обратно, прежде чем внезапно решить завести ребенка с общей ДНК. – Я не уверена, что – освоиться – это подходящее слово.

Кристин помахала рукой перед её лицом; честно говоря, она была довольно пьяна. – Ты знаешь, что я имею в виду. Сейчас у вас дома есть один ребенок, а там и до второго не так уж далеко. Один ребенок – это огромные перемены в жизни. Со вторым корректировок требуется намного меньше.

Она и правда думала, что продаст идею материнства этой речью? Нет, это было не так. Почему люди не могли понять? Она не испытывала тайного желания в прямом смысле разгрести чье-то дерьмо и провести следующие восемнадцать лет – как минимум – в переносном смысле поддерживая их. Ребекка не считала, что матери жалеют о том, что у них есть дети, так почему они решили, что она может жалеть о том, что у неё их нет?

Присутствие Софи в доме обещало проблемы. Ей придется подумать о еде, которую они будут есть, составить планы, куда пойдет

Софи, если Ребекке придется работать. И это она еще даже не начинала думать о том, чтобы помогать ей с учебой, звать домой её друзей поиграть, сколько времени разрешено смотреть телевизор. У нее закружилась голова от мыслей обо всех элементах воспитания, которые она еще даже не рассматривала. Внезапно она почувствовала себя уставшей – слишком уставшей для этого разговора. Легче было просто обмануть Кристин. – Да, может быть.

Марк и Джек вернулись с напитками. Марк передал ей стакан белого вина. – Джек только что сказал мне, что вы еще не делали ДНК-тест.

– Нет, пока нет. Много всего произошло. – Ребекка взглянула на Джека, удивленная, что он обсуждал с Марком такие детали.

Марк подергал мочку уха. Его стеклянные глаза наводили на мысль, что он пил столько же, сколько и его жена. Так вот что случается, когда ты становишься родителем? Только у тебя появляется возможность сходить на вечеринку, как ты налегаешь на пиво, как какой-нибудь первокурсник? – Да, он мне рассказал. Про рак. Это печально. Она была нормальной и точно не заслужила такого.

– Рак? – глаза Кристины расширились. – Боже, я и не поняла, что ты говорила о нем. То есть, я знаю, что она была немного безрассудной, когда встречалась с Джеком. Но никто не должен проходить через подобное. Особенно с ребенком, о котором нужно беспокоиться.

Было неудобно слышать, как они говорят о Каре в прошедшем времени. Они с Карой не были подругами, но она почувствовала неожиданный укол привязанности. – Ну, мы надеемся, что она сможет бороться и дальше. Постоянно появляются новые методы лечения, разве не так?

– Да, бьюсь об заклад, – Марк рассмеялся. – Взвалить на себя четырехлетку – это не то, что назовешь приятным времяпрепровождением.

Она не это имела в виду. Джек тоже выглядел смущенным, но оставался нехарактерно тихим. Он что-то задумал? – Я не думаю, что...

Джек прервал ее. – Марк рассказал мне кое-что, о чем я не знал.

– Неужели? Она посмотрела на Марка, который снова стал дергать мочку уха.

– Давай, скажи ей, – Кристина толкнула своего мужа локтем.

– Да, расскажи мне. Что происходит?

Марк вздохнул. – Ладно, я не хочу, чтобы ты думала, что я люблю осуждать или сексист, или кто-то в том роде. Каждый имеет право делать всё, что хочет, будь то мужчина или женщина. Я не вижу особой разницы. Сейчас не девятнадцатый век.

– Давай дальше, дружище. Джек сделал глоток из своей бутылки пива, его лицо было бледным.

Марк пожал плечами. – Ладно, но помните, я рассказываю это вам только потому, что это так или иначе связано с вами. После того, как Джек разошелся с Карой, она, ну... она пустилась во все тяжкие.

Ребекку затошнило, и дело было не в вине. Она подумала о Каре, которая осталась дома с Софи; обо всём, через что ей пришлось пройти за последние несколько месяцев. Они не должны были обсуждать ее подобным образом, да еще и за её спиной. Это было неправильно. И уж их точно не касалось, с кем она решила переспать.

– Ясно.

Марк не уловил ее нежелания услышать больше. – Да, с ней переспала пара моих знакомых. Видимо, она какое-то время зависала у кого-нибудь на ночь и, ну, она не просто спала на диване, если ты понимаешь, о чем я.

Джек приложил большой и указательный пальцы к бровям и потер. Когда он перевел взгляд на Ребекку, то покраснел от стыда. – Она сказала мне, что ей есть где остановиться. Я не просто выгнал ее.

Она поверила ему. Несмотря на шок последних нескольких недель, она знала, что он был хорошим человеком. – Ты спал с ней? – спросила она Марка.

Она почувствовала, как рядом с ней напряглась Кристина. Марк выглядел потрясенным. – Нет. Конечно, нет. Я только женился на Кристин.

Кристин придвинулась ближе к нему. – Мы приводили наш дом в порядок. Марк в то время особо никуда не ходил. Он слышал это от других.

Очевидно, что эти двое уже обсуждали эту тему до этого вечера.

– Слушай, я знаю, что это не мое дело, но я правда думаю, что вам стоит сделать ДНК тест. И побыстрее. Я думал, что у вас есть доказательства, иначе я бы рассказал об этом раньше. То есть, мне неприятно говорить о ней подобное сейчас, когда она так больна, но я думал, – он посмотрел на свою жену, – мы думали, ты точно уверены, что эта девочка – ребенок Джека. Но если вы не делали тест и у вас нет его результатов, то, может, она и не его.

Джек поднял свой телефон. – Я только что заказал тест. Доставка курьером на следующий день. Мы получим его утром.

Глава 35

КАРА

Удивительно, сколько было компаний, занимающихся ДНК тестированием. И как быстро можно было получить результат. Ребекка оставила им тесты, и было довольно странно заниматься ими вместе с Джеком. Это было безумием. Всё, что им нужно было сделать, это взять мазок с внутренней стороны щеки. Другие телесные жидкости были совершенно не нужны.

Следовать инструкциям было довольно легко, и Кара уже прочитала их вслух для Джека. Они оба вымыли руки, как и было предписано, и сидели за кухонным островком, каждый с ватный тампон в руке.

Джек поднял свою вверх. – Итак, мне просто провести ею по внутренней стороне щеки?

Кара снова проверила инструкцию. – Ага. Прижимать плотно, но не до боли.

Джек сунул тампон – или, точнее, ватную палочку – в рот и стал водить им по щекам.

Кара повернулась к Софи. – Открой пошире, Соф. Это волшебный тест, о котором я тебе говорила. Мне просто нужно провести им по твоей щеке.

Она пыталась шутить по поводу сложившейся ситуации, но это почему-то казалось неправильным. Она корчила смешные рожицы для Софи, чтобы заставить ту хихикать.

Шестьдесят секунд оказались слишком долгими для Джека, чтобы хранить молчание.

– Каф дога?

Кара взглянула на его серьезное лицо. – Прости, я не говорю на дантистском.

Лицо Джека сморщилось, когда он рассмеялся. Он нервничал так же, как и она? Он переместил тампон за щеку и заговорил медленнее. – Как долго?

Кара еще раз сверилась с инструкцией, хотя и знала ответ. – Совершите восемь-десять круговых движений. В подтверждение она показала листочек. – Но нам нужно использовать четыре тампона.

Она опустила первый тампон в пробирку, и Джек сделал то же самое с пробиркой, которую она ему дала. – Нужно убедиться, что они не будут контактировать друг с другом.

Джек сделал вид, что потянулся пальцами в сторону Софи, а затем отдернул руку. – Не контактировать, Софи. С его стороны было мило попробовать превратить всё это в шутку. Это была всего лишь формальность, но она так сильно напоминала больничную реальность. И она могла точно сказать, что и его всё это смущало.

Ладно. Следующий.

– Я хочу сделать это. Софи протянула руку за тампоном. – Я смогу.

– Хорошо, но убедись, что ты давишь достаточно сильно. Софи ткнула тампоном так сильно, что ее щека выпятилась наружу. Кара осторожно нажала на это место пальцем. – Не так сильно, дурной ребенок, ты проткнёшь её насквозь.

Как только они взяли четыре образца, Софи убежала в гостиную, где она рисовала. Кара еще раз проверила инструкцию. – Нужно оставить их хотя бы на час, чтобы они высохли, прежде чем убирать их в конверты.

Джек встал и потянулся. – Может, пока просто отложим их в сторону? А кто-нибудь из нас вернется через час и сделает всё остальное.

Кара предположила, что Джеково «сделает всё остальное» означало, что Ребекка и правда этим занималась. Для современной пары он, казалось, был очень рад передать всё домашнее планирование в её руки. Ему нужно было взять на себя ответственность, по крайней мере, за эту часть. Кроме того, она хотела убедиться, что все было честно. Не то чтобы ей было что скрывать, но неудачная попытка Джека приукрасить комментарии Марка всё еще причиняла боль. Всё нужно было сделать чисто и аккуратно.

– Мне будет комфортнее, если бы мы оба подождем здесь, пока не запечатаем образцы.

Джек выглядел удивленным. Потом на его лице отразилась неловкость. – Конечно. Послушай, не хочу, чтобы ты думала, что я

тебе не доверяю, это просто...

– Вообще-то, это правильный поступок. – Кара не хотела, чтобы он закончил то, что должно было стать еще одним мучительным предложением. – Нам стоило сделать это в первый же день. Почему бы нам не начать заполнять формы?

Джек кивнул и взял ручку. – Так, как только мы всё это отправим, сколько времени уйдет на обработку?

Кара прочитала последнюю часть инструкции. – Мы можем отправить материалы завтра, и, если они получают их к десяти утра вторника, то пришлют нам результаты по электронной почте в тот же день.

Джек нахмурился, просматривая вопросы. – Я должен отметить галочкой пункт «*предполагаемый отец*». Звучит так, словно я совершил преступление.

– Да ну! И кто бы говорил, – слова вырвались прежде, чем она смогла их остановить.

Джек кашлянул и потер кончик носа ручкой. – Я – бестактный идиот, что рассказал тебе слова Марка. Прости. Всё это оказалось для меня шоком. И, наверное, я чувствовал себя виноватым. В ту ночь, когда мы снова встретились, ты сказала, что остановилась у подруги. Я просто решил, что ты говоришь правду. Что у тебя всё в порядке.

– Я говорила правду. Когда я съехала от тебя, то остановилась у своей подруги Сары, той, с кем я была в ночь, когда мы встретились. Она разрешила мне переночевать у себя, но у нее был парень, который к тому времени практически жил там, так что это было немного в духе: «трое – уже толпа». Понимаешь, о чем я?

Она подняла бровь, посмотрев на Джека, и тот сразу понял, что она имела в виду. – Да, думаю, я могу представить, на что это должно быть похоже.

Даже в первую пару дней в этом доме Ребекка не заставляла ее чувствовать себя такой нежеланной, как это делал парень Сары. Что бы Сара ни говорила о том, что она может оставаться у них сколько угодно, его неприязненные взгляды и милые ужины только на двоих говорили совсем о другом. – Находиться там было неудобно, так что в конце концов я нашла комнату в общежитии. Там было довольно грязно.

Холодный, сырой и грязный, сам по себе дом был бы довольно плохим, но ее новые соседи по дому сделали его еще хуже. Джей и Эд занимали убогую гостиную как только возвращались домой с работы, курили травку и захламляли ее пустыми контейнерами из-под лапши. Еще один, которого она видела так редко, что не запомнила его имя, приходил из клуба ранним утром и приводил случайных любовниц к себе в спальню, где они разговаривали – и не только – довольно громко и всю ночь.

Джек кивал, как будто он мог понять. – Могу себе представить. Я помню, на что были похожи студенческие завалы. Горы грязных тарелок в раковине, да?

Она почти улыбнулась разнице между его жизнью и ее. – Вроде того. В любом случае, я проводила там как можно меньше времени. Ну, то есть, я часто где-то тусовалась. Было довольно много ночей, когда я вообще не возвращалась домой.

Мужчины, которых она встречала, позволяли ей ненадолго почувствовать себя лучше. Нужной, обожаемой, желанной. Но на следующее утро она всегда чувствовала себя полным дерьмом. Тем не менее, это не мешало ей повторять то же самое спустя несколько ночей. Джек оставил в ее жизни огромную пустоту, а те мужчины были как временные пробы. Они заполняли эту дыру, но не задерживались надолго.

Джек потянулся и взял её за руку. Ей инстинктивно захотелось одернуть ее. И когда она этого не сделала, ему это помогло больше, чем ей. – Прости, Кара. Если бы я только знал, что ты не осталась жить у Сары...

То что? – хотела она спросить у него. *Что именно ты бы сделал?* Сейчас она отдернула руку.

– Я не хотела, чтобы ты оставался со мной из жалости, Джек.

– Я знаю, – Джек поморщился. – Просто тяжело думать о том, что ты была совсем одна.

– Ну, я была одна не так уж и долго. Довольно скоро я поняла, что беременна. – Она никогда не относилась к тем женщинам, которые точно знали, когда у нее должны начаться месячные. В то время ее жизнь была настолько хаотичной, что ей потребовалось больше двух месяцев, чтобы понять, что она пропустила месячные. И даже когда

она делала тест на беременность, то не ожидала увидеть вторую голубую полоску.

– Наверное, это было тем еще шоком.

Шоком – это еще мягко сказано. Она была совершенно не готова к тому, чтобы родить ребенка. Но при этом она не попыталась и избавиться от нее. Как только она села и прикинула, когда у нее были последние месячные, то поняла, что ребенок должен быть от Джека. Кроме того, она была не настолько глупа, чтобы не предохраняться с остальными парнями. – Мне потребовалось какое-то время, чтобы всё осознать.

Она всё ещё не была уверена, когда приняла решение оставить ребенка. Может, дело было в том, что это был малыш Джека. Цеплялась ли она за надежду, что они снова сойдутся? Не то чтобы всё это имело хоть какое-то значение сейчас.

Джек выглядел так, словно хотел спросить ее о чем-то, но передумал. Если его вопрос был о том, как она узнала, что это его ребенок, результаты анализа ДНК в любом случае ответили бы на него. Вместо этого он спросил о Софи. – Жаль, что ты ничего мне не сказала. О Софи. Что бы ни случилось между нами, я бы хотел помочь тебе.

Впервые воспоминания заставили ее улыбнуться. – С рождением Софи моя жизнь стала намного лучше. Муниципалитет выдал мне квартиру по соседству с Даниэль, а она решила, что мы должны стать лучшими подругами с того момента, как я заселилась. А потом, когда родилась Софи... – Как она могла это объяснить? Как она могла сказать ему, что, глядя в глаза Софи в те первые дни, она чувствовала себя так, словно вернулась домой? Она сглотнула.

– Она спасла меня, Джек. Софи спасла меня.

– О, Кара. Мне так жаль, что меня не было рядом. Если бы я только мог повернуть время вспять. Может, если бы мы расстались как-то лучше, ты смогла бы прийти ко мне.

Конечно же, она тоже думала об этом. Просто у неё было больше времени, чтобы подумать об этом, чем у него. Не было смысла заставлять его чувствовать себя виноватым за что-то, с чем давным-давно было покончено. – И что тогда? Я бы переехала к тебе и мы бы играли в счастливую семью? Как долго? Я не хотела быть нужной тебе только из-за Софи. И если бы и когда бы у нас ничего не вышло, я не

хотела отправлять ее к тебе каждые выходные. Это я ошиблась. Я была эгоисткой.

За последние несколько дней ее собственное чувство вины стало сильнее. Не столько по отношению к Джеку, сколько по отношению к Софи. Сколько всего могло быть у Софи, если бы Джек был в её жизни с самого начала. Как-то Каре удалось убедить себя, что Софи не нужна Джеку. Что она на самом деле защищала ее от отвержения. Но теперь, увидев, как Джек относится к Софи, она поняла, что это было просто оправдание, которое она использовала, чтобы лгать себе. Она поставила галочку в последней клетке своего бланка и сложила его пополам. Посмотрела на Джека. – Мне очень жаль.

Джек подался вперед и нежно коснулся ее руки. – Пожалуйста, не извиняйся. Просто с этого моменты мы должны делать всё правильно. Я знаю, что сказала врач, но она не знает тебя так, как я. Ты самая упрямая женщина, которую я когда-либо встречал. Ты как-нибудь справишься с этим. Я в этом уверен. И тогда всё будет хорошо. Я подвел тебя в прошлом, но я собираюсь загладить свою вину.

Кара не хотела подрывать его оптимизм, но он должен был смотреть фактам в лицо. Она вложила в конверт обе заполненные формы с личной информацией и придвинула его к собранным образцам. – Джек, мне нужна твоя помощь не с прошлым. Дело в будущем: будущем Софи. Она спасла меня. А теперь мне нужно, чтобы ты спас её.

Глава 36

РЕБЕККА

Джек отправил образцы для теста ДНК вчера по дороге на работу, поэтому Ребекка ждала, что результаты придут сегодня по электронной почте. *Сколько времени нужно, чтобы смешать реагенты и получить результат, который должен был решить их судьбу?*

Этим утром она была в новом греческом ресторане и пила кофе с владельцем. Это было большое заведение, больше чем на двести мест, и она уже могла назвать нескольких клиентов, которых могла бы заинтересовать возможность провести здесь мероприятие. Владелец был очень приветлив: пока Ребекка была там, она познакомилась с половиной его семьи, включая первого внука – очень милого двухлетку с темными блестящими кудрями и привычкой сосать палец. Тем не менее, находиться в окружении большой семьи сегодня не очень помогало ее нервам. Она была рада уехать от них и вернуться домой.

Было глупо, что они не сделали тест сразу же. Если бы это случилось в телевизионной драме, она бы первая кричала персонажам, чтобы они сначала всё проверили. Но Софи была так похожа на Джека, да и даты точно совпадали. К тому же всё случилось так быстро. Неужели прошло всего четыре недели с тех пор, как Кара впервые позвонила в их дверь?

Она считала дни по пальцам. И если быть точной, то прошло немного больше: четыре недели и четыре дня. Месяц, в течение которого жизнь, которую они с Джеком планировали, перевернулась с ног на голову. Или нет? Сегодня они узнают это наверняка.

Она снова посмотрела на часы. Было уже два. Она отправила сообщение Джеку в полдень, но он всё еще ничего не получил от компании, проводившей тест. Еще полчаса, и ей нужно будет ехать за Софи.

Сегодня у Кары была назначена встреча с группой паллиативной помощи. Ребекка предложила отвезти ее, но испытала облегчение,

когда Кара сказала, что встреча, скорее всего, будет в то время, когда забирают детей из садика, поэтому она предпочла бы, чтобы Ребекка поехала за Софи. Конечно, она была счастлива сделать это, но ее раздражало, что – в очередной раз – это она, а не Джек носилась туда-сюда. Несомненно, её работа была более гибкой по времени, чем у него, и она была сама себе начальницей. Однако то, что это было проще, не значило, что это было справедливо. Она проводила с Софи гораздо больше времени, чем он. Когда Софи будет оставаться у них в будущем, им придется придумать что-то более приемлемое для них обоих. *Если* она будет оставаться у них. Эта неопределенность убивала ее.

Она отодвинулась от компьютера и потерла глаза. Было невозможно сосредоточиться на текущей работе – составить список вариантов мест для проведения летней вечеринки страховой компании в следующем году, – поэтому она решила, что может с тем же успехом созвониться с Иззи по FaceTime, чтобы выбрать фотографии для их следующей новостной рассылки. Каждые три месяца они отправляли клиентам рекламный проспект обо всех мероприятиях, которые они проводили, чтобы те всегда держали их компанию в уме, планируя новые мероприятия. Саманта любезно написала им по электронной почте со своей роскошной виллы на берегу моря на Мальдивах, где она проводила медовый месяц, и прислала несколько свадебных фотографий, которые они могли бы использовать. Все они выглядели потрясающе, так что им нужно было просто выбрать одну.

Иззи ответила почти сразу. – Привет, как дела?

Она не говорила Иззи о тесте ДНК. Казалось, что обсуждать такое ещё слишком рано. И она не хотела, чтобы кто-нибудь еще понял, насколько они сгупили, прежде чем она узнает, чем всё это закончится. – Все хорошо. Просто интересно, смогла ли ты посмотреть свадебные фотографии Саманты. Я собиралась заняться новостной рассылкой за этот квартал.

– Да, этим утром я пускала на них слюни. Какая сказочная свадьба. Там была прелестная фотография Софи. Со стороны Саманты было очень мило пригласить ее, но разве тебе не было сложно одновременно и работать, и присматривать за ней?

Она отправила Иззи отчет о свадьбе Саманты на прошлой неделе. Иззи была жадна до подробностей после того, как застряла дома со

своим малышом, выздоравливающим после удаления миндалин. Ребекка рассказала ей о том, что Софи позвали в качестве экстренной «цветочной» девочки.

На самом деле, это было совсем не сложно. Выездная свадьба Саманты включала в себя ведущего для свадебного завтрака и достаточное количество обслуживающего персонала для самого банкета. Несмотря на все срочные исправления, Ребекке почти ничего не пришлось делать в тот день, кроме как наблюдать за восторженными взглядами четырехлетнего ребенка. – На самом деле Софи была очень милой. Уверена, она думала, что стала принцессой. И она очень хорошо себя вела.

– Правда? – Иззи зацокала языком. – Осторожнее, ты сейчас говоришь как гордый родитель.

Иззи шутила, но она попала в самое яблочко. Ребекке *и правда* понравилось проводить время с Софи на свадьбе. Но это было до того, как они узнали всю историю о диагнозе Кары.

– Когда я сидела с ней на этой неделе, всё было не так хорошо. Она разлила молоко по всему ковру, а я довел ее до слез. Очевидно, ген родительства у меня еще не появился.

– Гена родительства не существует, – Иззи рассмеялась. – Черт, если бы я рассказала тебе, что я порой ору своим двоим в пылу ссоры, ты бы приехала ко мне, чтобы спасти их. Знаешь, родители тоже люди.

Со стороны Иззи было мило попытаться поднять ей настроение. Однако от этого было никуда не деться. – Я понимаю, о чем ты, но я просто не уверена. Не думаю, что готова к этому.

– Ребекка, я люблю тебя, но у тебя есть ужасная привычка слишком много копаться в себе. Никто не ждет, что ты вдруг станете Матерью года. Пока она сыта, в тепле и в безопасности, твоя работа выполнена. После этого тебе нужно просто полюбить их. И это требует времени. Даже когда ты рожает ребенка, любовь не всегда возникает мгновенно. Не верьте детской рекламе. Быть родителем может быть тяжело. Но ты можешь с этим справиться, Ребекка. Я это знаю. К тому же, – тон Иззи смягчился, – она будет у вас каждые вторые выходные. В остальное время вы с Джеком сможете вернуться к своей прежней жизни.

Безнадежному прогнозу Кары и тесту ДНК придется подождать, пока она лично не встретится с Иззи. – Очень смешно. Давайте поставим на паузу разговоры о родительстве. Мне нужно собрать эту рассылку, так что просто скажи, какая фотография тебе нравится, и я добавлю ее к другим мероприятиям.

Остальная часть разговора включала сверку ежедневников и планирование их следующей встречи, но всё равно они проговорили еще двадцать минут. К тому моменту, как они закончили, у Ребекки осталось время только на то, чтобы быстро причесаться и прихватить пальто, прежде чем ей нужно было уходить, чтобы забрать Софи. Новостей от Джека всё еще не было.

Когда она приехала к детскому саду, ей пришлось ждать снаружи вместе с другими родителями. Все стояли, глядя либо в свои телефоны, либо на что-то, видимо, очень интересное на земле. К счастью, дверь открылась и все они вошли внутрь за своими детьми.

Прежде чем последовать за остальными родителями, Ребекка поговорила с учительницей у двери и объяснила, что Кара звонила заранее и предупредила, что она заберёт Софи. Учительница направила ее в кабинет в передней части здания и сказала, что Софи будет ждать ее там; но ей нужно будет сообщить пароль администратору, который будет с ней.

Дверь кабинета была приоткрыта, так что пока Ребекка подходила ближе, она могла видеть Софи. Та сидела на крошечном стуле в пальто и с рюкзаком за спиной. В ее руках был пакет для ланча, украшенный огромным единорогом. Что-то в ней казалось потеряннным, как у человека, вырванного из другой эпохи, и Ребекке захотелось обнять ее и сказать, что всё будет хорошо. Разве что она не могла пообещать ей этого, не так ли?

Как только Софи увидела Ребекку, ее лицо просветлело, и она помахала рукой. Ребекка не могла не улыбнуться в ответ: это было заразительно. Администратор поднялся и подошел к двери. – Привет. Вы пришли за Софи? У вас есть пароль?

Ребекка кивнула. – Да. Если не ошибаюсь, это слово – желтый?

Администратор кивнула. – Верно. Софи рассказывала мне, что это любимый цвет ее мамы, – она повернулась к Софи и улыбнулась ей. – Можешь идти, Софи. Увидимся завтра.

Софи схватила Ребекку за руку, и совершенно неожиданно она почувствовал прилив удовольствия.

Всю обратную дорогу до машины и всю поездку домой Софи рассказывала о том, как прошел ее день в садике, не обращая внимания на то, что ее мама была сегодня в больнице. Хотя её консультант ясно обрисовал всю картину, Кара всё еще не была готова говорить с Софи о своем прогнозе, пока не получит четкого ответа о том, сколько у неё осталось времени. Сможет ли кто-нибудь сказать ей это наверняка? Может, она надеялась, что консультант выдал ей наихудший сценарий, сказав, что у нее осталось всего несколько месяцев? В конце концов, разве в наши дни им не приходилось прикрывать себя, чтобы на них не подали в суд? Когда Ребекка смотрела в Интернете, там было полно случаев, когда люди годами жили с неизлечимым диагнозом. Ведь чем дольше Кара продержится, тем больше шансов, что появится лекарство, верно? Испытания лекарств и генная терапия – казалось, что каждый день случались всевозможные открытия. Поскольку последствия химиотерапии начали отступать, Кара снова выглядела нормально. Не было ли слишком наивным надеяться, что группа паллиативной помощи сообщит ей более позитивное мнение?

Когда они вернулись домой, была уже почти половина четвертого. На автопилоте она налила Софи стакан молока и нашла канал с мультфильмами, которые ей нравились. Затем она отправила Джеку еще одно сообщение:

Ты проверил электронную почту? Результаты уже пришли?

Разве они не должны были скоро прийти? Рабочий день заканчивался в пять часов. Ну, может быть, в половину шестого. Результаты должны были прийти на электронную почту Джеку и Каре. Кара не смогла бы проверить свою почту, пока была в больнице, но у Джека не было оправдания, чтобы не обновлять электронную почту каждые несколько минут. Он, должно быть, так же отчаянно хотел знать результат, как и она.

Софи была поглощена своими мультфильмами, тихонько хихикая над ужимками на экране. Она и не подозревала, как сильно может измениться ее жизнь. Она не заслуживала подобного. Если бы только они могли защитить ее от всего этого.

Ребекка снова проверила телефон. И еще раз через пять минут. Наконец-то она получила короткий ответ от Джека.

Я еду домой.

Она едва успела удивиться, почему он возвращается домой так рано, когда услышала скрип открывающейся входной двери.

Глава 37

КАРА

Даже встреча с группой паллиативной помощи казалась уступкой, поражением. Как будто она говорила, что нет ничего плохого в том, чтобы прекратить попытки спасти ее жизнь, подняв руки в знак капитуляции. *Я сдаюсь. Забирайте меня отсюда.*

Поскольку худшие последствия химиотерапии прошли, Каре всё труднее было поверить, что ее рак неизлечим. Если бы у нее были силы продолжать бороться, почему бы им не помочь ей?

Согласно телефонному разговору, группа паллиативной помощи включала в себя множество специалистов в области здравоохранения: анальгезиологи, диетологи, специалисты по психическому здоровью и другие, которых она не могла запомнить. Она никогда не получала столько внимания. На этой первой встрече она должна была встретиться с врачом и медсестрой, чтобы поговорить о своем лечении.

Секретарша с улыбкой записала ее имя. – Мы не задержим вас надолго. Пожалуйста, присаживайтесь.

После вчерашнего разговора с Джеком она лежала в постели и спрашивала себя, почему ей потребовалось так много времени, чтобы связаться с ним. За последние четыре года были моменты, когда она задумывалась об этом. Обычно это бывало, когда она выпивала пару бокалов дешевого пойла с Даниэль и впадала в ностальгию. То, что она сказала Джеку о своем страхе, что он может забрать у нее Софи, было правдой, но было и кое-что ещё. В холодном свете дня её реалистичная часть не мог рисковать возможностью того, что он просто может даже не захотеть знать.

В ее жизни было достаточно отказов. Насколько она помнила, собственный отец прикоснулся к ней только кулаком. Когда она в шестнадцать собирала сумку, он смотрел, как она уходит, скрестив руки на груди, и закрыл кухонную дверь, чтобы ее рыдающая мать не смогла снова попросить ее остаться. Шесть месяцев спустя она

увидела его в саду паба, полного несовершеннолетних пьяниц. Когда он заметил ее, то просто отвернулся. Зачем снова подвергать себя такому испытанию? Зачем подвергать Софи опасности любого отказа?

Молодая медсестра забрала ее из регистратуры и отвела в палату, которая находилась чуть дальше зала химиотерапии. Три шоколадно-коричневых кожаных дивана, расставленные в подковообразной форме вокруг прямоугольного журнального столика. Яркие подушки и коврик. Национальная служба здравоохранения сделала все возможное для умирающих.

Врач стояла, улыбаясь ей. – Присаживайтесь. Не хотите ли кофе или чай? Или воды?

Кара села на ближайший к двери диван. – Нет, ничего, спасибо.

Врач и медсестра заняли по дивану, и медсестра взяла инициативу на себя. – Кара, спасибо, что вы сегодня пришли. Надеюсь, ваш консультант дал вам некоторое представление о нас и о том, что такое группа паллиативной помощи. Наша цель – оказать вам любую поддержку, которая может понадобиться. Будь она физическая, социальная, психологическая или духовная.

О духовной они могли не волноваться, подумала Кара в тот момент. Где бы ни был её ангел-хранитель был, он не очень хорошо справлялся со своей работой. – Да, всё верно.

– Хотя ваше лечение прекратилось, есть лекарства, которые мы можем прописать, чтобы помочь вам...

Кара не могла просто сидеть здесь и слушать. – Дело в том, что я еще не сдалась. У меня есть маленькая дочь. Мне нужно продолжать бороться ради нее.

Врач наклонилась вперед так сильно, что ее предплечья легли на колени. Ее голос был нежным, как будто она разговаривала с испуганным пони. – Я понимаю. Иногда полезно воспринимать собственное тело отдельно от самого себя. Вы бы никогда добровольно не оставили свою дочь, конечно, вы бы этого не сделали. К сожалению, ваше тело может не оставить вам выбора. И это так слабо связано с тем, как рьяно мы хотим бороться, и так сильно связано с ограничениями биологии.

Кара могла слышать их слова, но она не принимала их. – Так я должна просто сдать?

Как и бывает у профессиональных парных команд, медсестра поддержала разговор.

– Нет, Кара. Вы не сдаётесь. Даже с таким диагнозом вы все еще живы. Мы хотим улучшить качество вашей жизни. Будь то обезболивание, арт-терапия или семейные консультации для вас и вашей дочери.

У Кары не было времени рисовать картинки того, что она чувствовала. Ей нужно было знать факты. – Сколько у меня осталось? Я не смогла заставить доктора Грин назвать мне точный срок, но вы-то должны это знать.

Доктор свела кончики пальцев вместе. – Это очень трудно предсказать, но, глядя на ваши последние снимки, я бы сказала, от трех до шести месяцев. Возможно, немного дольше, если вы будете избегать любых инфекций или других осложнений.

Из легких Кары вышибло весь воздух. Шесть месяцев? Софи еще даже не пойдет в школу. Она прикусила губу, чтобы та перестала дрожать. – Я рассчитывала на большее.

– Как я уже сказала, невозможно быть точными, и мы не хотим отнимать у вас надежду. Но мы хотим убедиться, что ваша надежда реалистична.

За оставшуюся часть встречи она запомнила только около трети всего, о чем они говорили. В какой-то момент медсестра предложила способы уменьшить стресс и беспокойство. Она предложила медитацию. Каре просто хотелось кричать. Она не хотела говорить о себе. Она хотела поговорить о Софи. Как она должна была сказать ей, что ее мама умрет?

Когда она больше не могла выносить это, она встала. – Простите, я просто... я пока не готова говорить обо всем этом. Мне нужно...

Они обе встали; доктор держала листок с информацией. – Конечно. Мы понимаем, что вам многое нужно обдумать. Большая часть того, о чем мы собирались поговорить сегодня, указана в этом документе. Возьмите его домой, прочтите и дайте нам знать, когда захотите поговорить снова. Мы будем здесь. Вы можете позвонить нам в любое время.

Снаружи серый мелкий дождь тяжело бил Каре в лицо. Автобусная остановка была пуста, и она сидела на тонком пластиковом

выступе, ее ноги стояли в луже. *Вероятно, мы говорим о сроке от трех до шести месяцев. Возможно, немного дольше.*

Она вспомнила шестимесячную Софи, такую гордую тем, что сидит, а вокруг неё лежали игрушки. В девять месяцев, ковылявшую к ней, стиснув Кабби липкими ручками. В годик, в её первый день рождения, Даниэль помогла Каре испечь торт, всё время ворча, что гораздо проще купить его в магазине. Тот первый год пролетел так быстро. Пролетит ли и последний так же незаметно?

Рыдание вырвалось из ее горла, и она согнулась пополам. Обхватив колени руками, она попыталась сделать вдохнуть, но у неё с трудом получалось хватать воздух ртом. Это было по-настоящему. Это происходило на самом деле, и ей еще так много всего нужно было сделать. Все – Джейми из благотворительной организации по борьбе с раком, доктор Грин, люди, оказывающие паллиативную помощь, – говорили ей не торопиться, но у неё совсем не оставалось времени. Ей нужно было вернуться домой к Софи. Ей нужно было поговорить с Джеком и Ребеккой.

Когда она вернулась, то открыла дверь запасным ключом, который дал ей Джек. Она стояла в дверях гостиной, глядя за радость, отражающуюся на лице Софи, пока та наблюдала за персонажами мультфильмов. Как она сможет посмотреть в это красивое, доверчивое лицо и сказать ей, что она скоро её оставит?

Софи откинулась назад, смеясь над чем-то на экран, и увидела Кару. – Мамочка!

Кара протянула руки, чтобы поднять ее. – Привет, детка. Как дела в садике?

– Всё хорошо. Меня забрала Ребекка. Мне нужно было подождать её в кабинете со Сью.

Кара поцеловала Софи в макушку, улыбаясь тому, как важничала её дочь. – Что же, это здорово.

Ребекка вышла из кухни и подождала, пока Софи снова плюхнется перед телевизором. Она поманила Кару в сторону кухни. – Ты проверяла свою электронную почту?

Кара последовала за ней, на ходу снимая куртку. После той встречи тест ДНК фактически полностью вылетел у нее из головы. – Нет. Джеку уже пришел ответ?

Ребекка покачала головой. – Насколько я знаю, нет. Но он уже едет домой. На кухонном столе ее ноутбук был открыт. Она развернула его экраном к Каре. – Если хочешь, можешь проверить свою почту здесь.

Она могла понять, почему Ребекка торопилась. Она не была так уверена в зачатии, как Кара. Веб-браузер уже был открыт, поэтому чтобы попасть в ее электронную почту, ей нужно было просто ввести свое имя пользователя в Yahoo!.

Ребекка намеренно *не* смотрела на Кару, когда та вводила свой пароль, а Кара была не в настроении для светской беседы. В течение следующих нескольких мгновений единственным звуком в комнате было щелканье клавиш ноутбука.

Результаты пришли. Она дважды нажала, чтобы открыть ссылку, пришедшую в электронном письме, и прочитала документ до конца. Потом ещё раз. И ещё раз. Жар разлился по ее телу, лицу, мозгу. Ее палец задрожал на тачпаде, а зрение затуманилось. Могло ли это быть ошибкой?

Ребекка встала и взяла ее за руку. – Ты выглядишь так, как будто тебе нужно сесть. Что случилось? В чем дело?

Кара указала на электронное письмо. Ребекка быстро просмотрела его; ее рот широко открылся.

В этот момент на кухню вошла Софи. – Можно мне попить?

Когда Ребекка заговорила, ее голос был выше, чем обычно. – Конечно, куколка. Я принесу тебе стакан воды. Возвращайся к своим мультикам, я сейчас всё принесу.

Как только она ушла, Ребекка повернулась к Каре. – Я не понимаю. Здесь сказано, что Джек не отец Софи. Что, черт возьми, происходит? Ты знала?

Глава 38

РЕБЕККА

Прошел всего месяц с тех пор, как Джек и Ребекка сидели вместе на диване и ели сыр и крекеры после пятничного ужина с боссом Джека. Казалось, что это было целую жизнь назад. После того, как Джек налил им обоим по бокалу вина, они сидели так в течение следующих пяти минут, сжимая бокалы и глядя перед собой. Ни один из них не сделал и глотка.

Он посмотрел на Ребекку. – Если честно, я чувствую себя так, словно меня сбил паровоз.

Так можно было описать тяжелое, сдавленное чувство в ее груди. – Я тоже.

Джек приехал домой примерно через десять минут после того, как Кара открыла свою копию электронного письма. Уже прочитав его за работой, он хотел рассказать Ребекке лично. Даже если бы он успел приехать домой раньше Кары, выражение шока на его лице, когда он вошел, сказало бы Ребекке, чего ожидать. Реакция Кары не сильно отличалась. Либо она была лучшей актрисой на планете, либо была так же шокирована, как и они: не было никаких сомнений в том, что она действительно верила, что Джек – отец Софи. После приезда Джека она отвела Софи наверх, пообещав ванну с пеной.

Ребекка повертела в руках бокал с вином. – Хочешь узнать кое-что безумное? Когда Кара только приехала, я подумала, что она охотится на тебя. Я имею в виду, хочет вернуть тебя.

Джек кашлянул сухим смешком. – Потому что я такая ценная добыча?

Ребекка слабо улыбнулась его попытке пошутить. – Серьезно. Она явно хотела избавиться от меня, чтобы поговорить с тобой, и, ну, если честно, мне показалось, что она тебе нравится.

Джек уставился в свой бокал. – Нет. Дело было не в этом. Я имею в виду, она привлекательная женщина, и мне нравилось говорить с ней

о прошлом. Но это было не влечение к ней – скорее, это напомнило мне о том, каким я был в молодости.

Хотя Ребекка могла понять это чувство, она его не разделяла. Её совсем не привлекала мысль о том, чтобы вспомнить, какой она была в свои двадцать. Она была намного счастливее теперь, когда у нее был Джек, её жизнь была организована, и они оба знали, чего хотят. По крайней мере, раньше так оно и было.

Сейчас всё казалось таким сюрреалистичным: это было самое подходящее время, чтобы открыто рассказать о том, что она чувствовала последние несколько недель, наблюдая за ним с Карой и Софи.

– И – если мы и правда выкладываем все карты на стол – я также подумала, что ты отреагировал слишком спокойно и сразу захотел забрать Софи. – Она отпила еще один глоток вина, стараясь, чтобы её голос звучал как можно более беззаботно. – Я задавалась вопросом, был ли ты честен со мной, когда говорил, что не хочешь детей.

Джек удивленно вздрогнул, затем покачал головой. – Всё было не совсем так. По крайней мере, не поначалу. Поначалу это ты говорила мне, что я должен сделать шаг вперед. Подталкивала меня к тому, чтобы мы с Карой составили план того, когда мы будем присматривать за Софи, – он поднял руку, прежде чем она прервала. – Я не жалею на это. Ты была права. Мне правда нужно было это сделать. Будь она была моей дочерью. Но сейчас...

Так же быстро, как все изменилось, все вернулось обратно. Как по щелчку. Она знала, как сильно была потрясена всем этим, но что насчет Джека? – Но это не так. Она не твоя дочь.

Джек медленно повернул свой бокал. Он выглядел так, словно вот-вот заплачет. – Вот именно. Теперь она не моя дочь, и мы снова только мы.

Это ощущалось так, словно они оказались в вакууме. Только мы. *Только.* – Тебе этого больше недостаточно?

– Что ты имеешь в виду? Когда Джек посмотрел на нее, в его взгляде было что-то, что она не могла прочесть. Он что-то скрывал. Она знала его достаточно хорошо, чтобы понять это.

Она должна была быть уверена. Они должны были быть абсолютно честными. – Эти последние недели, когда ты был отцом...

тебе это и правда подходит. У тебя это получается так естественно. Это изменило твоё мнение о том, чтобы завести детей?

Она затаила дыхание. Что бы он ни сказал дальше, это могло изменить ее жизнь.

Джек вздохнул. Он взял ее руку в свою. О Боже, неужели сейчас всё рухнет?

– Нет, – он покачал головой, – Нет, это не заставило меня захотеть завести детей. Но Софи... Мне правда нравилось быть рядом с ней. Она отличный маленький ребенок. И я... Я беспокоюсь о ней. Я правда беспокоюсь о том, что с ней будет, когда Кара больше не сможет о ней заботиться.

У Ребекки кружилась голова. Она тоже беспокоилась о Софи. Не так, как стала бы беспокоиться мать, но просто как человек. Человек, видевший маленькую девочку, которая вот-вот потеряет свою мать. Маленькую девочку без семьи, насколько им было известно. Это не было материнское чувство. Вовсе нет. Это точно было не оно.

– Но что мы можем сделать?

Джек посмотрел на нее. – Я думаю, мы оба знаем, что мы *могли бы* сделать. Всё зависит от того, хотим мы этого или нет.

Ребекка поставила свой бокал на стол и повернулась к Джеку лицом. Это было серьезно: ей нужно было знать, просто ли он рассматривал варианты или и правда хотел, чтобы они оставили Софи. – Удочерение? Они вообще дадут нам удочерить её? Я имею в виду, конечно, есть тесты, которые вам нужно пройти для этого. Разве нет какого-то списка ожидания или чего-то в этом роде?

Джек придвинулся к ней, как будто пытался прочесть ее реакцию. – Я понятия не имею. Но – если бы мы и правда этого хотели – мы могли бы узнать?

Лицо Ребекки вспыхнуло. Она теребила свое обручальное кольцо – красивое кольцо, которое они выбрали вместе. В то время, когда они знали, чего хотят. Когда всё было ясно. А теперь? – Думаешь, Кара хотела бы, чтобы мы ее удочерили? Я имею в виду, ты не ее отец. И я не думаю, что она в восторге от меня. Она знает, что мы не хотим иметь собственных детей.

– Еще раз. Нам нужно будет спросить, – он потянулся к ней и снова взял её за руку.

– Но я знаю, что сначала нам нужно поговорить об этом. Мы должны быть уверены, что это то, чего мы хотим. Мы оба заняты карьерой, а ты все еще развиваешь свою компанию. Нам нужно серьезно подумать об этом. Нам обоим.

Один взгляд на лицо Джека давал понять, что он выберет. На нём было нетерпение, которое он не мог скрыть. Если бы она сказала, что не хочет этого, стало бы это началом конца для их пары? Чем-то, что он всегда будет ей припоминать? И если она скажет – да, и они действительно удочерят Софи, что тогда произойдет с их отношениями? С их жизнями? У большинства людей было время, чтобы принять подобное решение. Время решить, чего они хотят. Но у них этого не было.

Они об этом не говорили, но она уже понимала, как удочерение повлияет на её жизнь гораздо сильнее, чем на жизнь Джека. Она работала из дома. Она была сама себе начальница. Это означало, что именно она будет забирать Софи из школы и присматривать за ней, когда та заболит.

И это будет непросто. Если бы у них появилось возможно удочерить Софи, это значило бы, что Кары больше нет. Софи потеряла бы свою мать. Ей понадобится так много поддержки. Так много любви. *Как вообще поддерживать ребенка в такой ситуации?*

Сердце Ребекки бешено заколотилось в груди. Прямо сейчас она не могла ясно мыслить. Джек был прав: им нужно было время, чтобы подумать. Завтра она должна была поехать на свадебную ярмарку с Иззи. Может быть, день вдали от дома поможет ей посмотреть на всё с другой стороны.

Глава 39

КАРА

– Ты знала?

Некоторые женщины, наверное, обиделись бы на вопрос Даниэль, в котором слышалось: *Так ты интриганка и манипулятор?* Но Кара слишком давно знала свою подругу, чтобы не придавать её словам лишних значений. Вот почему она пришла сюда на следующий же день. Ей нужно было оказаться рядом с кем-то, кто хорошо ее знал и всё равно любил. А еще чтобы не находиться в доме, в котором она не имела права жить.

Она взяла свою кружку с того места, где Даниэль пристроила её на кофейном столике.

– Клянусь, я была в таком же шоке, как и они. В смысле, конечно, я помню, что спала с другими парнями после Джека. И я этим не горжусь. Но после нашего расставания, я была в полном раздрае. Как физически, так и морально.

Даниэль кивнула и отпила немного бурбона. Они много раз делились своим не-таким-романтическим прошлым за бутылкой вина и не осуждали друг друга. Она подвинула к Каре печенье. – Но я не понимаю. Если ты примерно в то время спала с другими парнями, почему тогда ты была так уверена?

Сейчас это казалось наивным и даже глупым. Но она действительно была уверена. – Я всегда пользовалась презервативами. Я злилась, но я не суицидник. Кроме того раза с Джеком.

Ей нужно было предохраняться и с Джеком. Не то чтобы они планировали создавать семью. Но в реальных отношениях было легко подвинуть границы. Вчера, после результатов теста, подозрительное лицо Ребекки практически обвиняло её в том, что она всё это время знала, что Софи не была ребенком Джека. Но она и правда не знала.

Она почти могла видеть, как мозг Даниэль работает, пока та доедала печенье. – Итак, всё это время ты считала, что знаешь, кто отец Софи, а теперь это не так.

– Если кратко, то да, – Кара потерла щеку свободной рукой. Это был такой хаос.

Даниэль протянула пакет с печеньем, и Кара покачала головой. Даниэль взяла печеньку сама и ненадолго опустила её в чай. – Итак, ты хочешь попробовать связаться с другими? Заставить их тоже сделать тест ДНК?

Если бы ситуация не была такой ужасной, это было бы почти смешно. Как бы, черт побери, она смогла бы это сделать? Разместить объявление в местной газете? *А ты спал с этой женщиной?*

– Я понятия не имею, кто они и где они. Я была пьяна и мне нужно было забыться, и я едва знала их имена. Хотя... У меня есть смутное воспоминание, что там был парень, который был немного похож на Джека, – она вздрогнула от этой мысли. – Это было пять лет назад. У меня нет никаких шансов найти хоть кого-то.

Даниэль кивнула. Слава Богу, Кара могла говорить открыто, не опасаясь, что Даниэль будет в шоке или осудит её. Только сейчас – когда они не жили по соседству – она поняла, как сильно ценит их дружбу. Когда Кара только начала лечение и не могла работать, она была на мели, ожидая первую выплату пособия. Даниэль покупала ей продукты и проверяла, как она, и даже оставила Софи однажды у себя на ночь, когда Каре нужно было отдохнуть.

Вот почему она знала, что Даниэль говорила именно то, что она имела в виду.:

– Итак, это возвращает тебя к исходной точке в вопросе Софи. Слушай, ты же знаешь, что я возьму её.

Кара покачала головой. – Я не могу надеяться, что ты это сделаешь. У тебя уже четверо своих, о которых нужно заботиться. И я не могу дать тебе ничего, чтобы поддержать ее.

– Ну, в патронажную систему она *не попадет*, – Даниэль покраснела, когда заговорила. Они обе знали многие детские секреты друг друга. Кара знала достаточно об опыте Даниэль в патронажной системе, чтобы понять, почему она была непреклонна в том, что о Софи не будут заботиться незнакомые люди.

Она тоже не собиралась это допустить. – Я знаю.

Даниэль была хорошей женщиной. Кара знала, что она искренне предлагала взять Софи к себе. Но этого она тоже не хотела. Недолгое время, проведенное с Джеком и Ребеккой, показало ей мир, в котором

могла жить её дочь. Речь шла не о деньгах, праздниках или модных вещах. Речь шла о той жизни, в которой у Софи был выбор. Где она могла делать и быть тем, кем хотела быть. А это будет не так просто, живи она в одной комнате с дочерью Даниэль и учись она в местной школе, где девятилетки курили на улице.

Хотя было видно Даниэль не сдалась, она сменила тему разговора.

– Так и, что Джек и его дамочка сказали обо всём этом? Велели тебе собирать вещи и убираться оттуда?

Кара не была уверена, как на это ответить. Ребекка, должно быть, испытала огромное облегчение от того, что Софи ушла из их жизни. Она устроила хорошее шоу, взяв заботу о Софи на себя, но теперь она могла вернуться к своей идеальной жизни без каких-либо осложнений. И кто мог ее винить её за это?

А Джек? Должно быть, он тоже испытал облегчение. Эти двое, наверное, будут вспоминать последние несколько недель как кошмарный эпизод своего прошлого. Они могут даже посмеяться над этим, стоя на палубе круизного лайнера с коктейлями в руках.

Нет. Это было несправедливо. Они *и правда* приложили огромные усилия, заботясь о Софи. Они приняли её в свою жизнь. Она покачала ноющей головой. – Нет. Если честно, они по-доброму отнеслись к этому.

Даниэль прищурилась. – Насколько по-доброму? Настолько, что готовы удочерить ребёнка умирающей женщины?

Была ли такая возможность? Был ли хоть какой-то шанс, что они настолько сблизилась с Софи, чтобы хотеть оставить её у себя? – Я не знаю.

– Мне кажется, это твои единственные варианты. Или они удочерят Софи, или ты оставишь ее со мной. Если только у тебя нет феи-крестной, о которой ты мне не рассказывала?

Даниэль знала всё о прошлом Кары, о семье, из которой она ушла. Она была права: других вариантов не было. – Если они захотят ее удочерить, разве это вот так просто? Разве можно вот так просто отдать кому-то ребёнка? Им нужно пройти какое-то обследование?

Даниэль открыла рот, чтобы ответить, но в дверях появилась Софи, а за ней Поппи.

– Мамочка, можно Поппи пойти с нами домой? Может ли она прийти и поиграть у нас дома?

Судя по виду, Поппи очень на это надеялась. Софи, вероятно, нарисовала виртуальную картину своей новой спальни и игрушек. И она уже думала о доме Джека и Ребекки как о своем. Как быстро дети могли адаптироваться к новой реальности. Сможет ли она так же быстро приспособиться к другим изменениям? – Не сегодня, детка. Почему бы тебе не пойти и не поиграть еще немного? Мы уже скоро поедem.

Когда они убежали играть, Кара услышала, как Софи обещает показать Поппи в «своём новом доме» конструктор Lego, кукольные домики и другие сокровища. Она начала кашлять, и Даниэль нахмурилась, глядя на нее. – Ты в порядке? На вид не очень.

Кара порылась в своей сумке в поисках пачки салфеток. – Думаю, я немного простыла. На прошлой неделе Софи приболела. Она высморкалась. Боль в её голове начала пульсировать.

Даниэль выглядела взволнованной. – Хочешь дам тебе парацетамол?

– Нет, со мной всё будет в порядке. Думаю, мне просто нужно вернуться домой и поспать. И она тоже это делала: называла жилище Джека своим домом. А это было не так. Она встала, чтобы надеть куртку. – Ты не знаешь, Ли уже сдал в аренду мою старую квартиру?

Даниэль протянула руки. – Понятия не имею. Я могу позвонить ему и спросить, если хочешь. Сколько у тебя времени, прежде чем нужно будет покинуть сказочный дворец?

Кара рассмеялась, но даже это вызывало боль. – Не знаю. Всё это было немного...

Но она не договорила. Лицо Даниэль расплылось перед ней, и она почувствовала, как начала падать.

Глава 40

РЕБЕККА

Выставочный зал был полон палаток и людей. Яркие белоснежные улыбки и длинные загорелые ноги заманивали людей посмотреть на новейшие заведения, дизайн приглашений, оформление воздушными шарами.

Ребекка уже познакомилась с путеводителем по свадебной ярмарке и обвела прилавки, которые они хотели посетить, чтобы она могла максимально использовать их время. Хотя свадьбы почти всегда занималась Иззи, им нравилось посещать подобные мероприятия вместе, и, как обычно, ей нужно было удерживать Иззи от блужданий. Этой женщине не помешали бы «детские поводыя», чтобы держать её под контролем. Даже мысль об этом заставила её вспомнить Софи, и она снова постаралась отмахнуться от неё.

– Хорошо. Нам нужен стенд Джи-47. Гленмор-Хаус. У них новое свадебное предложение, о котором я хотела бы послушать.

Иззи даже не смотрела на нее. Она разглядывала стенд, на котором продавались разноцветные напитки с декоративными фруктами, плавающими сверху.

– Хорошо, но разве мы не можем просто побродить и поискать людей, с которыми, по твоему мнению, мне стоит поговорить по дороге?

Хорошо ли Иззи её знала? – У нас всего четыре часа, и я хочу убедиться, что мы ни на что не отвлекаемся.

– Ты имеешь в виду, что это я не отвлекаюсь, да? Не думаю, что ты хоть когда-то в своей жизни сбивалась в пути, – Иззи ткнула её локтем и улыбнулась, но она была не в настроении.

Невероятно красивый мужчина лет двадцати – вероятно, наемный актер – возник перед ними с пригоршней ручек и стикеров. – Добрый день, дамы, могу я заинтересовать вас прекрасными бесплатными принадлежностями для письма?

Иззи просияла. – Я вся ваша.

Не успела Ребекка опомниться, как он подвёл их к своему стенду, посвященному канцелярским принадлежностям: приглашениям, планам рассадки, карточкам – не-занимайте-дату, меню – безграничные возможности на карточках премиум-качества. Они пришли сюда не ради этого, но Иззи уже гладила гляцевую, отделанную льном карточку очередности подачи. Красивый мужчина, очевидно, почувствовал, что Ребекка не так заинтересована. Он сунул ей пачку стикеров. – У вас есть дети? Я могу дать вам еще пару таких для них, если хотите.

Он был явно слишком молод, чтобы понимать, что не стоит говорить подобное женщине, даже если на вид она уже в том возрасте, когда можно рожать детей. Ребекка скрестила руки на груди: – У меня нет детей. И у меня всё в порядке, спасибо.

Иззи подняла голову. – Софи такие могут понравиться. Мои оба сходят с ума от стикеров. А ты сказала, что она любит рисовать. Почему бы тебе не взять парочку для нее?

Что-то дрогнуло в груди Ребекки. – Софи больше не будет с нами.

Иззи нахмурилась. – О чем ты?

Молодой человек явно служил там приманкой, потому что он оставил их наедине и вышел на площадку, чтобы поймать новую добычу. К ним подошел его старший и менее привлекательный коллега. – Вы хорошо разбираетесь в первоклассных товарах, дамы. Это наша новая роскошная коллекция свадебных канцелярских принадлежностей. Могу ли я заинтересовать вас другими товарами?

Как всегда оставаясь профессионалом, Иззи одарила его улыбкой. – Это было бы здорово, но мне просто нужно поговорить с моим партнером.

Она взяла Ребекку под локоть и повела ее мимо красивого мужчины, пока они не слились с толпой. – Что значит, Софи не будет рядом? Что случилось?

Ребекка глубоко вздохнула. – Джек не отец Софи.

Иззи выглядела так, словно вот-вот подавится. – Что? Ты уверена?

Ребекка кивнула. – Тест ДНК. Мы узнали вчера.

Иззи прикрыла рот ладонью. Мимо них проходили другие люди: будущие невесты со своими гордыми матерями, координаторы мероприятий, собирающие брошюры, владельцы стендов, проверяющие конкурентов. *Вот это* было ее миром: здесь она знала,

кто она. Иззи потянулась и положила руку ей на плечо. – Пойдем выпьем кофе.

Она действительно не хотела говорить об этом. – Я в порядке. Давай просто пойдем...

Иззи снова взяла ее за локоть. – Ты, может, и в порядке. Но я нет. Идем.

Кафе-бар был супер-модным, с примерно сорока различными вариантами кофе, молока и размера чашки. Иззи отправила её искать место, пока она стояла в очереди за двумя латте.

Как и всегда Иззи обслужили довольно быстро, и Ребекка помахала ей с найденного места. Иззи поставила чашки на столик и, придвинув стул поближе, понизив голос. – Слушай, я не хочу вести себя как судья Джуди, но я удивлена, что вы, ребята, еще в самом начале не сделали тест ДНК. Я имею в виду, Ребекка, ты же всё перепроверяешь.

Ребекка попыталась отпить из бумажного стаканчика, но напиток был слишком горячим и обжег ей губы. – Знаю. Я чувствую себя полной идиоткой. Мы хотели его сделать, но... Не знаю. Софи просто так похожа на Джека, или, по крайней мере, я так думала. И он, казалось, думал, что она вполне может быть его ребёнком. А потом, ну, ты знаешь, рак. Это просто не казалось таким важным.

Она снова и снова прокручивала это в голове. *Это и правда было* совершенно на неё не похоже: просто, безо всяких доказательств признать, что Софи была дочерью Джека. Если это не было карой за все те разы, когда ее обвиняли в том, что она выжимала все соки своей тройной проверкой, она не знала, что было. Но легче от этого не становилось.

Иззи медленно покачала головой. – Черт. Я не знаю, что сказать, это... Я правда не знаю, что сказать. Как Джек отреагировал?

Джек был в шоке. В некотором смысле, шок был даже сильнее, чем когда Кара постучала в их дверь в ту первую ночь. Неужели это было всего месяц назад? – Он так же потерян, как и я.

Кормить Софи завтраком этим утром... что же, у нее было такое чувство, словно она видела её впервые. Внезапно всё, чем она была похожа на Джека, просто исчезло. Это было безумием.

– А Кара? У нее есть какие-то идеи, что она будет делать сейчас, узнав, что Джек не отец Софи?

До ухода из дома она не видела Кару. Джек знал, что она хотела заехать к Иззи перед выставкой, и предложил Софи подождать, пока встанет её мама. Утром она была такой уставшей, что они не хотели ее беспокоить. Может, она и не спала. Может, она лежала там, пытаясь понять, какого черта она собиралась делать теперь. – Думаю, ещё слишком рано. Я имею в виду, мы же не собираемся её выгонять. Им некуда идти.

Кофейня заполнялась людьми, и некоторые посматривали на их столик, ожидая, когда они уйдут. Ребекка просто хотела пройтись по стендам, которые они планировали посетить, а затем вернуться домой. – Идём, давай покончим с этим.

Если у Иззи и были еще вопросы, она оставила их при себе. – Хорошо, но ты знаешь, что можешь поговорить со мной об этом, когда захочешь. Ничего из того, что ты можешь сказать, меня не шокирует. Правда. А пока, – она протянула руки, – веди меня туда, куда ты хочешь, чтобы я пошла.

Стенд, о котором мечтала Ребекка, находился на другой стороне выставочного пространства. Им пришлось продирааться через толпу слишком рьяных владельцев стенд, которые совали брошюры или листовки им прямо в руки. Избегая зубастого оранжевого человека с сумкой, полной скидок на автозагар, Ребекка по ошибке зашла в палатку с надувными шарами, и ее чуть не сбили с ног надувные жених и невеста в натуральную величину. – Простите.

Иззи хихикнула у нее за спиной. – Не думаю, что они против.

Раздраженная и нервная, Ребекка повернулась, чтобы найти выход оттуда. Она терпеть не могла воздушные шары. В надувной арке в форме сердца было что-то безвкусное. И отвратительное для окружающей среды. Но там был жемчужно-желтый воздушный шар, который качался в одиночестве, и она могла представить, как Софи держит его в своей пухлой маленькой ручке. Она не должна думать об этом. – Вытащи меня отсюда.

Она шла назад по главному вестибюлю, когда Иззи догнала. – Эй, подожди. Где пожар?

Когда Ребекка повернулась, чтобы посмотреть на Иззи, ее взгляд затуманился.

– Прости, я...

Лицо Иззи вытянулось, и она положила руку на плечо Ребекки. – О, Ребекка, не плачь. О, милая, в чем дело?

– Я не могу этого сделать, – только когда она произнесла эти слова, Ребекка поняла правду. – Я не могу ее отдать.

Затем зазвонил ее телефон.

Глава 41

КАРА

Приемная была забита битком. Повсюду слышались кашель, чихание и капризничающие дети. Серые лица наблюдали, как парамедик катил ее мимо них на коляске. Кара смутно помнила, как Даниэль рылась в ее сумке в поисках паспорта пациента, проходящего курс химиотерапии. Должно быть, она отдала его парамедикам, как только они прибыли, потому что они передали его секретарю в приемной, когда ее привезли. Доктор Грин дала ей паспорт в качестве гарантии того, что в больнице ее немедленно осмотрят: единственное преимущество перед неизлечимой болезнью.

В течение нескольких часов, проведенных в онкологической приёмной, Кара слушала от других пациентов, проходивших химиотерапию ужасные истории об опасности подхватить любую инфекцию и вовремя не получить нужные лекарства. Младший врач, который осматривал ее, выглядел таким молодым, но под его глазами лежали тени, что наводило на мысль, что его смена была долгой. Она закрыла глаза: у нее не было сил бороться за лечение прямо сейчас. *Пожалуйста, пусть он просто знает, что делать.*

К счастью для нее, он знал. – Так, Кара, сейчас я назначу вам антибиотики, чтобы избежать риск сепсиса. Что скажете?

Она кивнула. Когда она попыталась заговорить, ее голос звучал слабо. – Спасибо.

Он передал медсестре планшет с заметками и наговорил кучу медицинских терминов. Закрыв глаза, она позволила словам проплыть мимо.

– Кара? – молодой врач снова был рядом с ней. – Кили сейчас введет вам лекарства, а затем мы переведем вас в палату, чтобы мы могли наблюдать за вами в течение нескольких часов. Возможно, всю ночь. Есть ли кто-то, кому мы можем позвонить по поводу вас?

Ей потребовалось много сил, чтобы покачать головой. Софи была у Даниэль вместе с ее собственными детьми. Больше прийти было

некому.

Некому.

Какие бы лекарства они ей ни давали, должно быть, они вырубили ее, потому что она проснулась только после полудня.

Вероятно, она была в боковой комнатке рядом с главной палатой, что было гораздо безопаснее для онкологического больного с низким иммунитетом. Часы на стене показывали 14:45. Она подождет до трех часов дня, а затем, если никто не придет ее проведать, нажмет на кнопку вызова медсестры. Она хотела как можно скорее вернуться к Софи.

Пока она лежала на больничной койке, уставившись в потолок, время тянулось очень медленно. Не имея ничего другого, чем можно было бы занять свои мысли, Кара не могла убежать от реальности своей ситуации. Сейчас изначальный шок от теста ДНК прошел, а голые факты было невозможно игнорировать. Хорошо, конечно, что она сказала Даниэль, что той не нужно забирать себе Софи, но больше никого не было. Джек не был ее отцом.

Ее дверь медленно открылась, и в изножье ее кровати появилась темно-синяя форма.

– Хотите воды? Должно быть у вас пересохло во рту.

У медсестры было одно из тех добрых лиц, какие обычно бывают у милых мам или бабушек. Кара приподнялась на кровати, чтобы взять пластиковый стаканчик с водой. Она пила её маленькими глоточками. – Спасибо.

Медсестра смотрела, как она пьет. – Не за что.

Как только Кара закончила, она передала стаканчик обратно медсестре. – Вы знаете, когда меня отпустят... домой? Она запнулась на последнем слове. Где вообще сейчас был её дом?

Громко затрещала липучка, когда медсестра расстегнула манжету для измерения артериального давления и обернула ее вокруг руки Кары. Наблюдая за тем, как ее умелые пальцы закрепляют его, Кара внезапно удивилась тому, какими тонкими стали ее руки. Она почувствовала напряжение, когда аппарат выключился, и медсестра прочитала показания. Та одобрительно кивнула. – Ваше кровяное давление в порядке. У вас легочная инфекция, поэтому нам нужно убедиться, что антибиотики справляются с задачей.

Она ни за что не хотела оставаться здесь на ночь. Ей нужно было как можно скорее вернуться к Софи. Что, если она была напугана? Видела ли она, как Кару увозила скорая?

– И сколько на это нужно времени? Ещё час? Два?

Медсестра наклонила голову, чтобы посмотреть на нее. – Обычно мы оставляем пациентов на ночь, чтобы наблюдать за ними. Но при сложившихся обстоятельствах врач может выписать вас и позволить вам восстановиться дома. При условии, что вы сразу же вернетесь, если почувствуете себя плохо. У вас есть человек, который сможет приехать и забрать вас?

Кара прикусила губу. Даниэль придет и заберет ее, если понадобится, но это будет зависеть от того, будет ли ее старшая дочь дома, чтобы присмотреть за младшими. Она не хотела просить Джека или Ребекку. – Я смогу вызвать такси.

Медсестра нахмурилась. – Мы никак не сможем отпустить вас, если дома за вами некому присматривать.

Ей нужно было быстро что-то придумать: она не собиралась оставаться здесь и подхватывать какую-нибудь заразу в больнице. Слишком многое нужно было уладить. Слишком много всего нужно было организовать. Ребекка и Джек были хорошими людьми, но как долго они позволят им оставаться у себя?

– Дома есть люди. Но, возможно, они просто не смогут приехать за мной. Это не было совсем уж ложью: где бы они не оказались, Софи будет с ней. Софи была ее домом.

Должно быть медсестра видела карту Кары, поэтому она знала, почему Кара не хотела оставаться в больнице в течение того времени, на которое её могли здесь оставить. Её тон был сочувствующим. – Что ж, посмотрим. С вами всё будет в порядке – мы обнаружили инфекцию. Но вы будете восприимчивы ко всем вирусам. Вам нужно подумать о том, чтобы изолироваться настолько, насколько это возможно.

Если бы только у нее была такая роскошь как партнер или семья, это могло бы случиться. – Это немного сложно. У меня маленькая дочь. И я живу одна. Она снова прикусила губу, чтобы та перестала дрожать. Она всегда была только с Софи. Она не жалела себя и ни у кого не просила помощи. Но сейчас всё было по-другому.

Медсестра была очень добра. – Я понимаю. Это сложно, но дети миниатюрные фабрики микробов. У вас есть кто-то, кто может помочь вам с ней?

Не только Софи привыкла бывать у Джека и Ребекки. В каком-то смысле Кара чувствовала, что впервые в жизни у нее появилась подстраховка. Ее встреча с доктором Грин была разрушительной и ужасающей, но, по крайней мере, с Джеком и Ребеккой она знала, что с Софи всё будет в порядке, если случится худшее. Но сейчас?

Медсестра все еще была рядом, ожидая ответа. – Возможно. Я позвоню кое-кому.

Когда успокоенная на время медсестра ушла, Кара прокрутила в голове варианты. Чем больше она думала об этом, тем чаще возвращалась к одному и тому же ответу: Джек и Ребекка были ее единственной надеждой. Может, Джек и не биологический отец Софи, но ему нравилось проводить с ней время, так? И Софи любила проводить время с ним. И с Ребеккой.

Они могут вылечить эту инфекцию грудной клетки, а могут и нет. В любом случае, у нее не было времени на вежливость или надежду. Ей нужно было, чтобы это сделать. Каким-то образом она должна была найти способ убедить Джека и Ребекку позаботиться о Софи. Если потребуется, она даже будет их умолять.

Ее сумочка была в шкафчике рядом с кроватью. Ей потребовалось какое-то время, чтобы дотянуться до неё левой рукой, а затем положить себе на колени. Её мобильный телефон был в боковом кармане спереди. Она нашла номер, который искала. Прошло два гудка прежде чем на звонок ответили.

– Ребекка? Привет, это Кара. Мне нужна твоя помощь.

Глава 42

РЕБЕККА

Потребовалось некоторое время, чтобы вытащить Софи из дома Даниэль, потому что она хотела, чтобы Ребекка подтвердила своей нетерпеливой подруге Поппи, что у нее действительно есть своя спальня и свой стол, и, да, Софи пекла кексы, и помогала планировать чью-то свадьбу.

За несколько часов с тех пор, как Кару увезли, Даниэль удалось развеять страхи Софи по поводу скорой помощи. Этому способствовал телефонный звонок Кары, сказавшей Софи, что всё в порядке и что врачи дали ей лекарство, чтобы ей стало лучше.

Теперь Даниэль с подозрением смотрела на Ребекку, скрестив руки на своём декольте.

– Знаешь, она может остаться у меня. Я более чем смогу за ней присмотреть.

Ее оборонительный тон заставил Ребекку почувствовать себя кем-то из социальных работников. – Уверена, что так и есть. Но Кара попросила меня забрать ее и отвезти домой. Надеюсь, они выпишут её утром.

Две маленькие девочки исчезли внутри, чтобы найти обувь Софи, и Даниэль прикрыла входную дверь и понизила голос. – Ты же понимаешь что она и правда не знала.

– Что? – Ребекке пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать ее. На мгновение она подумала, Даниэль говорила о раке.

Пальцами правой руки Даниэль перехватила дверь так, чтобы она не захлопнулась. Ее левая рука лежала на её животе, ладонь покоилась на правом бедре, как будто она обнимала себя. – Что Джек не отец Софи. Тест ДНК. Она была в полном шоке. И она бы точно сказала всё мне, если бы знала правду. Она всё это время думала, что Джек – отец Софи.

Ребекка знала это. По реакции Кары было очевидно, что она была ошеломлена таким результатом. Все они были виновны в том, что не

сделали тест ДНК сразу же. Даже сейчас она не могла объяснить, почему этого не произошло. Была ли это реакция Джека? Ее собственное ошибочное убеждение, что Софи похожа на Джека? Кто знал? Но они этого не сделали. И вот результат. Она понизила собственный голос до того же уровня. – Я ее не виню.

Даниэль толкнула дверь, чтобы проверить, где Софи, а затем вышла в общий коридор, всё ещё держась за ручку, чтобы никто не мог открыть ее сзади. – Что вы будете делать?

Ребекке нужно было время, чтобы разобраться в собственных мыслях, прежде чем выяснять отношения с кем-то, кто допрашивал её о следующем шаге.

– Прости, что?

– Я о Софи. И Каре. Вы их вышвырнете?

Почему ее выставили таким плохим человеком? – Не думаю, что это твоё дело.

Даниэль выпятила подбородок. – Кара – моя лучшая подруга, и она слишком больна, чтобы разбираться во всём этом. Ей нужно где-то пожить какое-то время... в каком-то хорошем месте, чтобы... – Даниэль порвисто вытерла слезы, катившиеся по щекам.

Ребекка смягчилась. Если Кара была лучшей подругой этой женщины, неудивительно, что она заботилась о ней. – Слушай. Мы не собираемся их *вышвыривать*. Но нам и правда нужно всё это обговорить. Но теперь, когда мы знаем, что Джек не отец Софи, всё несколько сложнее, чем было вначале.

Раздался негромкий стук с другой стороны двери. Софи подняла крышку почтового ящика. – Можно мне выйти, пожалуйста?

– Конечно, милая. Даниэль открыла дверь и присела на корточки, чтобы сравняться ростом с Софи, застегнула молнию на ее розовом пуховике. – Будь хорошей девочкой при Ребекке. И поцелуй от меня свою маму, когда она вернется домой, хорошо?

– Хорошо, – Софи обвила руками шею Даниэль, обняла её, а затем потянулась к руке Ребекки. Как быстро это стало нормальным.

Даниэль выпрямилась. – У Кары есть мой номер. Позвони мне. Если им что-нибудь понадобится. Позвони мне.

Ребекка кивнула. – Хорошо.

Автокресло, которое она заказала для Софи, привезли накануне и – в свете анализа ДНК – она планировала вернуть его. Теперь она

радовалась, что не сделала этого.

Может, то, что она сидела позади и ей не приходилось смотреть в глаза Ребекке, придало Софи смелости, чтобы задать важные для неё вопросы. – Мамочке совсем плохо? Её сегодня увезла скорая. Она умрёт?

Очевидно, звонок Кары успокоил её не так хорошо, как думала Даниэль. Ребекка хотела избавить Софи от беспокойства, но не она должна была отвечать на вопросы о здоровье Кары. Вероятно, пока было лучше не вдаваться в детали. – У нее и правда сильная простуда, и врачи должны дать ей лекарство в больнице, чтобы она могла вылечиться.

Очевидно, Софи думала об этом. – Но когда я простыла, меня не возили в больницу. Мы просто делали тосты с яйцом.

Ребекка всё ещё улыбалась, когда посмотрела на нее в зеркало заднего вида. – Знаю, но мамочка ведь уже была болела, верно?

Софи не смотрела ей в глаза, когда задавала свой следующий вопрос. – Раком?

Что Кара сказала Софи о своём состоянии? Она никогда не слышала, чтобы они говорили об этом, но Кара, казалось, думала, что Софи знает всё, что ей нужно знать. Но понимала ли Софи, насколько это было серьезно? Ребекка не хотела вмешиваться в это. Не хотел пугать Софи. Но она не могла лгать. – Да, раком.

Софи молчала еще несколько улиц, рисуя лицо на запотевшем стекле. Затем она снова заговорила. – Прошлой ночью мне приснился плохой сон.

– Да? О чем?

– Ни о чем.

Какой абсолютно запутанной и пугающей, вероятно, была эта ситуация для Софи. Ни один ребенок не должен сталкиваться с неизлечимой болезнью своей матери. Этого было слишком много для такой маленькой девочки. Как бы сильно она ни хотела успокоить её страхи, Ребекка была не тем человеком, который мог бы ей помочь. Что, если она сказала что-то не то? Стало ли ещё хуже? Но она не могла ничего сказать. Не мог просто отмахнуться от этого как от чего-то несущественного. – Тебе часто снятся плохие сны?

Еще один взгляд в зеркало заднего вида подтвердил, что Софи кивнула. – Иногда часто, иногда они уходят, а потом возвращаются

снова.

Ребекка глубоко вздохнула. – Они о твоей маме?

Софи снова смотрела в окно. – Иногда.

Как Ребекка могла ей это объяснить? Ей нужно было сказать что-то, что заставило бы её чувствовать, что ее слушают, не вынуждая её волноваться ещё сильнее. – Ну, это нормально видеть плохие сны, когда ты волнуешься о ком-то. А когда твоя мама болеет, естественно беспокоиться о ней.

Кажется, Софи обдумывала это несколько мгновений. А затем она повторила вопрос, на который действительно хотела получить ответ. – Моя мама умрет?

Ребекка едва могла открыть рот, чтобы заговорить. Было так несправедливо, что эта маленькая девочка должна была потерять свою мать. Она была слишком юной и это было неправильно. Но по телефону Кара звучала очень больной. Ребекка знала, что нечто подобное может стать для нее концом.

Она хотела сказать Софи, что всё будет хорошо. Что чтобы ни случилось, они с Джеком позаботятся о ней и она будет в безопасности.

Но как она могла пообещать ей подобное, когда она понятия не имела, возможно ли это вообще? – А что, если мы вернемся домой, а потом ты сможешь позвонить мамочке и снова поговорить с ней?

Глава 43

КАРА

После досадной ночевки в больнице Кара, наконец, убедила врачей выписать ее поздно вечером в четверг. Доктор Грин проверила ее и объяснила то, что они оба уже знали: ее иммунная система была опасно слабой, и подобный вирус или инфекция могли стать последней каплей для её организма. Если антибиотики не смогут справиться с этим, то ей останется несколько недель или даже дней.

Она могла бы остаться в больнице, но она прочитала достаточно статей, чтобы знать, что даже здесь она тоже не будет в полной безопасности. Нет, если у неё оставалось мало времени, она собиралась провести его с Софи. И именно об этом ей нужно было поговорить с Джеком и Ребеккой.

Джек приехал, чтобы забрать её из больницы. Он взял выходной на работе, потому что Софи не пошла в сад и осталась дома с Ребеккой, и она не могла отвезти ее в больницу. Кара попросила Ребекку передать с ним ее косметичку. Софи итак предстояло испугаться; не хватало ещё, чтобы её мать вернулась домой, выглядя, как ходячий мертвец.

Сидеть рядом с ним в машине было странно, совсем как в старые добрые времена. Как в тот день, когда они были вместе, и им взбрело в голову съездить на денек в Брайтон. Лежа рядом с ним в постели, она случайно упомянула, что никогда там не бывала, и он вскочил, схватил ключи от машины, и они в мгновение ока оказались на шоссе A23. Она улыбнулась этому воспоминанию.

Джек, должно быть, заметил улыбку. – Ты чувствуешь себя лучше?

– Не уверена, что – лучше – правильное слово, но я, по крайней мере, могу стоять.

Джек поморщился. – Извини.

Она была грубой, и сейчас было не время для сложностей. – Нет, это ты извини. Я чувствую себя немного лучше, чем раньше, но мне

пора начинать смотреть фактам в лицо.

Должна ли она поговорить с ним об этом сейчас? Прощупать почву, пока он был один? Две недели назад она могла бы это сделать, но было очевидно, что ей нужно поговорить с ними обоими. Если Ребекка решит, что она действовала за её спиной, это ни на йоту не поможет её делу.

Первым делом, вернувшись домой, она хотела увидеть Софи, чтобы заверить ее, что с мамочкой всё в порядке. Но когда она приехала, Софи выглядела неуверенной, как будто боялась прикоснуться к ней. – Эй, детка, а где мои приветственные обнимашки?

Софи застыла на секунду, а затем подбежала к ней, уткнулась лицом в бедро Кары и затряслась от слез. Кара погладила ее по шелковистому затылку. – Давай, пойдем наверх, я расскажу тебе сказку и мы пообнимаемся?

Ребекка и Джек держались в стороне, пока Кара лежала с Софи в кровати и рассказывала той, что ей нужно принимать антибиотики, и они будут бороться с ее болезнью, и тогда ей снова станет лучше.

Пока она объясняла, Софи едва могла смотреть ей в глаза. – Это из-за меня?

– О чем ты?

– Это из-за меня у тебя появились микробы? Ты заболела из-за моих микробов?

Вполне возможно, что это был вирус, с которым Софи переболела на днях, но Кара ни за что бы не сказала ей об этом. – Конечно, нет. Это мамино лечение. Оно повышает шансы того, что я могу что-нибудь подхватить. Врачи к этому привыкли.

Кажется, это немного успокоило ее. По крайней мере, теперь она смотрела на Кару.

– Это больно? Если я тебя обниму, тебе будет больно?

– Вовсе нет. Она прижала Софи к себе, прижалась носом к ее макушке и вдохнула ее запах. Если бы она могла просто остановить это мгновение навсегда, она бы никогда не захотела ничего другого. – Ты – это лучшее лекарство, которое я только могла получить.

В конце концов, Софи убедилась, что ее мамочка никуда не собирается, и спустилась вниз, чтобы перекусить. Это дало Каре

передышку, в которой она нуждалась. Она позвонила Джеку, и тот ответил почти сразу же.

– Привет. Ты в порядке? Тебе что-нибудь нужно?

Она уже чувствовала усталость. Ей нужно было поговорить с ними сейчас. Вы с Ребеккой можете подняться сюда на минутку? Но убедитесь, что Софи занята своими мультиками или чем-нибудь еще.

Джек сделал паузу. Должно быть, он понял, что что-то случилось. – Конечно. Мы поднимемся через пять минут.

Верный своему слову, Джек осторожно постучал в дверь ее спальни ровно через пять минут. – Можно?

Она натянула одеяло повыше. – Конечно.

Ребекка вошла первой, а Джек следовал за ней. Его очевидное смущение было иронично, учитывая, что в прошлом они исследовали каждый дюйм тел друг друга.

Ребекка заговорила первой. – Как ты себя чувствуешь?

– Честно говоря, устала. И всё болит. Действительно болит.

Судя по выражению беспокойства на лице Ребекки, она, должно быть, выглядела действительно плохо. – Мы можем что-нибудь сделать, чтобы тебе было удобнее? Хочешь поесть?

Даже легкое покачивание головой причиняло боль. Однако для дополнительных обезболивающих было слишком рано. – Мне просто нужно поговорить с вами обоими о Софи, а потом я посплю.

Ребекка взглянула на Джека. Они прошли дальше в комнату. Джек улыбнулся ей. – Мы тоже хотели поговорить с тобой о Софи.

– Позволь мне сказать всё первой. Мне нужно это сделать. Я знаю, что то, о чем я собираюсь просить вас, неправильно. Я знаю, что за последние несколько недель я принесла вам кучу потрясений, и я сожалею об этом. Я правда думала, что она твоя дочь, Джек.

Она на мгновение задержала дыхание. Это оказалось сложнее, чем она рассчитывала. Джек выглядел так, словно собирался заговорить, поэтому она продолжила: – Софи – моя дочь, и я сделаю что угодно, чтобы убедиться, что она в безопасности. Что угодно. Ты хороший человек, Джек. Ты всегда был таким. Даже когда я ненавидела тебя за то, что ты бросил меня, я не могла не признать, что ты был честным, добрым и справедливым. Ты просто не любил меня, или, по крайней мере, недостаточно сильно, чтобы остаться со мной навсегда.

Джек опустил взгляд в пол. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым. Она просто хотела, чтобы он понял. Чтобы он на самом деле понял.

– Софи нужен кто-то вроде тебя в ее жизни. Кто-то надежный и хороший. Ей нужно, чтобы её любили. Она повернулась к Ребекке, в глазах которой стояли слезы. – Я знаю, что ты не хочешь детей, Ребекка. Я знаю, что это не входило в твои планы. Но ты будешь ей хорошей матерью, я знаю, что будешь. Ты умна, амбициозна и... намного, намного более аккуратная, чем, вероятно, это полезно для здоровья. Но у тебя большое сердце. Я знаю, что прошу многого. Я прошу вас изменить всю вашу жизнь, чтобы заботиться о маленькой девочке, которую еще месяц назад вы даже не знали. Но она замечательный ребенок, и вы не пожалеете об этом, я знаю, что не пожалеете.

Ребекка потянулась, чтобы взять ее за руку, но затем остановила себя. – Кара, я...

– Нет, пока не говори. Мне нужно закончить. Она должна была вытащить всё это наружу. – Я думала об этом, пока был в больнице прошлой ночью, и я действительно рада, что вы не хотите ещё детей. Если бы у вас с Джеком были дети, вы могли бы любить их больше, чем Софи. А так она становится центром вашего мира, как она была центром моего. Если вы станете её родителями, то не будет ничего, что она не сможет получить, увидеть или сделать. Вы сможете дать ей всё, что я бы для неё хотела. Образование. Путешествия. Мечты.

Теперь слезы свободно текли по щекам Ребекки. Кара потянулась к руке, которую она чуть было не протянула несколько мгновений назад, сжимая ее так крепко, как только могла.

– Как думаешь, ты смогла бы полюбить ее?

Ребекка едва могла говорить из-за комка в горле. Она кивнула и прошептала: – Думаю, я уже.

Джек прочистил горло. Его глаза тоже блестели? – Это то, о чем мы хотели поговорить с тобой. Мы обсуждали то же самое.

Когда Кара выдохнула, воздух завибрировал в её горле. Сказала ли она достаточно, чтобы убедить их? – И?

– И... Он взглянул на Ребекку, и она слегка кивнула. – Мы хотим удочерить Софи.

Сердце Кары воспряло; это было полдела. Теперь нужно было переходить к остальному. – Я очень рада. И благодарна вам. Но я не думаю, что у нас есть на это время. Мой врач была предельно ясна. Я не знаю, сколько у меня осталось, а усыновление может длиться слишком долго. У нас может не хватить времени.

Усилие говорить заставило ее закашляться, и Ребекка налила ей стакан воды.

Джек подождал, пока она прокашляется. – Не понимаю. Я думал это то, чего ты хотела.

Ребекка коснулась руки Джека, чтобы остановить его от дальнейших расспросов. – Что ты хотите, чтобы мы сделали?

Сердце Кары забилося быстрее. – Я хочу быть уверена, что Софи будет с вами. Хочу, чтобы Джек был её отцом по закону. Так я буду знать, что она в безопасности. посмотрела на Джека, так умоляюще, как только могла. – Я хочу, чтобы ты вписал свое имя в свидетельство о рождении Софи.

Глава 44

РЕБЕККА

Джек провел руками по волосам. – Что нам делать?

Софи закончила смотреть свой любимый мультфильм и поднялась к Каре. Она спросила Ребекку, может ли она взять с собой коробку с рисунками, чтобы она могла нарисовать маме несколько картинок, поэтому Ребекка помогла ей перенести её. И еще дала ей одну из огромных книг в твердом переплете, которые держала под стеклянным журнальным столиком, чтобы использовать ее в качестве подставки. Джек пошутил, что, по крайней мере, кому-то есть от них какая-то польза.

Джек закрыл кухонную дверь и прислонился к ней, закрыв глаза. – Это незаконно, не так ли? То, о чем она просит?

– Я бы предположила, что да. Я не гуглила.

Джек на мгновение перестал ходить взад-вперед и посмотрел на нее. – Я тоже. Я почти боюсь искать это на случай, если кто-нибудь решит проверить мою историю поиска.

Она не хотела искать, потому что не хотела знать наверняка. Не хотела знать, какова вероятность тюремного заключения, если вы солгали в свидетельстве о рождении. Может, лучше было не знать. Идите вслепую.

– Однажды я кое-что прочитала, – газетную статью, – в которой говорилось, что существует удивительное количество мужчин, имена которых указаны в свидетельствах о рождении и которые даже не знают, что не являются отцами детей, о которых идет речь.

Джек кивнул. – Да, я имею в виду, у людей бывают интрижки, верно?

– Все время, – Ребекка рассмеялась. Затем приложила ладонь ко рту. Вероятно, это был шок. – Прости.

Джек отмахнулся от ее извинений. – Не за что извиняться. Он помолчал некоторое время. – Как думаешь, специалисты по анализу ДНК ведут учет результатов, которые они рассылают?

– Возможно. Ей следовало подумать об этом более серьезно, но ее мысли были наверху, с Карой и Софи. Никто не должен проходить через то, что им предстояло. Если бы было что-то, что она могла бы сделать, чтобы облегчить им жизнь, она бы это сделала. Что угодно.

Джек начал мерить шагами кухню: верный признак того, что он обдумывал, рассуждал, планировал. – Итак, они – специалисты по ДНК – должны знать, что я не ее отец. Я смысле, не её биологический отец.

Он уже видел разницу. Считал ли он себя отцом Софи? – Да. Они должны знать.

– Думаешь, они как-то связаны с людьми, которые выпускают свидетельства о рождении? Например, должны ли они передавать им информацию?

Ребекка понятия не имела, и он это знал. Эти вопросы были риторическими: Джек пытался разложить всё по полочкам в своей голове. Взвесить потенциальные риски. – Я не думаю, что они связаны, но я не знаю наверняка. Я не уверен, что для них было бы законно делиться частной медицинской информацией.

Джек плюхнулся на кухонный табурет рядом с ней, уставившись в чашку с кофе, к которой так и не притронулся. Некоторое время они сидели молча, погруженные в свои мысли.

Странное спокойствие овладело Ребеккой. Любой, кто знал её, мог бы представить, что она взрывается при одной мысли о том, что Джек напишет своё имя на юридическом документе, зная, что он лжет. Это шло вразрез со всем, во что она верила. Но прямо сейчас, всё, о чем она могла думать, было лицо Кары. Ее неопишущем страхе в тот момент, когда она говорила о том, что Софи попадет в патронажную систему. И от мысли о том, что эта красивая маленькая девочка потеряет свою маму, а потом её вырвут из привычной жизни. А что, если они не смогут найти для нее семью? Или семья, которую они нашли, окажется плохой? Что, если?.. Она крепче сжала свою кружку. *Нет. Этого не должно было случиться. Нет. Нет. Нет.*

Джек нарушил молчание. – Больше никого нет, верно?

Была еще Даниэль, подруга Кары. Но если бы это был подходящий вариант, то Кара, вероятно, разговаривала бы с ней, а не с ними? Ребекка уже видела её крошечную квартирку с четырьмя детьми, живущими там. – Нет. Больше никого.

– Мне невыносима мысль о том, что она... будет где-то не здесь. Будет с кем-то, кроме нас, – Джек встал и снова стал расхаживать. – Они позволят нам присматривать за ней? Ну, социальные службы или кто там решает такие вещи. Я имею в виду, этого хочет Кара, верно? И этого хочет Софи. У нас хороший дом, хорошая работа, мы хорошие люди. С чего бы им отказать нам присматривать за Софи, когда Кара... когда ее не станет?

Он не мог заставить себя сказать, что Кара умрет. Когда-то он любил ее. В разгар всего, что происходило, она не подумала, что он, возможно, тоже скорбит по Каре. – Уверена, что есть хороший шанс, что они дадут нам добро. Как ты и сказал, мы вполне способны позаботиться о ребенке, и Кара хочет, чтобы она была у нас. Но если они этого не сделают...

Джек перестал ходить и повернулся, чтобы посмотреть на нее. – Это рискованно.

Она кивнула. – И у нас не так много времени. То, как она выглядела, когда ты привез ее домой из больницы... Мы просто не знаем, сколько у нас осталось. Странно, как спокойно она себя чувствовала. Как прозаично. Хотя это было, вероятно, самым безумным, самым нехарактерным поступком, который она когда-либо совершала.

Джек сглотнул. – И Кара может... умереть до того, как всё будет улажено. Она не будет знать исход наверняка.

Ребекка кивнула. – Она не сможет успокоиться.

– Господи. Голос Джека дрогнул, он приблизился к ней и сжал ее руку. – Всё это так чертовски несправедливо.

Становилось все труднее не плакать. Это *было* несправедливо. – Она такая хорошая мама. Софи – прекрасный ребенок.

Глаза Джека блестели от непролитых слез. – Но это так и есть, верно? Умная, забавная и красивая. Он нахмурился и уставился на тыльную сторону руки Ребекки, обводя большим пальцем форму костяшек ее пальцев. – Кара тоже когда-то была такой. Ну, большую часть времени. В других случаях она была... Я не могу этого объяснить, это было так, как будто она была сломана. Всё было бы хорошо, а потом она совершала что-нибудь безумное. Как будто она пыталась всё разрушить. Пыталась заставить меня бросить её. Как будто меня постоянно проверяли.

Была ли Кара в детстве похожа на Софи? Что такого случилось в ее жизни, что у неё появилась эта хрупкая скорлупа? – И она не хочет подобного для Софи.

– Именно, не хочет, – он поднял глаза. – И я могу ей помочь.

Он говорил серьезно? Как будто это не было огромным обязательством для них обоих. – Ты? Не мы?

– Прости, ты знаешь, что я имею в виду. Конечно, это будем мы оба. И мы должны быть действительно уверены. Как только я внесу свое имя в это свидетельство о рождении, пути назад не будет. Это юридический документ. Я буду нести юридическую ответственность за Софи, пока ей не исполнится восемнадцать.

Восемнадцать. Они не просто говорили об уходе за маленькой девочкой. Она вырастет в подростка, затем в молодую женщину. Они будут говорить о школьных заданиях, проблемах дружбы и парнях. Это будет навсегда.

Джек всё еще держал её за руку. Бабочки запорхали у неё в животе. Они собирались это сделать. На самом деле собирались. Это было незаконно, но это было правильно, верно? Это было правильно для Кары и правильно для Софи. Они оставалось лишь надеяться, что и она увидит это так. – Мы не можем лгать Софи. Иначе как всё это сработает? Нам придется рассказать ей, что мы сделали.

Джек вытер глаза свободной рукой.

– Я знаю.

– И как мы это сделаем? Мы не можем ждать, пока ей исполнится восемнадцать, и только потом рассказать всё. Но если мы скажем ей всё сейчас, она может проболтаться кому-нибудь. Как нам это сделать?

– Я не знаю. Я правда не знаю.

Было так много неучтенных мелочей. Так много неизвестных. Так много риска. И ответственности. От одной мысли обо всем этом у Ребекки закружилась голова.

Джек подошел к ней ближе. – Прости, Ребекка. Я чувствую, что это всё моя вина. И я не хочу давить на тебя, и я не хочу потерять тебя, но я не могу... – его голос сорвался. – Я не могу...

Ребекка накрыла его руку своей. – Я тоже не могу. Думаю, нам придётся с этим справиться, верно?

Джек потянулся к ней и коснулся рукой ее щеки, вытер слезы, которые она даже не заметила. – Думаю, что да.

Он прижал ее к себе, и она вдохнула его тепло и силу. Они могли сделать это. Вместе они могли бы это сделать. Но им нужно было сделать это как можно скорее.

Она мягко оттолкнула его. – Я сейчас позвоню в ЗАГС и запишусь на ближайший приём. А ты можешь придумать, как нам отвезти туда Кару, пока она не слишком больна для поездки.

Глава 45

КАРА

– Так, ладно. Джеку удалось раздобыть инвалидное кресло, так что нам просто нужно одеть тебя, а потом мы можем отправляться.

Последние пару дней Ребекка начала говорить «мы», когда на самом деле имела в виду Кару. Это раздражало, но это было объяснимо – Каре нужна была помощь абсолютно со всем. Дело было не в том, что она не могла одеться, или налить себе стакан воды, или даже дойти до туалета без посторонней помощи. Просто на всё требовало огромное количество усилий, и у нее, казалось, совсем не осталось сил.

Волна благодарного облегчения, которую она почувствовала, когда Джек согласился вписать своё имя в свидетельство о рождении Софи, уступила место гложущему беспокойству, что что-то пойдет не так. Что, если бы правила изменились? Что, если она сказала что-то или он сказал что-то, что выдало их обман? Чем скорее они получат этот сертификат, тем счастливее она будет. Ей нужно было убедиться.

Ребекка опустилась на колени на пол перед ней, чтобы она могла надеть брюки, которые та ей протягивала. Кара боролась с тем, чтобы сказать ей, что ей не нужна ничья помощь, хотя, очевидно, это было не так. Ребекке потребовалось пять минут, чтобы одеть ее. Останься Кара одна, на это действие у нее ушло бы двадцать пять минут.

Согласно часам в коридоре, было десять утра. – Во сколько у нас приём? Мне казалось, ты сказала, что он в двенадцать?

Ребекка кивнула. – Так и есть. Обычно он закрыт между двенадцатью и часом дня, но моя подруга Иззи знает кое-кого в ЗАГСе, так что им удалось втиснуть нас на специальную встречу.

– Итак, почему мы уезжаем так рано? Ты беспокоишься, что Джек не сможет быстро докатить меня? Знаю, я вешу очень даже прилично.

Она пыталась пошутить. Она знала так же хорошо, как и они, в какой мешок костей она превратилась. Ребекка слабо улыбнулась в

знак признания ее слабой попытки пошутить.

– Я надеялся, что ты будешь чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы сначала выпить кофе. Это была идея Софи. Она упомянула кафе в центре города, куда ты водила ее, чтобы немного побаловать. Что-то про молочный коктейль Оreo?

Кафе «Кэндлс». Это было их место. Владелец всегда давал Софи бесплатное печенье к её молочному коктейлю. – Думаю, я смогу с этим справиться. Хотя не уверена, что могу представить Джека в таком месте. Это на него не похоже.

– Мы не планировали присоединиться к вам. Я подумала, будет хорошо, если вы с Софи пойдёте туда вдвоём. Мы можем отвезти вас туда, сходить за покупками, а потом вернуться. Софи сказала, что вы всегда ходите только вдвоем, так что я подумала, может, ты захочешь зайти туда?

Ей не нужно было добавлять – в последний раз, чтобы Кара услышала это. Кто бы мог подумать, что маленькое кафе заставит ее захотеть опустить голову и заплакать? – Не уверена, что мы там поместимся. Это маленькое кафе.

Ребекка сняла пальто с вешалки в прихожей. – Всё в порядке. Я их уже предупредила.

Если бы Кара продолжала дышать медленно, она могла бы не расплакаться. – Спасибо. Это правда прекрасная идея.

Кафе было таким же, как и всегда. Дребезжание чашек на блюдцах, шипение кофемашины и громкое скрипучее жужжание аппарата для приготовления молочных коктейлей из различных сладостей и печенья.

Джек вкатил ее внутрь и в угол, где владелец зарезервировал для них столик. Когда они впервые приехали сюда, Софи была в коляске. А теперь это ей нужна была помощь.

Софи прошаркала до скамейки напротив и взяла меню, делая вид, что читает его.

– Мне, пожалуйста, молочный коктейль – Оreo, а маме большой кофе. Я сама заплачу. Она вытащила кошелек, который Кара раньше не видела. Должно быть, Ребекка дала её его. И деньги.

Джек улыбнулся Каре.

– Оставляю тебя в надежных руках твоей дочери. Мы вернемся через полчаса.

Дверь звякнула, когда он уходил, и молодая девушка подошла, чтобы принять их заказ. Выложив деньги из своего кошелька, Софи поняла, что они могут позволить себе еще и торт. Хотя у Кары не было аппетита есть торт, она не стала бы портить Софи удовольствие заказать его – его всегда можно было упаковать с собой и взять домой.

Софи внезапно стала выглядеть такой взрослой. Заказывая напитки, отсчитывая деньги, убирая сдачу обратно в свой крошечный кошелёк. Какой она будет через пять лет? Или десять? В какую женщину она вырастет?

Когда официантка подошла, чтобы принять их заказ, она принесла Софи несколько цветных карандашей и бумагу для рисования. Именно это, а еще молочный коктейль Огео, были причиной того, что это место стало их любимым. Софи нетерпеливо выложила карандаши на стол и выбрала синий: ее новый любимый цвет.

– Помнишь, когда-то желтый был твоим любимым цветом?

Софи с отвращением сморщила нос. – Нет. Мой любимый цвет – синий. На первом месте темно-синий. А на втором – светло-голубой.

Кара рассмеялась. – Я знаю, что сейчас это так, но раньше твой любимый цвет был желтым. Как у меня.

Изменилось гораздо больше, чем ее любимый цвет. И в последующие годы многое изменится. Но она этого уже не увидит.

Официантка вернулась, поставила поднос на стол и выгрузила большой молочный коктейль и едва ли не целое ведро кофе: она бы просто не смогла столько выпить. Торт тоже был огромным, как для великана; ее затошнило от одного взгляда на него.

– Управляющий передал, что торт за счет заведения. И что он сожалеет, что вы плохо себя чувствуете.

Кара посмотрела на полного мужчину за прилавком. Он поднял руку, показывая, что принимает ее благодарный кивок.

Софи приложила губы к полосатой розовой бумажной трубочке и сделала большой глоток. Она откинулась на спинку стула с набитыми, как у хомяка, щеками и потратила минуту, чтобы проглотить коктейль. – Восхитительно.

– Не пей слишком быстро, иначе у тебя будет...

– Заморозка мозга! Софи хихикнула, закончив предложение.

Это была хорошая идея. Какой бы милой Ребекка не сделала свободную спальню, было приятно выбраться из нее. И приятно проводить время с Софи, только вдвоем. Она почти могла притвориться, что всё было нормально.

– Мамочка, тебе скоро станет лучше?

Это было не самое подходящее место для такого разговора, но Кара пообещала себе, когда лежала на больничной койке, что с этого момента она будет честна с Софи.

– Мамочка сильно больна, малыш.

Софи сделала ещё один глоток молочного коктейля, проглотила его и вернулась к своему рисунку. – Я знаю. Ребекка должна тебе помогать.

Желудок Кары сжался. Было достаточно сложно принять помощь, не говоря уже о том, чтобы говорить об этом. – Это так. Ребекка сильно мне помогает. Она тебе нравится?

Софи подняла глаза. – Конечно. Она замужем за моим папой.

Невероятно, как быстро Софи привыкла к мысли, что Джек был ее отцом. Возможно, дети и правда были намного более устойчивыми, чем считали взрослые. Кара действительно на это надеялась. – Хорошо. Я рада, что она тебе нравится. Мне тоже.

Софи взяла в руки красный карандаш. – Так когда ты поправишься?

Может, подходящего времени просто не существовало. Может, оно было именно сейчас. – Нет, детка. Мамино лекарство не подействовало. Я не поправлюсь.

Софи так сильно нажала на карандаш, что он сломался. Ее голова была опущена, на рисунок упала большая слеза.

Кара наклонилась вперед. – Иди сюда, детка. Мамочке нужны твои особые объятия.

Софи забралась на колени Кары и уткнулась лицом в грудь матери. Кара крепко держала ее к себе, точно так же, как она делала, когда Софи была крошечным младенцем, и ей приходилось держать одной рукой её, а другой – вилку. Она уткнулась носом в волосы Софи. – Всё будет хорошо, детка, я обещаю. Всё будет хорошо.

Она погладила Софи по спине. Всё должно было быть хорошо. Потому что она собиралась сделать так, чтобы всё хорошо. Они собирались вписать Джека в свидетельство о рождении прямо сейчас,

а потом, уже вечером, ей нужно было поговорить с Ребеккой. Рассказать ей всё о Софи. Она должна знать её любимый молочный коктейль, любимый цвет, какой жилет она предпочитает носить. Она недолго сможет оставаться матерью Софи, но она могла убедиться, что у ее новой матери будет всё, что нужно, чтобы сделать Софи счастливой.

Глава 46

РЕБЕККА

– Тебе нужно что-нибудь еще?

Ребекка сделала комнату настолько удобной, насколько могла. Помимо нового мягкого постельного белья и пухлых подушек, у нее был кувшин ледяной воды с лимоном, свежие цветы и подборка книг и журналов, а на стене они повесили телевизор с плоским экраном.

– Я даже *подумать* ни о чем не могу. Ты очень добра.

Состояние Кары сильно ухудшилось за последние несколько дней. Ее щеки впали ещё сильнее, и у нее едва хватило сил, чтобы держать стакан воды. Добрая участковая медсестра тихо предложила хоспис, но ни Джек, ни Ребекка не могли и подумать о том, чтобы разлучить её и Софи. Медсестра пыталась объяснить, что хоспис не похож на больницу, что Софи сможет проводить со своей мамой столько времени, сколько захочет, но разве там могли быть такие условия, как здесь? Здесь Софи могла входить и выходить из маминой спальни, когда хотела. Этим утром Ребекка нашла ее свернувшейся в ногах кровати Кары, как котенка. Они не могли лишить Софи или Кару ни единого мгновения, проведенного вместе.

Ребекка открыла ящик под кроватью, чтобы достать свежие простыни. – Софи внизу с карандашом в одной руке и бутербродом с сыром в другой. Я сказала ей следить, чтобы она их не перепутала, а она захихикала и сделала вид, что рисует своим сэндвичем. Хочешь, чтобы я оставила тебя отдыхать, или составить тебе компанию?

Участковая медсестра также сказала им регулярно проверять состояние Кары. Они должны были позвонить ей, если ей станет хуже. В то же время, по ее словам, всё, что они могли сделать, это обеспечить ей комфорт. Морфий снимал боль, но её бедные губы так пересохли и потрескались, что казалось, что никакое количество вазелина уже не помогало. Она лизнула их, прежде чем заговорила хриплым голосом. – На самом деле, я хотела поговорить с тобой. Хочу,

чтобы ты знала, как я тебе благодарна. Тебе и Джеку. Я знаю, что я полностью перевернула вашу жизнь. Как будто гранату бросила.

Они уже обсуждали это. Ребекка не хотела, чтобы Кара продолжала благодарить её.

– Но это очень милая граната.

Кара рассмеялась, ее горло пересохло и хрипело. Эта проклятая легочная инфекция опустошала ее бедное, слабое тело. – Она очень милая. Я ведь не предвзята, верно?

Ребекка покачала головой. – Ни капельки. Она красивая маленькая девочка. И к тому же умная. Однажды она сделает что-то потрясающее.

Если бы кто-нибудь сказал Ребекке два месяца назад, что она так быстро привяжется к ребенку, она бы рассмеялась и назвала их сумасшедшими. Дело было не только в том, что Софи была хорошим ребенком; тот факт, что она вот-вот потеряет свою мать, сделал ее настолько уязвимой, что Ребекка просто хотела окружить её любовью и защитить.

– Я тоже так думаю. Она будет невероятным человеком. Вот почему я должна была это сделать. Я лежала здесь и думала, что должна была рассказать вам обоим о раке с самого начала. Вы были так добры ко мне, что я чувствую себя очень виноватой из-за того, что обманула вас. Я просто хотела, чтобы вы немного узнали ее. Я бы не попросила помощи для себя, но для нее я бы сделала что угодно.

– Я понимаю. Она тоже это знает.

– Я знаю, что *теперь* она это знает. В смысле, я рассказываю ей достаточно всего. Мои родители, ну, ты знаешь, не были в этом сильны. Привязанность. Любовь. Я хотела, чтобы она всегда знала, как много она для меня значит. Она была моей жизнью.

Это был не первый раз, когда Кара упоминала о своей непростой семейной жизни. Это заставило Ребекку уважать ее еще сильнее. Судя по тому немногому, что она говорила, её мать не была образцом для подражания, но сама она проделала такую отличную работу. У Ребекки внутри все перевернулось: ей будет трудно соответствовать Каре.

Кара ворвалась в ее мысли, казалось бы, случайным вопросом.

– Ты помнишь что-нибудь о том, когда тебе было четыре?

Ребекка перестала расправлять углы пакета в мусорном ведре, которое она опустошала, и уставилась вдаль, пытаясь вспомнить свое

раннее детство.

– Да, думаю. Я помню игрушки, с которыми играла. Я помню отпуск в Корнуолле, когда меня с ног до головы окатило волной, пока я была одета, и родителям пришлось покупать мне сменную одежду в секунд-хенде поблизости. И Рождество, когда мой дедушка заснул, и мы упаковали его в использованную оберточную бумагу.

Она улыбнулась при воспоминании о том, как бумага поднималась и опускалась в такт храпу ее дедушки, и увидела, что Кара внимательно смотрит на нее. – Похоже, у тебя была довольно хорошая семья. Но ты правда помнишь эти вещи? Или дело в том, что ты видела фотографии и люди рассказали тебе о том, что там было?

Правда была в том, что эти вещи стали частью их семейного фольклора. – На это невозможно ответить, верно? Я почти уверена, что помню их, но, ты права, возможно, я воссоздала их из того, что мне рассказывали.

Кара вздохнула. – Да. Я думала об этом. Не уверена, что у меня остались какие-то воспоминания о том времени, когда я была в возрасте Софи. Меня это не беспокоит, потому что я сомневаюсь, что они были бы хорошими. Но я хочу, чтобы Софи помнила. Я хочу, чтобы она помнила меня.

Ее голос надломился, и это разорвало сердце Ребекки. – Конечно, она будет тебя помнить. Она обожает тебя. Такую любовь не забудешь. Даже если тебе четыре.

Кара пожевала свои бедные губы. Они дрожали. – Надеюсь, ты права. Правда. Но у тебя были люди, которые рассказывали тебе, какой ты была в детстве. Кто расскажет Софи обо всех наших воспоминаниях? Кто поможет ей соединить все точки в её сознании? Кто скажет ей, как сильно я ее обожала?

Каким мучительным это, должно быть, было для неё... – Расскажи мне. Рассказывай мне всё, что ты хочешь, чтобы она знала. Я это запишу. Я запишу твой голос. Я сниму тебя на видео, если ты к этому готова. Позволь мне помочь тебе.

Кара откинулась на спину с закрытыми глазами. Пока она не заговорила, Ребекка думала, что она заснула. – Это странно, да? В реальной жизни мы бы никогда подружились.

Неужели неизлечимая болезнь лишила её всякой вежливости?

– Ой. Ты решила говорить начистоту?

Один глаз приоткрылся. – Прости. Я не хотела грубить. Я просто имела в виду, что мы очень разные. Удивительно, что мы обе нравились Джеку. Может, я была хороша для веселья, но ты хороша для брака.

– И снова ой. Я *могу* быть веселой, когда ты узнаешь меня получше. Ну, когда ты не просишь меня воспитывать ребенка, которого я только что встретила, – Ребекка подмигнула Каре, чтобы та поняла, что она дразнится.

Кара снова закрыла глаза, но она улыбалась.

– Я не так выразилась. Я имею в виду, что, когда я встретила тебя, я никак не ожидала, что мы так скоро окажемся в такой ситуации. Я даже не думала, что ты будешь во всем этом участвовать. Но я рада. Я рада, что у Софи будешь ты. Думаю, ты как раз та мама, которая ей нужна.

Ребекка присела на край кровати. Становилось трудно дышать. – Надеюсь, ты права. Но, знаешь, ты пока не можешь меня бросить. Я еще не научилась делать всё, что я должна. Я не знаю, как быть мамой.

Кара слабо покачала головой, ее глаза всё еще были закрыты. – Никто не знает. Роды не дают тебе новых супер-способностей, знаешь ли. Скорее наоборот. Я провела первый год жизни Софи, чувствуя себя полной и абсолютной неудачницей. А сейчас ей четыре, и она скоро пойдет в школу. Я знаю об этом столько же, сколько и ты. Ты просто, как бы, узнаешь обо всем по ходу дела.

Ребекка боялась, что она скажет именно это. – Плыть по течению, да?

Кара улыбнулась. – Ага, плыть по течению.

Ребекка подумала о протестах Иззи по поводу ее негибкости на работе. Жалобы Джека, что ему никогда не разрешали устраивать сюрпризы. Уровень её межгалактического стресса на свадьбе Саманты. – На самом деле это не моя сильная сторона.

Кара похлопала ее по руке. – Ничего не знаю, мне кажется, что в последнее время ты неплохо справляешься с этим, – она сделала глубокий, хриплый вдох. – Мало кто из тех, кого я знаю, могли бы принять такой поворот, как бывшая девушка их мужа, появившаяся у них на пороге с ребенком и всё остальное, что произошло с тех пор. Ты была невероятна, Ребекка. Я не уверена, что знаю, как тебя благодарить. Но я хочу. Я не думаю, что... В смысле, я не знаю...

Она начала кашлять, и Ребекка придвинулась ближе и взяла ее за руку.

– Тс-с-с. Не говори, если это трудно. Тебе не нужно ничего говорить. И тебе не нужно меня благодарить. Я просто хотела бы сделать больше. Я хотела бы помочь тебе остаться с Софи.

Кара слегка, но решительно покачала головой. – Ты сделала для меня больше, чем кто-либо другой в моей жизни.

Сердце Ребекки болело за нее. Для Софи. За ту жизнь, которую они должны были прожить вместе. – Ты доверила мне самое ценное, что у тебя есть. Думаю, мы квиты.

Кара крепче сжала руку Ребекки. – Позаботься о моем ребенке, Ребекка. Скажи ей, что ее любили с той минуты, как она родилась.

Слезы навернулись на глаза Ребекки. – Я буду говорить ей это каждый день. Я обещаю.

Глава 47

РЕБЕККА

– Ты готова, Соф?

Джек, одетый в черный костюм с желтым галстуком, на котором настояла Софи, протянул ей руку. В последние несколько дней они долго обсуждали, достаточно ли Софи взрослая, чтобы присутствовать на похоронах своей матери, но она была так уверена, что хочет прийти, что они согласились. В любом случае, на них всё равно будут только они, Даниэль и несколько старых коллег Кары по работе. Крематорий был очень любезен и организовал такую службу, которая максимально помогла бы Софи.

В конце концов, Кара тихо ушла через две недели после того, как они посетили ЗАГС, чтобы вписать Джека в свидетельство о рождении. Казалось, что она выздоравливала от инфекции, которую подхватила, но затем та вернулась с удвоенной силой. Она оказалась слишком сильной, чтобы её ослабленная иммунная система могла с ней бороться. Как только они поняли, что она может не дожить до Рождества, они перенесли праздник. Переставили елку и подарки в её спальню и ели рождественский пудинг, сидя на краю ее кровати. Софи заслужила еще одно Рождество со своей мамой.

Теперь Софи встала с дивана, на котором она сидела очень осторожно, чтобы не испортить новое платье, которое они купили вместе с Ребеккой. Она хотела знать, что люди надевают на похороны, и Ребекка сказала, что она должна выбрать то, что захочет. Вот почему она остановилась на желтом платье. Ведь её мама сказала, что желтый был ее первым любимым цветом, и она подумала, что это может быть и любимым цветом ее мамы.

– Я готова, папа.

В последние пару дней она начала называть Джека – папой: сначала осторожно, а затем с большей уверенностью. Она все еще звала Ребекку по ее имени, поэтому они предположили, что так оно и будет.

Когда они вышли из машины у крематория, Софи заметила мемориальные доски среди цветочных клумб и спросила Ребекку что это такое. – Это имена людей, чьи похороны проходили здесь. Люди пишут их имена, а затем небольшое сообщение о них, чтобы их могли запомнить.

Софи нахмурилась. – Что за сообщение?

– Ну, вот здесь, – Ребекка указала на ближайшую к ним табличку, – написано: «Тед Браун, горячо любимый муж, отец и дедушка».

Они направились к крематорию, но Софи, очевидно, обдумывала эту новую информацию. Как раз перед тем, как они присоединились к Даниэль на улице, она остановилась и потянула Ребекку за подол пальто, и Ребекка присела на корточки, чтобы послушать ее. – А у мамочки будет такое?

– Если ты хочешь, то мы так и сделаем. Ты знаешь, что хотела бы написать?

Софи кивнула. – Я хочу, чтобы там было: «Лучшая мамочка в мире».

Ребекка сглотнула. Она не хотела усложнять ситуацию для Софи, расплакавшись. – Звучит идеально. Она была лучшей мамочкой в мире, верно?

Софи кивнула и начала плакать. Ребекка обняла ее, крепко зажмурив глаза и едва осмеливаясь дышать. Ее сердце болело за эту маленькую девочку, которая потеряла свою мать, и за Кару, которой не будет рядом, чтобы увидеть, как растет её дочь. Каждой частичкой своего существа она надеялась, что справится с задачей помочь Софи справиться с этим и не только.

Софи отстранилась и посмотрела на Ребекку. – И ты можешь быть лучшей мамочкой в мире номер два.

Теперь она не могла сдержать слезы. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы стать лучшей мамочкой номер два, Софи. Правда. Она достала из сумки салфетку, вытерла лицо Софи и помогла ей высморкаться.

Затем она взяла левую руку Софи, а Джек взял правую, и они вместе вошли в крематорий на прощальную церемонию.

Эпилог

– Мама, сколько еще фотографий ты будешь делать?

Блейзер, который был на Софи, доходил ей до кончиков пальцев, а накрахмаленная белая рубашка была немного великовата. Тем не менее, теперь она была ученицей средней школы до мозга костей.

Ребекка подняла телефон, пытаясь выбрать ракурс, который, как ее заверяла Софи, поможет сделать лучший снимок. – Еще всего одну. Я хочу отправить её твоему отцу.

Джек предложил взять выходной на утро, чтобы они оба могли отвезти Софи на её первый учебный день, но она обиделась и закатила глаза от одной только идеи.

– Мне уже одиннадцать, а не пять.

Как ей могло быть уже одиннадцать? Последние семь лет пролетели незаметно. Некоторые из них были легче, чем другие. Если судить по старшему сыну Иззи, впереди их ждало множество подростковых бурь.

У подножия лестницы Софи взяла свой рюкзак, в котором не было ничего, кроме пенала с канцелярскими принадлежностями, которые они купили в начале лета. И все же, с ним на спине, она была похожа на черепашку. Очень красивую черепашку.

Прошлой ночью Ребекка стояла у двери в спальню Софи, где фотография Кары наблюдала за ней с прикроватного столика, пока та спала. Когда она закрывала глаза, она всё ещё слышала шепот маленькой девочки, какой Софи была, когда они впервые встретились. Тогда Ребекка понятия не имела, как сильно она полюбит это лицо. Глядя на нее, стоящую там сейчас, это мысль снова поразила её. Это было ошеломляюще.

Софи задумчиво обернулась. – Как думаешь, она бы гордилась мной? Моя мама?

Они были честны с самого начала, объяснив Софи, что собираются удочерить ее и с этого момента станут ее родителями. Она спросила, кто ее отец, если это не Джек, но до сих пор ей хватало того ответа, что они действительно этого не знали.

Был сложный момент, когда она сказала своему школьному учителю, что Джек не был ее настоящим отцом, но им удалось объяснить это, сказав, что она просто сильно переживает смерть своей матери. Когда она стала достаточно взрослой, чтобы понять это, они сказали ей, что указали Джека в ее свидетельстве о рождении, потому что так хотела ее мать. И потому что в этом случае никто и никогда не сможет забрать её у них.

Как можно было не гордиться ею? Ее ясные яркие глаза, которые хотели видеть все, что мог предложить мир, ее огромное сердце, которым она любила всех и вся.

– Да, моя дорогая. Она бы лопнула от гордости. Также как и я. Также как твой отец.

Софи усмехнулась. – Я забыла тебе рассказать, когда папа приезжал, чтобы забрать меня, один из учителей пошутил, насколько мы похожи. Смешно, правда?

Ребекка не была удивлена. Разве она сама не думала, что четырехлетняя Софи похожа на Джека? Вот почему они не сделали тест ДНК в самом начале. – Я могу понять почему. У тебя те же манеры.

Софи закатила глаза. – Аргх. Не говори так.

Ребекка рассмеялась. В эти дни Софи часто заставляла ее смеяться. Это было странно, что, вырастая, твой ребенок становится тем, с кем тебе хотелось бы общаться и проводить время.

Ее ребенок. Это были два слова, которые, как она думала, она никогда не произнесет. Это было не то, чего она хотела или в чем нуждалась в своей жизни. Но появилась Софи, и – каким – то образом – они справились с этим.

Конечно, ей приходилось терпеть самодовольные комментарии «мы знали, что ты однажды решишься» от некоторых, и было бессмысленно пытаться объяснить, что они с Джеком вели бы совершенно счастливую и полноценную жизнь и без детей. На самом деле, когда Софи было около семи, она спросила о братьях и сестрах. Ребекка и Джек обсудили это, но ничего не изменилось. Они оба любили Софи. Она была их дочерью. Но они не хотели еще одного ребенка. Они нашли время, чтобы сесть и объяснить ей всё в деталях, но она только пожала плечами и сказала: – Можно мне вместо этого котенка?

Теперь та маленькая девочка была на два фута выше и стояла у входной двери, держа руку на защелке. – Теперь мы можем идти? Я не хочу опаздывать.

Они собирались прийти минут на двадцать раньше, но Ребекка не хотела ослабить ее энтузиазм. – Ты всё взяла?

Она снова очень знакомо закатила глаза. – Да. Я составила список и вычеркивала из него пункты, когда упаковывала их.

Некоторые черты характера были переданы безо всякой биологии. – Хорошо, идём в машину.

Когда они сели в машину и поехали в новую школу Софи, она казалась более задумчивой. – Как думаешь, я буду в классе со своими друзьями или нет?

– Не знаю, но ты сможешь увидаться со своими друзьями на перемене.

Она снова замолчала на какое-то время. – Как думаешь, здесь будет как в школе Святой Катерины, или по-настоящему сложно?

– Не думаю, что они будут всё усложнять с первого дня.

Она посмотрела в окно. – А если мне там не понравится? Если я не заведу новых друзей? А если?..

Ребекка накрыла руку Софи своей. – Кто-то очень умный однажды сказал мне, что нужно принимать жизнь такой, какая она есть, и решать проблемы по мере их поступления. Кажется, это называется – плыть по течению.

Софи улыбнулась. – Хорошо, мам. Давай сделаем это.

Они припарковались на дороге в двух улицах от школы, где Софи попросила её высадить. Она вышла из машины, но не закрыла дверь. Вместо этого она колебалась. Посмотрела сначала в сторону школы, а затем снова на Ребекку, прикусив нижнюю губу, как она всегда делала, когда нервничала из-за чего-то.

Ребекка наклонилась к ней через пассажирское сиденье. – Не думай об этом слишком много. Посмотри, как пойдет день. Иногда именно то, что ты не планируешь, приносит тебе наибольшее счастье.

И когда она смотрела, как ее дочь уходит, чтобы присоединиться к толпе других учеников, правда ее слов достигла ее сердца, и она прошептала в воздух:

– Посмотри на неё, Кара. Надеюсь, ты ей гордишься.

notes

Примечания

1

В произведении присутствуют упоминания социальных сетей, относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской и чья деятельность в России запрещена.